

ЕСТЕСТВЕННЫЕ

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

Семнадцатилетняя Кэсси является естественной в чтении людей. Склеивая мельчайшие детали, она может сказать вам кто вы, и чего вы хотите. Но это не тот навык, который она когда-либо воспринимала всерьез. То есть, пока ФБР не объявились: они начали секретную программу, которая использует исключительных подростков расследовать секретные ужасные случаи, и им нужна Кэсси. Чего Кэсси не представляла, так это того, что дело более опасное, чем несколько нераскрытых убийств — особенно, когда она отправляется жить с группой подростков, чьи способности также необычны, как и ее. Саркастичный, надменный Майкл ловко читает эмоции, что он использует, чтобы проникнуть в голову Кэсси — и под ее кожу. Задумчивый Дин, как и Кэсси, спец в профилировании, но держит ее на расстоянии. Вскоре становится ясно, что все в программе Естественных не те, кем кажутся. И когда новый убийца делает ход, опасность нависает ближе, чем Кэсси могла представить. Ввязавшись в смертельную игру в кошки-мышки с убийцей, Естественные должны использовать все свои способности, чтобы просто выжить. Перевод с английского: Львова Лиза Редактор: Анастасия Антонова, Лина Aileen Обложка: Ксения Левченко

Дженифер Линн Барнс
Естественные

Естественные — 1

Часть первая: Осознание

Ты.

У тебя был выбор: большой выбор. Может, она будет той, кто остановит тебя. Может, она будет другой. Может ее будет достаточно.

Единственная вещь, которая важна — это то, что она особенная.

Ты думаешь, это в ее глазах — не цвете: ледяном, прозрачно-синем. Не в ресницах, или в форме, или в том, как она не нуждается в подводке, чтобы они стали похожи на кошачьи.

Нет, это то, что скрыто за ледяным синим, то, что скрыто от остальных. Ты чувствуешь это каждый раз, когда смотришь на нее. Уверенность. Знание. Этот блеск в глазах она использует, чтобы уверить людей в том, что она все знает.

Может, она...

Может, она действительно видит вещи. Может, она знает все.

Может, она все то, что сама утверждает и даже больше. Но наблюдая за ней, считая ее вздохи, ты улыбаешься, потому что в глубине души знаешь, что она не собирается останавливать тебя.

Ты на самом деле не хочешь, чтобы она остановила тебя.

Она хрупкая.

Идеальная.

Отмеченная.

И та единственная вещь, эта так называемая телепатия, которая не поможет тебе.

Глава 1

Время тянулось вечность. Чаевых оставляли мало, и большинству моих коллег тоже оставалось желать лучшего, но *c'est la vie, que sera sera*, можете использовать клише из любого другого языка, на ваш выбор. Это была летняя подработка, и это держало Нонну подальше от меня. Работа была отличным поводом не встречаться с моими тетями, дядями и домохозяйками кузинами, и чувство неудобства, когда они хотели предложить мне работу в их ресторане /мясном магазине /юридической конторе/ бутике. Учитывая размер семьи моего отца, его бесчисленной родни (и очень итальянской), то возможности были бесконечны, но я запретила себе работать на них. Я была проблемой каждого и ничьей.

Подросток должен быть проблемным.

— Заказ готов!

С привычной легкостью, я схватила тарелку блинов (по бокам с беконом) левой рукой, а правой двойной буррито на завтрак (с перцем сбоку). Если осенью плохо сдам ИТЗ, то меня ждало неплохое будущее в дрянной закуской.

— Блины с беконом. Буррито с перцем, — я поставила тарелки на стол. — Принести вам еще что-нибудь, джентльмены?

Прежде чем хоть один из них открыл рот, я знала, что эти двое хотят сказать. Парень слева собирался попросить еще масла. А парень справа?

Он собирался попросить еще стакан воды, прежде чем мог *подумать* об этих перчиках.

Десять к одному, что они даже не нравились ему.

Парни, которым нравится перец, не заказывают их с буррито. Мистер Завтрак Буррито просто не хотел, чтобы люди называли его слабаком — или другим словом, не начинающимся на С.

Эй, там, Кэсси, сказала я себе строго. *Держи это при себе*.

Как правило, я ругаюсь мало, но у меня была вредная привычка перенимать причуды других людей. Заприте меня в комнате с кучей англичан, и я выйду оттуда с британским акцентом. Это было не намеренно — я просто тратила много времени на протяжении нескольких лет, копаясь в головах других людей.

Профессиональные издержки.

Не мои. Машины.

— Могу я взять еще несколько этих пакетиков с маслом? — спросил парень, тот, что слева.

Я кивнула — и ждала.

— Еще воды, — проворчал парень справа. Он вздохнул и уставился на мою грудь.

Я выдавила из себя улыбку.

— Я сейчас вернусь, — мне удалось удержаться, чтобы не добавить *извращенец* в конце, но и только.

Я все еще надеялась, что парень под тридцать, который притворяется, что любит острую пищу, пялится на грудь официантки подростка, и будто тренируется для Олимпийский Игр по гляделкам, может быть в равной степени столь же эффективным, когда дело дойдет до чаевых.

С другой стороны, подумала я, когда подходила к стойке, *он может оказаться одним из тех парней, которые смущают маленькую ершистую официантку лишь чтобы доказать,*

что они могут это.

Рассеяно, я складывала детали ситуации в уме: то, как был одет мистер Завтрак Буррито, его вероятная профессия, и факт, что его друг, который заказал блины, носил более дорогие часы.

Он будет спорить, кто оплатит счет и оставит мало чаевых.

Я надеялась, что ошибаюсь — но было совершенно ясно, что нет.

Другие дети провели свои предшкольные годы, заучивая буквенный алфавит. Я же учила другой.

Поведение, личность, окружение — моя мама называла ПЛЮ, они были помощниками и ее работе. Мыслить таким образом, это не то что вы можете с легкостью отключить — даже когда вы достаточно взрослые, чтобы понять, что ваша мама *врет* людям, когда она говорит им будто она психолог, и когда брала у них деньги, это тоже было *обманом*.

Даже сейчас, когда она ушла, я не могла прекратить считать людей, это было, как дышать, моргать и отсчитывать дни до моего восемнадцатилетия.

— Столик для одного? — низкий, озадаченный голос вытолкнул меня в реальность. Владелец голоса выглядел как типичный парень, который был бы уместнее за городном клубе, чем в закуской. Его кожа была идеальной, а волосы искусно спутаны. Несмотря на то, что он произнес слова как вопрос, они не были им — не совсем.

— Конечно, — сказала я, хватая меню. — Идите за мной.

Более близкое наблюдение показало мне, что Загородный Клуб был моим ровесником. Ухмылка играла на его губах, и он шел развязно, как звезда школы. Лишь посмотрев на него, я почувствовала себя как деревенщина.

— Этот подойдет? — спросила я, подведя его к столику у окна.

— Да, — сказал он, скользнув в кресло. Вскользь он осмотрел помещение с непробиваемой уверенностью. — У вас много посетителей в выходные?

— Конечно, — ответила я. Я почувствовала, что начинаю терять способность говорить сложными предложениями. Судя по выражению лица парня, он тоже это почувствовал. — Я дам вам минуту просмотреть меню.

Он не ответил, и я потратила свою минуту, чтобы забрать счета Блинов и Завтрака Буррито, вместе. Я полагала, что если разделю счет пополам, то могу, в конечном счете, получить больше чаевых.

— Я приму заказ, когда вы будете готовы, — сказала я с фальшивой улыбкой.

Я развернулась к кухне, и в окне увидела, что парень смотрит на меня. Это не был взгляд: я *готов заказывать*. На самом деле я не была уверена, что это было, но каждая клеточка моего тела говорила мне, что это *что-то*. Краткое ощущение, что это было ключевой деталью, которую я упустила в этой ситуации с *ним*, не уходило. Парни как этот обычно не едят в таких местах.

Они не пялились на девчонок, как я.

Настороженно размышляя, я пересекла комнату.

— Вы решили, что вам нравится? — спросила я. Невозможно было избежать принятия заказа у него, поэтому я позволила моим волосам упасть на лицо, укрывая меня от него.

— Три яйца, — сказал он, фокусируя карие глаза на том, что я не скрыла волосами. — Еще блины и бекон.

Мне не нужно было записывать заказ, но неожиданно захотелось взять ручку, просто чтобы держаться за что-то.

— Какие яйца? — спросила я.

— Ты скажи мне. — Слова парня удивили меня, и я подняла глаза.

— Извини?

— Угадай, — сказал он.

Я уставилась на него сквозь пряди волос, до сих пор прикрывающие мое лицо.

— Ты хочешь, чтобы я угадала, как тебе приготовить яйца?

Он улыбнулся.

— Почему нет?

И этим вопросом был принят вызов.

— Не жаренные, — сказала я, думая вслух. Яичницу слишком часто заказывали, а этот парень был тем, кому нравится немного отличаться. Не слишком, поэтому исключаются вареные — по крайней мере, в таком месте, как это.

Глазунья была слишком беспорядочная для него, а прожаренная с двух сторон недостаточно.

— Болтунья, — я была уверена в выборе настолько, насколько уверена в цвете его глаз. Он улыбнулся и закрыл меню.

— Ты собираешься ответить мне, угадала ли я? — спросила я, не потому что нуждалась в подтверждении, а потому что хотела увидеть, как он отреагирует.

Парень пожал плечами.

— Тогда какое в этом веселье?

Я хотела остаться там, смотря, пока не поняла бы его, но не сделала этого. Я приняла его заказ. Я принесла его еду. Я обслуживала другие столики, и к тому времени, как я вернулась проверить его, парень у окна ушел. Он даже не дождался счета — просто оставил двадцать долларов на столе. Я взяла их, и решила, что он мог заставить меня играть в угадывание, чтобы я отработала свои чаевые в двенадцать долларов, и затем поняла, что деньги были не единственной вещью, которую он оставил.

Здесь была визитная карточка.

Я взяла ее. Белая бумага. Черные буквы. Обычный шрифт.

Было уплотнение в верхнем левом углу, но относительно мало текста: имя, должность, номер телефона. Наверху было три слова, три коротких слова, которые выбили из меня дух так же сильно, как удар в грудь.

Я убрала визитку и чаевые. Я вернулась на кухню. И затем снова посмотрела на визитку.

Имя: *Таннер Бриггс*.

Должность: *специальный агент*.

Федеральное Бюро Расследований.

Три слова, но я уставилась на них с таким вниманием, что у меня перед глазами все расплылось, и я могла разобрать только три буквы.

Что я сделала такого, что привлекло внимание ФБР?

Глава 2

После восьмичасовой смены, мое тело устало, но мой разум был встревожен. Я хотела запереться в комнате, свернуться на кровати и выяснить, что за ерунда произошла в этот день.

К несчастью, это было воскресенье.

— Вот где она! Кэсси, мы как раз собирались отправить мальчиков искать тебя. — Моя тетя Таша была самой нормальной среди братьев и сестер моего отца, так что она не подмигивала мне и не спрашивала, если у меня парень, с которым я провожу время.

Этим занимался дядя Рио.

— Наша маленькая сердцеедка, а? Ты там разбиваешь сердца? Конечно же, да!

Я была главным предметом обсуждений на воскресных ужинах, с тех пор как социальная служба высадила меня на пороге дома отца — в переносном смысле, слава Богу — когда мне было двенадцать. Спустя пять лет, я все еще ни разу не слышала от дяди Рио вопроса, на который он бы сам не ответил.

— У меня нет парня, — сказала я. Это был обычный вопрос, и мой обычный ответ. — Клянусь.

— О чем вы говорите? — спросил один из сыновей дяди Рио, рухнув на диван в гостиной и свесив ноги.

— О парне Кэсси, — повторил дядя Рио.

Я закатила глаза.

— У меня *нет* парня.

— О тайном парне Кэсси, — поправился дядя Рио.

— Я думаю, ты путаешь меня с Софией и Кейт, — сказала я.

При нормальных обстоятельствах, я бы не подставила моих кузин, но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

— Более вероятно, что у них есть тайные парни, а не у меня.

— Ба! — сказал дядя Рио. — Парни Софии никогда не были тайной.

И понеслось — добродушные подколы, семейные шуточки. Я играла роль, позволяя их энергии заразить меня, говорить то, что они ожидали от меня, улыбаться в ответ. Вокруг царил тепло, счастье и безопасность, но это было не мое.

И никогда не было.

Как только я была уверена, что больше не нужна, я нырнула в кухню.

— Кассандра. Хорошо. — Моя бабушка, по локоть в муке, с собранными в свободный пучок седыми волосами на затылке, одарила меня теплой улыбкой. — Как работа?

Несмотря на внешность старой маленькой леди, Нонна управляла семьей как генерал, направляющий свое войско. Прямо сейчас, я была той, кто вышел из строя.

— Работа как работа, — сказала я. — Неплохо.

— Но ведь не хорошо, — она прищурилась.

Если я не отвечу правильно, то в течение часа получу десять предложений работы. Семья заботится друг о друге — даже когда «семья» могла идеально позаботиться сама о себе.

— Вообще-то, сегодня было неплохо, — сказала я, пытаюсь говорить весело. — Кто-то оставил двенадцать долларов на чаевые.

«Плюс, — добавила я шепотом, — визитку от ФБР».

— Хорошо, — сказала Нонна. — Это хорошо. У тебя был хороший день.

— Ага, Нонна, — сказала я, пересекая комнату, чтобы поцеловать ее в щеку, потому что знала — это сделает ее счастливой. — Это был хороший день.

К тому времени, когда все ушли в девять, визитка казалась свинцом в кармане. Я пыталась помочь Нонне с уборкой, но она прогнала меня наверх. В тишине моей комнаты, я могла чувствовать энергию, исходящую от меня, как воздух, медленно выходящий из шарика.

Я села на кровать и откинулась назад.

Старые пружины заскрипели от веса, и я закрыла глаза.

Моя правая рука нащупала карман, и я вытащила визитку.

Это было шуткой. Должно было. Вот почему красивый парень из загородного клуба *говорил* со мной. Вот почему он проявил интерес — чтобы поиздеваться надо мной.

Но он не казался таким.

Я открыла глаза и посмотрела на визитку. В этот раз, я позволила себе прочитать это вслух:

— Специальный агент Таннер Бриггс. Федеральное Бюро Расследований.

Пару часов в моем кармане не изменили текст на визитке. ФБР? Серьезно? Кем был этот парень, притворяющийся подростком? Он выглядел лет на шестнадцать, семнадцать максимум.

Не как специальный агент.

Просто особенный. Я не могла откинуть эти мысли, и мои глаза рефлекторно метнулись к зеркалу на стене. Это была главная ирония моей жизни: я получила в наследство от моей мамы способности, но не магию ее лица. Она была красивой. Я выглядела очень-очень странно, совершенно непохожей на нее.

Даже спустя пять лет, я не могла думать о матери, не вспоминая последний раз, когда видела ее, прогоняющей меня из ее гардеробной с широкой улыбкой на лице. Тогда я думала вернуться туда обратно. Вспомнила о крови — на полу, на стенах, на зеркале. Я уходила ненадолго. Я открыла дверь...

— Забудь об этом, — сказала я себе. Я поднялась и подтянулась к изголовью кровати, не в силах прекратить думать о запахе крови и о том, что в тот момент не знала, что это моя мама, и молилась, чтобы это была не она.

Что если *это* было связано с убийством? Что если визитка не была шуткой? Что если ФБР расследовало убийство моей мамы?

Это было пять лет назад, сказала я себе. Но дело до сих пор было не раскрыто. Тело моей мамы не нашли. Исходя из количества крови, полиция изначально искала его.

Тело.

Я повертела визитку в руке. Сзади было написано послание.

Кассандра, говорилось там, ПОЗВОНИ, ПОЖАЛУЙСТА.

Это было там. Мое имя и указание позвонить, заглавными буквами. Никаких объяснений. Ничего.

Под этими словами кто-то еще написал вторую инструкцию маленькими буквами, очень неразборчиво. Пальцем я проследила за буквами и подумала о парне из закуской.

Может он не был специальным агентом.

Тогда это делало его кем? Посыльным?

У меня не было ответа, но слова, нацарапанные в нижней части визитки, были написаны передо мной ясно, как слова специального агента Таннера Бриггса: ПОЗВОНИ, ПОЖАЛУЙСТА.

Если бы я был тобой, то не делал бы этого.

Ты

Ты умеешь ждать. Выждать удобный момент. Ждать правильную девушку. Теперь она есть у тебя, и ты до сих пор ждешь.

Ждешь, когда она очнется. Ждешь, когда откроются эти глаза и увидят тебя.

Ожидает увидеть ее кричащей.

И кричащей.

И снова кричащей.

И осознающей, что никто не слышит ее, кроме тебя.

Ты знаешь, как это пройдет, как она будет зла, затем испуганна, потом клясться на чем свет стоит, что если ты ее отпустишь, то она не расскажет ни единой душе. Она будет лгать тебе, и пытаться манипулировать тобой, и придется показать ей — так же, как и многим другим — что у них ничего не получится.

Но пока нет. Прямо сейчас она до сих пор спит. Красивая — но не такая, как будет, когда ты закончишь.

Это заняло у меня два дня, но я позвонила по номеру. Конечно, я сделала это, потому что с вероятностью 99 % это была шутка, а на 1 % нет.

Я не осознавала, что сдерживаю дыхание, пока кто-то не ответил.

— Бриггс.

Не могу понять, что было более обезоруживающим — факт, что этот «Агент Бриггс» дал мне свой личный телефон или как он ответил на звонок, будто говорить «алло» было пустым сотрясанием воздуха.

— Алло? — как будто он мог читать мои мысли, заговорил снова специальный агент Таннер Бриггс. — Кто это?

— Это Кассандра Хоббс, — сказала я. — Кэсси.

— Кэсси. — Что-то в том, как агент Бриггс произнес мое имя, заставило меня думать, что он знал: я не люблю свое полное имя, до того как сказала хоть слово. — Я рад, что ты позвонила.

Он ждал, пока я скажу еще что-нибудь, но я молчала. Все, что ты скажешь или сделаешь, указывает лишь на тебя, и я не хотела давать этому мужчине больше информации, чем нужно — пока не узнаю, чего он хочет от меня.

— Я уверен, что ты, должно быть, удивлена, зачем я связался с тобой, и зачем послал Майкла связаться с тобой.

Майкл. Теперь у парня из закуской было имя.

— У меня есть предложение, которое, я хотел бы, чтобы ты обдумала.

— Предложение? — меня удивило, что мой голос оставался таким же спокойным, как и его.

— Я уверен, этот разговор лучше провести лично, мисс Хоббс. Есть место, где тебе было бы удобно встретиться?

Он знал что делает — позволяет мне выбрать место встречи, потому что, если бы он выбрал, я могла бы не прийти. Вероятно, я должна была отказаться от встречи с ним в любом случае, но я не могла, по той же причине, что взяла телефон и позвонила.

Пять лет были большим сроком для без вести пропавшего тела. Без ответов.

— У вас есть офис? — спросила я.

Краткая пауза на том конце провода сказала мне, что это не было тем, что он ожидал услышать от меня. Я могла попросить его встретиться со мной в закуской или кофейне рядом со школой или где-то, где у меня было бы преимущество, как на своей территории, но я надеялась, что в этом не было необходимости.

Ты можешь сказать больше о незнакомце, если увидишь его дом, а не пригласишь в свой.

По крайней мере, если этот парень не был агентом ФБР. Если он был извращенцем, и это было какой-то игрой, то я думаю, что он, вероятно, не мог организовать встречу в штабе ФБР.

— Я вообще-то не работаю в Денвере, — сказал он, наконец. — Но я уверен, что могу сделать что-нибудь. — Вероятно, он не извращенец, ведь потом он дал мне адрес. Я назначила время.

— И, Кассандра?

Я удивилась: чего агент Бриггс надеялся добиться, произнеся мое полное имя.

— Да?

— Это не касается твоей мамы.

Я пошла на встречу в любом случае. Конечно же, я сделала это. Специальный агент Таннер Бриггс знает обо мне достаточно, чтобы знать, что случившееся с моей мамой было причиной, по которой я последовала инструкциям на визитке и позвонила. Я хотела узнать, сможет ли он обратиться к уголовному делу моей матери и пересмотреть его, при условии, что я дам ему все, что он хочет от меня.

Я хотела узнать, почему Специальный Агент Таннер Бриггс знал обо мне так много, также как мужчина, покупающий новый компьютер, мог вспомнить характеристики модели, на которую упал его глаз.

— Какой этаж? — женщина в лифте, сбоку от меня, выглядела под шестьдесят. Ее платиновые светлые волосы были собраны назад в аккуратный конский хвост на макушке, а костюм идеально сидел на ее теле.

Все официально, как у Специального Агента Таннера Бриггса.

— Пятый этаж, пожалуйста, — сказала я.

Сгорая от нетерпения, я бросила быстрый взгляд на женщину и начала собирать ее жизненную историю, основываясь на том, как она стоит, ее одежде, легком акценте в голосе, цвете ее лака для ногтей.

Она была замужем.

Бездетной.

Когда она начинала работать в ФБР, это был мужской клуб.

Поведение. Личность. Окружение. Я практически могла слышать мою маму, заучивающую со мной этот импровизированный анализ.

— Пятый этаж, — слова женщины отрезвили меня, и я добавила в психологический портрет одну черту — *нетерпеливость*.

Я вышла из лифта. Двери закрылись за мной, и я оценила обстановку. Все выглядело таким... *нормальным*. Если бы здесь не было контрольно-пропускного пункта и бейджика посетителя на моем выцветшем черном сарафане, я бы никогда не подумала, что это место посвящено борьбе с федеральными преступлениями.

— Ну, что? Ждешь света и шоу пони?

Я немедленно вспомнила голос. Парень из закускойной.

Майкл. Он говорил насмешливо, и когда я развернулась к нему лицом, знакомая ухмылка играла на его лице, которую он мог бы подавить, если бы имел хоть малейшее желание.

— Я не ожидаю ничего, — сказала я ему. — У меня нет ожиданий.

Он понимающе посмотрел на меня.

— Нет ожиданий, нет разочарований.

Я не могла сказать, была ли это его оценка моему нынешнему состоянию или его жизненный девиз. На самом деле, у меня возникли проблемы с чтением его личности. Он сменил свою полосатую рубашку-поло на черную футболку и джинсы цвета хаки. Он выглядел здесь также неуместно, как и в закускойной, может, в этом было дело.

— Знаешь, — сказал он. — Я был уверен, что ты придешь.

Я подняла бровь.

— Даже, несмотря на то, что сказал не делать этого?

Он пожал плечами.

— Мой внутренний бойскаут должен был попробовать.

Если у этого парня был внутренний бойскаут, то у меня был внутренний фламинго.

— Так ты здесь, чтобы отвести меня к Специальному Агенту Таннеру Бриггсу? — спросила я. Слова вырвались быстро, но, по крайней мере, мой голос не звучал увлеченно или заинтересованно.

— Хмммм. — В ответ на мой вопрос, Майкл уклончиво пробурчал под нос и склонил голову в согласии. Он провел меня мимо стойки и дальше вниз по коридору: обычный ковер, стены, нейтральное выражение на его преступно красивом лице.

— И что у Бриггса есть на тебя? — спросил Майкл. Я могла почувствовать его взгляд, выискивающий эмоции — любые эмоции — сказавшие бы ему, задел ли меня вопрос.

Но нет.

— Ты хочешь, чтобы я нервничала из-за этого? — сказала я ему, потому что это было предельно ясно из его слов. — И ты сказал мне не приходить.

Он улыбнулся, но с натяжкой.

— Я думаю, ты можешь сказать, что я упрямый.

Я фыркнула. Это было подходящее для него слово.

— Ты даже не собираешься дать мне намек на то, что здесь происходит? — спросила я, пока мы приближались к концу коридора.

Он пожал плечами.

— Это сложно. Ты прекратишь играть со мной в лучшего игрока в покер*?

Я не сдержала смеха, и поняла, что прошло много времени с тех пор, как смеялась, потому что не могла ничего поделать, а не потому что кто-то тоже смеялся.

Улыбка Майкла померкла, и на секунду, выражение его лица совершенно изменилось. Если раньше он был красивым, то сейчас был красивее — но это длилось недолго. Также быстро, как легкость пришла, она исчезла.

— Я имел в виду то, что написал на визитке, — сказал он мягко. Он кивнул в сторону закрытой двери кабинета справа. — Если бы я был тобой, то не зашел бы туда.

Я узнала после — как я всегда узнавала о вещах — что Майкл побывал в моей шкуре ранее, и что он открыл дверь. Его предупреждение не было шуткой, но я тоже открыла дверь.

— Мисс Хоббс. Входите, пожалуйста.

В последний раз, посмотрев на Майкла, я вошла в комнату.

— *Аревуар*, — сказал парень с отличным безразличным лицом, сопровождая слова взмахом руки.

Специальный Агент Таннер Бриггс прочистил горло. За мной закрылась дверь. К лучшему, или худшему, я была здесь, на встрече с агентом ФБР. Одна.

— Я рад, что ты пришла, Кэсси. Садись.

Агент Бриггс оказался моложе, чем я ожидала, судя по его голосу по телефону. Шестеренки в моих мозгах медленно вертелись, объединяя его возраст с тем, что я знала. Пожилые мужчины старались изо всех сил сохранять авторитет. Двадцатидевятилетний делал тоже самое, только чтобы его воспринимали всерьез.

В этом была разница.

Я послушно села. Агент Бриггс остался в своем кресле, но наклонился вперед. Стол между нами был пуст, за исключением стопки бумаг и двух ручек, у одной из которых не

хватало колпачка.

Он не был слишком аккуратным. По какой-то причине, я нашла это утешающим. Он был амбициозным, но не сгибаемым.

— Ты закончила? — спросил он меня. Его голос не был грубым. На самом деле он звучал очень любопытно.

— Закончила с чем? — спросила я.

— Анализировать меня, — сказал он. — Я был в этом офисе только два часа. Я не могу даже представить, что привлекло твое внимание, но я предполагаю. С Естественными, что-то такое всегда происходит.

Естественные. Он сказал это слово, как будто ожидал, что я повторю его как вопрос. Я не сказала ничего. Чем меньше я дам ему, тем больше он покажет мне.

— Ты хороша в чтении людей, сборе маленьких деталей и составлении общей картины: кто они, чего хотят, как они действуют. — Он улыбнулся. — Какая яичница им нравится.

— Вы пригласили меня сюда, потому что я хороша в отгадывании вида яичницы, который людям нравится? — спросила я, не в состоянии сдержать недоверие в моем голосе.

Он побарабанил пальцами по столу.

— Я позвал тебя сюда, потому что у тебя есть естественные способности в чем-то, на что *большинство людей* могут потратить всю жизнь, пытаюсь научиться этому.

Я подумала, что когда он сказал про остальных людей, то частично имел в виду себя.

Он принял мое последовавшее молчание за некий аргумент.

— Ты хочешь сказать мне, что не читаешь людей? Что ты не можешь сказать мне прямо сейчас, предпочитаю я баскетбол или гольф? — Баскетбол. Но он хотел, чтобы люди думали, что гольф.

— Ты можешь попытаться объяснить мне как ты понимаешь вещи, людей, Кэсси, но разница между тобой и остальным миром в том, что, чтобы объяснить, как ты только что поняла, что я предпочту нос в крови на баскетбольной площадке, чем гольф с боссом, тебе придется пойти на попятную.

Я никогда не говорила об этом, даже с мамой, которая научила меня тому, что мало кто знал. Люди были людьми, но к лучшему, или худшему, по большей части они были для меня пазлом. Легкими пазлами, трудными, кроссвордами, головоломками, sudoku. В них всегда был ответ, и я не могла остановить себя от их разгадки.

— Как вы узнали об этом? — спросила я мужчину напротив. — И даже если это правда, даже если у меня действительно хорошо развиты инстинкты, что это значит для вас?

Он наклонился вперед.

— Я знаю, потому что это моя работа — знать. Потому что я единственный, кто убедил ФБР в том, что необходимо искать людей как ты.

— И чего вы хотите от меня?

Он откинулся назад в своем кресле.

— А как ты думаешь, Кэсси?

У меня пересохло во рту.

— Мне семнадцать.

— Естественные способности, как у тебя, проявляются в десять лет. Формальное образование, колледж, неправильное влияние, все это может помешать твоему невероятному потенциалу, что есть у тебя сейчас.

Он аккуратно сложил руки перед собой.

— Я хочу увидеть, как на тебя оказывают правильное влияние, и что твой дар превращается во что-то экстраординарное, во что-то, что ты можешь использовать во имя добра в этом мире.

Часть меня хотела посмеяться над ним, выйти из комнаты, забыть о том, что это вообще было, но другая часть продолжала думать, что эти пять лет, я жила в подвешенном состоянии, и ждала чего-то, не зная чего именно.

— У тебя есть столько времени, сколько тебе понадобится, чтобы обдумать это, Кэсси, но то, что я предлагаю тебе — это единственный шанс. Наша программа единственная в своем роде, и она нацелена преобразовывать потенциал Естественных — людей как ты — во что-то действительно экстраординарное.

— Людей как я, — повторила я, мой мозг разогнался до девяноста миль в час. — И Майкл.

Вторая часть фразы была догадкой, но не более. Две минуты, что мы провели, идя в офис, Майкл был ближе к тому, чтобы выяснить, что происходит в моей голове, чем кто-либо.

— И Майкл. — Пока он говорил, лицо агента Бриггса становилось более оживленным. Исчез закаленный профессионализм. Это было личным. Эта программа была чем-то, во что он верил.

И у него были доказательства.

— Если я стану частью этой команды, то, что это повлечет за собой? — спросила я, угадывая его ответ. Каждая унция энтузиазма на его лице превратилась во что-то более интенсивное. Его глаза впились в мои.

— Что ты думаешь о том, чтобы переехать в Вашингтон?

Что я думаю о том, чтобы переехать в Вашингтон?

— Мне семнадцать, — повторила я. — Лучше спросите, что об этом думают мои опекуны.

— Ты будешь не первым подростком, которого я нанял, Кэсси. Есть обходные пути.

Видимо, он еще не встречался с моей Нонной.

— Пять лет назад, опекунство над Кассандрой Хоббс было передано ее биологическому отцу, Винсенту Баттаглия, из ВВС США. — Агент Бриггс сделал паузу. — Через четырнадцать месяцев после твоего появления в его жизни, твой отец был переведен за рубеж. Ты решила остаться здесь, с твоей бабушкой по отцовской линии.

Я не спросила, как Агент Бриггс узнал эту информацию. Он был из ФБР. Он, вероятно знал, какого цвета зубной щеткой я пользуюсь.

— Моей точкой зрения, Кэсси, является то, что на законных обстоятельствах твой отец до сих пор опекун, и я уверен, что если ты захочешь, чтобы это случилось, я могу все устроить. — Бриггс снова остановился. — Для нашего обеспокоенного мира мы создали эту программу. Очень осторожно, с позволения некоторых важных людей. У твоего отца военная карьера, он беспокоится о том, что ты изолируешь себя. Его будет легче убедить, чем многих других.

Я, было, открыла рот, спросить, как именно он определил то, о чем мой отец беспокоится, но Бриггс поднял руку.

— Я не вхожу в ситуацию как эта вслепую, Кэсси. После того, как ты была отмечена для системы как потенциальный новобранец, я сделал домашнюю работу.

— Отмечена? — спросила я, подняв брови. — Для чего?

— Я не знаю. Я не был тем, кто отметил тебя, и откровенно говоря, детали твоего отбора под вопросом, если ты не заинтересована в моем предложении. Скажи только слово, если не согласна, и я покину Денвер сегодня вечером.

Я не могу сделать это — и Агент Бриггс наверняка знал это, прежде чем спросить.

Он взял ручку без колпачка и написал несколько записок на краю одной из его бумаг.

— Если у тебя есть вопросы, ты можешь спросить Майкла. Я не сомневаюсь, что он будет болезненно честен с тобой о его опыте в этой программе. — Бриггс закатил глаза к небу в знак раздражения настолько выразительно, что я почти забыла о значке и костюме.

— Если у тебя есть вопросы, на которые я могу ответить...

Он замолчал и ждал. Я ухватила за приманку и начала выуживать из него детали. Пятнадцать минут спустя, мой разум был на взводе. Программа — как он называл ее снова и снова — была маленькой, все еще находящейся на начальной стадии.

Их цель была двойной: во-первых, обучать тех из нас, кто отобран для участия и оттачивать на естественные навыки, и, во-вторых, использовать их чтобы помочь ФБР за кулисами. Я была свободна, так что могла выйти из программы в любое время. Я должна буду подписать соглашение о неразглашении.

— Есть еще один вопрос, который ты не задала, Кэсси. — Агент Бриггс снова сложил руки перед собой. — Так что я отвечу на него для тебя. Я знаю твою историю. О деле твоей матери. И пока у меня нет новой информации для тебя, я могу сказать, что после того, через что ты прошла, у тебя должно быть больше причин, чем у других, чтобы делать то, что мы

делаем.

— И что же это? — спросила я, мой голос стал жестче только при упоминании слова на М. — Вы сказали, что будете проводить обучение, и в обмен я буду консультировать вас. Консультировать в чем, собственно говоря? Тренироваться для чего?

Он сделал паузу, но чтобы либо оценить меня или добавить акцент к его ответу, я не была уверена.

— Ты будешь помогать с нераскрытыми делами. С теми, которые бюро не смогло раскрыть.

Я подумала о моей маме — крови на зеркале и вое сирен, и о том, как я привыкла спать с телефоном, отчаянно надеясь, что он зазвонит. Я должна была заставить себя дышать ровно, чтобы не закрыть глаза и представить озорное, улыбающееся лицо моей мамы.

— Какого рода дела? — спросила я, мой голос охрип. Мои губы неожиданно стали сухими, глаза повлажнели.

Агент Бриггс имел достаточно такта, чтобы проигнорировать эмоции на моем лице в данный момент.

— Точные задания варьируются, в зависимости от вашей специальности. Майкл естественный в чтении эмоций, так что он тратит много времени на просмотр записей свидетельских показаний и допросов. С его опытом, я подозреваю, что он будет хорош в преступлениях с белыми воротничками, но человек с его навыками будет полезен в любом виде следствия. Один из других новобранцев ходячая энциклопедия, которая видит закономерности и вероятности во всем. Мы учим ее анализу на месте преступления.

— А я? — спросила я.

Он замолчал на момент, взвешивая ответ. Я посмотрела на бумаги на его столе и удивилась бы, если бы одна из них была обо мне.

— Ты прирожденный профайлер. — Сказал он, наконец. — Ты можешь посмотреть на модель поведения и выяснить личность преступника, или догадаться, как данный индивид, скорее всего, поведет себя в будущем. Это, как правило, необходимо, когда у нас есть ряд взаимосвязанных преступлений, но нет определенного подозреваемого.

Я читала между строк это заявление, но хотела увериться.

— Взаимосвязанных преступлений?

— Серийные преступления, — сказал он, другими словами и позволяя им повиснуть в воздухе между нами. — Похищения. Поджоги. Сексуальное насилие. — Он остановился, и я знала следующее слово, вырвавшееся из его рта, прежде чем он его произнес. — Убийства. — Правда, витавшая вокруг в течение часа, вырвалась наружу. Он и его команда, эта программа — они не просто хотели научить меня, как отточить навыки.

Они хотели использовать их, чтобы ловить убийц. Серийных убийц.

Ты

Ты смотришь на тело и чувствуешь волну гнева. Ярость. Это словно что-то возвышенное. Тебе нужно принять решение. Тебе нужно почувствовать, как из нее уходит жизнь. Она не должна торопить тебя.

Она должна быть еще жива, но уже нет. Она должна быть идеальной сейчас, но нет.

Она кричала недостаточно громко, а потом слишком сильно, и называла твои имена.

Имена, которые Он использовал для тебя. И злость охватила тебя.

Все кончилось слишком быстро, и это не было твоей виной, черт возьми. Это была ее

вина. Она та, кто разозлил тебя. Она та, кто разрушил это.

Ты лучше, чем это. Тебе нужно смотреть на ее тело и чувствовать власть, дрожь. Она должна быть произведением искусства.

Но нет.

Ты всаживаешь нож в живот снова и снова, не видя ничего. Она не идеальна. Она не красива. Она ничто.

Ты ничто.

Но скоро ты уже не будешь ничем.

Я позволила агенту Бриггсу поговорить с моим отцом. Папа позвонил мне. Меньше чем через неделю после того, как я сказала отцу, что это то, чего я хочу, я узнала, что Бриггс получил нужное разрешение. Мои документы прошли. Этим вечером я уволилась из закуской. Приняла душ, переоделась в пижаму и приготовилась к Третьей Мировой Войне.

Я собиралась сделать это. Я знала это практически с того момента, как Агент Бриггс начал говорить. Я беспокоилась о моей бабушке. Правда. И я знала как она, и остальные члены семьи пытались заставить меня чувствовать себя любимой, не важно, как я пришла в их семью или как много во мне было от матери. Но в действительности я никогда не принадлежала этому месту. Часть меня, на самом деле, никогда не покидала тот театр: огни, толпу, кровь. Может я никогда бы не покинула его, но Агент Бриггс предложил мне сделать с этим что-нибудь.

Я могла никогда не раскрыть убийство моей мамы, но эта программа могла превратить меня в того человека, способного поймать убийцу, который мог бы убедиться, что другая маленькая девочка, в другой жизни, с другой матерью, никогда не увидит то, что видела я.

Это было болезненным и ужасающим, и даже самая последняя в мире семья не могла представить этого. Поэтому я хотела этого больше, чем чего-либо в моей жизни.

Я запустила пальцы в волосы. Мокрые, они выглядели достаточно темными, чтобы сойти за каштановые вместо русых. Пар из душа окрасил мои щеки в красный. Я выглядела как тип девушки, которая могла принадлежать семье и этому месту.

С мокрыми волосами я была не так похожа на маму.

— Цыпленок, — я направила оскорбление на собственное отражение, а затем отошла от зеркала. Я могу остаться здесь, пока не высохнут мои волосы — вообще-то, я могу остаться, пока мои волосы не поседеют — но это не облегчило бы предстоящий разговор.

На первом этаже Нонна свернулась в кресле в гостиной, очки висели на ее носу, а любовный роман в твердой обложке лежал на ее коленях. Она посмотрела вверх, когда я вошла в комнату, ее взгляд был острым.

— Ты рано приготовилась ко сну, — сказала она, с небольшой подозрительностью в голосе. Нонна успешно воспитала восемь детей. Если бы я была проблемной, то уже не было бы ничего, что я могла бы скрыть от нее.

— Я уволилась сегодня, — сказала я, и блеск в ее глазах сказал мне, что это были неподходящие слова, чтобы начать разговор. — Я не нуждаюсь в твоей помощи, чтобы найти новую, — поспешно добавила я.

Нонна издала пренебрежительный звук.

— Конечно же, нет. Ты независима. Тебе ничего не нужно от твоей старой Нонны. Тебе плевать на то, что она волнуется.

Что ж, пока неплохо.

— Я не хочу, чтобы ты волновалась, — сказала я. — Но мы придумали кое-что. Возможность.

Я уже приняла окончательное решение, что Нонне не нужно знать, что я буду делать или почему. Я придерживалась истории, которую придумал Агент Бриггс.

— Это школа, — сказала я. — Специальная программа. Руководитель приходил увидеть меня на прошлой неделе.

Нонна хмыкнула.

— Он говорил с отцом.

— Руководитель этой программы говорил с твоим отцом, — повторила Нонна. — И что сказал мой сын этому мужчине, который не удосужился представиться мне?

Я объяснила столько, сколько могла. Я дала ей брошюру, которую мне дал Агент Бриггс — ту, в которой не упоминались слова как профайлер, серийный убийца или ФБР.

— Это маленькая программа, — сказала я. — Вроде групповых занятий на дому.

— А твой отец, он сказал, что ты можешь поехать? — Нонна прищурилась, смотря на улыбающихся детей на брошюре, как будто они лично ввели ее драгоценную внучку в заблуждение.

— Он уже подписал бумаги, Нонна. — Я посмотрела вниз на свои руки, которые сцепила на талии. — Я собираюсь поехать.

Тишина. Резкий вздох. А потом взрыв.

Я не говорю по-итальянски, но основываясь на жестах и том, как она выплевывала слова, я была в состоянии обоснованно перевести все.

Внучка Нонны собиралась поехать в другую часть страны, чтобы поступить в программу для одаренных детей, спонсируемую государством, пройдя по ее гниющему трупу.

Никто так не силен в объединении, как семья моего отца. Бэт-Сигнал ничто по сравнению с Батаглия-Сигналом, и меньше чем за двадцать четыре часа после того, как Нонна разослала сигнал бедствия, семья объединила силы. Были крики, визги, рыдания — и еда. Много еды. Мне угрожали и задабривали, окружили со всех сторон. Но с первого раза, как я познакомилась с этой частью своей родословной, я просто не могла не реагировать на них. Я не могла дать им того, чего они хотели. Я не могла притворяться.

Шум накалился до предела, и я ушла в себя, ожидая пока все уляжется. В конце концов, они бы заметили, что я ничего не говорю.

— Кэсси, милая, ты несчастна здесь? — наконец спросила одна из моих тетушек. Остальная часть стола замолчала.

— Я... — я больше не могла сказать ничего. Я видела ожидание на их лицах. — Это не из-за того, что я несчастна, — я быстро добавила: — Это просто...

На этот раз они слышали то, чего я не говорила. С того момента, когда они узнали о моем существовании, я была семьей для них. Они не понимали, что в собственных глазах, я всегда была — и возможно буду — аутсайдером.

— Мне нужно сделать это, — я говорила столь же тихо, сколь они громко. — Ради мамы.

Это было ближе к правде, чем я могла сказать им.

— Ты думаешь, твоя мама хотела, чтобы ты сделала это? — спросила Нонна. — Оставить семью, которая любит тебя, которая заботится о тебе, чтобы уехать в другую часть страны, одной, делать, Бог знает что?

Это был риторический вопрос, но я ответила: яростно, решительно.

— Да, — я остановилась, ожидая аргументов, но их не было. — Я знаю, что вам это не нравится. И я надеюсь, что вы не ненавидите меня за это, но мне придется сделать это. — Я встала. — Я уезжаю через три дня. Я бы очень хотела приехать на Рождество, но если вы не хотите этого, я пойму.

Нонна в мгновение пересекла комнату, на удивление быстро для кого-то ее возраста. Она ткнула пальцем мне в грудь.

— Ты приедешь домой на Рождество, — сказала она в манере, которая являлась, по сути, приказом. — Даже не думай, не приезжать домой, — она прищурилась и приставила палец к шее в угрожающем жесте. — Поняла?

Мои губы дрогнули в улыбке и слезы жгли глаза.

— Поняла.

Три дня спустя я приехала в школу. Майкл был тем, кто должен был забрать меня. Он припарковался у дороги и ждал меня.

— Мне не нравится это, — сказала Нонна наверно в тысячный раз.

— Я знаю, — я поцеловала ее в висок, и она обхватила мое лицо руками.

— Ты будешь в порядке, — сказала она бесстрашно. — Ты будешь осторожна. Твой отец, — добавила она подумав: — Я собираюсь убить его.

Я оглянулась через плечо и увидела Майкла, который стоял спиной к блестящему черному Порше. С расстояния, я не могла понять выражение его лица, но подозревала, что ему нетрудно прочесть мои чувства.

— Я буду осторожна, — сказала я Нонне, поворачиваясь спиной к парню с пронизательными глазами. — Обещаю.

— Эх, — сказала она, наконец. — В какие проблемы ты можешь попасть? Во всей школе всего несколько учеников.

Несколько учеников, которые учились анализировать картину преступления, с головой погружаться в свидетельства и вычислять серийных убийц. В какие проблемы мы могли вляпаться?

Ничего не ответив, я начала вытаскивать мою сумку из машины. Нонна следовала за мной, и когда Майкл открыл багажник, но не пошевелился чтобы помочь мне с сумкой, она неодобрительно посмотрела на него.

— Ты собираешься просто стоять здесь? — спросила она.

С почти незаметной ухмылкой Майкл взял сумку из моей руки и закинул ее в багажник без усилий. Затем он подвинулся ближе, нарушив мое личное пространство, и прошептал:

— А я-то думал ты из тех девушек, которые сами справляются с трудностями.

Нонна посмотрела на меня. Посмотрела на Майкла. Она увидела то маленькое пространство между нами двумя. А затем она издала недовольный звук.

— Если что-то случится с ней, — сказала она Майклу. — Эта семья — мы знаем, как избавиться от тела.

Вместо того, чтобы самоуничтожить себя и прикрыть лицо руками, я попрощалась с Нонной и залезла в машину. Майкл сел в водительское кресло.

— Извини за это, — сказала я.

Майкл приподнял бровь.

— За угрозу смерти, или воображаемое покушение на твою честь, которую она порывалась защитить, пока мы говорили?

— Заткнись.

— Ой, да ладно, Кэсси. Я думаю это мило. У тебя заботливая семья.

Может, он считал это милым, а может и нет.

— Я не хочу говорить о моей семье.

Майкл усмехнулся, совсем не устрашающе.

— Я знаю.

Я вспомнила о том, что агент Бриггс сказал мне о даре Майкла.

— Ты читаешь эмоции, — сказала я.

— Выражения лица, позы, манеры, действия, — сказал он. — Ты кусаешь нижнюю губу,

когда нервничаешь. И у тебя появляется маленькая морщинка в углу глаза, когда ты пытаешься не пялиться.

Он сказал все это, не сводя глаз с дороги. Мой взгляд метнулся к спидометру, и я поняла, как быстро мы едем.

— Ты хочешь разбиться? — пискнула я.

Он расправил плечи.

— Ты профайлер, — сказал он. — Ты скажи мне. — Он немного ослабил педаль газа. — Это ведь то, что делают профайлеры, да? Ты смотришь, как одет человек, и как он говорит, каждую маленькую деталь, и ты собираешь личность воедино. Ты выясняешь, с каким типом личности имеешь дело, и ты убеждаешь себя, что точно знаешь, чего хочет человек.

О'кей, так у него есть опыт — и плохой — с профайлером в прошлом. Я предположила, что в этом была трудность в чтении его. Ему нравилось держать меня в неведении.

— Ты носишь одежду разного стиля каждый раз, когда я вижу тебя, — сказала я. — Ты стоишь по-разному. Говоришь по-другому. Ничего не говоришь о себе.

— Может мне нравится быть сложным, мрачным и таинственным, — ответил Майкл, поворачивая так быстро, что мне пришлось напомнить себе о дыхании.

— Не такой уж ты и сложный, — сказала я сквозь зубы. Он рассмеялся.

— Я раздражаю тебя, — сказал он, шевеля бровями. — Но ты также заинтригована.

— Ты можешь прекратить это? — я не представляла, что быть тем, кого рассматривают под микроскопом так раздражающе.

— Я заключу с тобой сделку, — сказал Майкл. — Я перестану пытаться прочитать твои эмоции, если ты прекратишь изучать меня.

У меня было так много вопросов — о том как он рос, о его способностях, о том, почему он предупреждал меня — но если я не хотела, чтобы он изучал мои эмоции, я должна была получать ответы обычным способом.

— Ладно, — сказала я. — По рукам.

Он улыбнулся.

— Отлично. Теперь, в знак доброй воли, потому что я потратил большую часть времени копаясь в твоей голове, я позволю тебе задать три вопроса, — любитель головоломок во мне хотел спросить какую одежду он носит, когда никто не видит его, как много братьев и сестер есть у него, и который из родителей превратил его в парня, который был немного зол на весь мир.

Но я не спросила.

Тот, кто с таким комфортом быстро водит машину, не постесняется маленькой безвредной лжи. Если я спрошу его о том, что хочу знать, все что я получу более сложную информацию — так что я задала ему единственный вопрос, на который он ответит честно, я уверена.

— А что с Порше?

Майкл отвел глаза от дороги достаточно надолго, чтобы быстро посмотреть на меня, и я знала, что это удивило его.

— Порше? — повторил он.

Я кивнула.

— Я уверена, что это не рабочий автомобиль ФБР. — Края его губ поднялись вверх, и на этот раз, не было ничего мрачного в его выражении.

— Порше был подарком, — сказал он мне. — Из моей прежней жизни. Сохранить его

было одним из условий, прежде чем я присоединился к Бриггсу.

— Почему он мог запретить тебе сохранить его? — спросила я, запоздало поняв, что использовала второй вопрос.

— Налоговое мошенничество, — ответил Майкл. — Не мое. Отца.

Исходя из его тона, я почувствовала, что сохранение Порше было не единственным условием участия Майкла в программе. Либо он попросил правительство закрыть глаза на преступления его отца или его отец обменял его на иммунитет, я не была уверена.

Я не спросила.

Вместо этого, я ступила на безопасную почву.

— На что это похоже? Программа?

— Я был в ней всего пару месяцев, — сказал Майкл. — Бриггс отправил меня за тобой. Наверно за хорошее поведение, я думаю.

Так или иначе, я сомневалась в этом.

Майкл казалось, почувствовал, что я не купилась на это.

— И возможно, потому что Бриггсу нужен кто-то, кто прочитает твои эмоции и выяснит, можно ли допустить тебя к конфиденциальным файлам.

— Я прошла тест? — спросила я, добавив дразнящую нотку в голос.

— Эй, — ответил Майкл. — Это четыре вопроса. — Без предупреждения, он дернул руль влево, развернулся, а затем быстро взял вправо. Через несколько секунд, мы оба врезались в парковочное место, как мне показалось, у ангара аэропорта.

— Что, — сказала я, мои глаза становились больше, с тем как я увидела гладкий кусок металла перед нами, — это такое?

— Это? — повторил Майкл. — Это самолет.

— Дай мне угадать, — сказала я, полушутя. — Ты попросил личный самолет, чтобы участвовать в программе?

Майкл фыркнул.

— К сожалению, он принадлежит ФБР. Когда Бриггс привлекает молодых и впечатляющих подростков делать для него грязную работу, он вызывает команду специалистов, которая работает на правоохранительные органы по всей стране. Самолет сокращает время путешествия. Для нас, это обычно.

— Кэсси, — Агент Бриггс поприветствовал меня в ту секунду, как я вышла из машины. Просто мое имя, больше ничего.

Майкл нажал кнопку и багажник открылся. Я пошла, чтобы взять мой чемодан, и Майкл очень хорошо симитировал угрюмый взгляд Нонны.

— Ты просто собираешься стоять здесь? — спросил он у агента ФБР.

Бриггс помог мне с чемоданом, и я поймала взгляд Майкла.

— Забавное, — прошептал он. — И также немного смущенное.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что Майкл говорил не о лице Бриггса. Он описывал мое.

Я перестану пытаться прочитать твои эмоции, если ты прекратишь изучать меня.

Лжец.

Не говоря ни слова, Майкл развернулся и побрел к самолету. К тому времени, как я поднялась на борт, он уже развалился на заднем сидении. Он посмотрел вверх, его поза была расслабленной, а глаза говорили держаться подальше.

Отрывая от него взгляд, я села в ряду перед ним, смотря в окно. Посмотрим, как он

хорошо читает эмоции, смотря лишь на мой затылок.

— Знаешь что, — прошептал Майкл, его голос был достаточно громким, чтобы достигнуть моих ушей, но не Бриггса. — Если ты обещаешь не играть со мной в молчанку, я дам тебе четвертый вопрос, безвозмездно.

Когда самолет взлетел и город стал маленьким под нами, я повернулась в своем кресле.

— Ты оставишь Порше в Денвере? — спросила я.

Он наклонился вперед достаточно близко, чтобы его лоб почти коснулся моего.

— Загвоздка в деталях, Кэсси. Я никогда не говорил, что Порше моя единственная машина.

Ты

Прошли дни с последнего раза, дни переживаний из-за провала, снова и снова. Каждая минута была пыткой, а теперь ты снова в норме. Ты не можешь позволить себе роскошь охоты за идеальной девушкой. Правильной девушкой. Нет ничего особенного в той, на которую пал твой вброс, за исключением цвета ее волос. Он напоминает о волосах другой, и этого достаточно. Пока.

Убийство произошло в номере мотеля. Никто не видел тебя у входа. Никто не увидит и у выхода.

Пришлось залепить ей рот скотчем. Пришлось лишь представлять ее крики, но ее взгляд стоил того.

Это быстро, но не слишком. В самый раз.

Ты отвечаешь. Ты решаешь. Ты двигаешь нож в плоть под ее скулами. Ты срезаешь густой макияж — и кожу — с ее лица.

Вот. Так лучше.

Ты чувствуешь себя лучше. Спокойнее. И ты знаешь, что, даже несмотря на то, что у тебя нет времени сделать фотографии, ты никогда не забудешь, как кровь окрасила ее волосы.

Иногда тебе кажется, что это было в тебе всегда. Но неважно, как их много, неважно, сколько у тебя уже опыта в демонстрации им, что на самом деле ты такое и что такое они, всегда остается часть тебя, которая знает.

Это никогда не будет правильным. Это никогда не будет идеальным.

Не будет такой же, как первая.

Я вышла из самолета и зажмурилась, мои глаза приспособлялись к солнцу. Женщина с ярко-рыжими волосами зашагала навстречу. Она была одета в серый костюм и черные очки, и шла, как будто ей приходится здесь находиться.

— Я услышала, что мы прибываем в одно и то же время, — она окликнула Бриггса. — Подумала, что могу поприветствовать вас лично. — Не дожидаясь ответа, она обратила свое внимание на меня. — Я специальный агент Лэйси Локк. А ты Кассандра Хоббс.

Она закончила эту речь в тот момент, как сократила расстояние между нами. Она протянула руку, и я была удивлена тому, что она выглядела как-то игриво, несмотря на солнцезащитные очки и костюм.

Я пожала ее руку.

— Приятно познакомиться с вами, — сказала я. — Многие просто называют меня Кэсси.

— Значит Кэсси, — ответила она. — Бриггс сказал мне, что ты одна из моих. — Одна из ее?

Майкл заполнил пробел.

— Профайлер.

— Не говори с таким энтузиазмом о науке профилирования, — сказала мягко Локк. — Кэсси может принять тебя за семнадцатилетнего парня без чувства насмешки над остальным миром.

Майкл прижал руку к груди.

— Ваш сарказм ранит меня, агент Локк.

Она фыркнула.

— Ты рано вернулась, — вмешался Бриггс, направляя комментарий к агенту Локк. — Ничего в Бойсе?

Локк быстро кивнула.

— Тупик.

Безмолвный разговор происходил между ними двумя, а затем Бриггс повернулся ко мне.

— Как услужливо сообщил Майкл, агент Локк профайлер. Она будет отвечать за твои тренировки.

— Счастливица, — сказала Локк с усмешкой.

— Вы... — Я не была уверена как спросить это.

— Естественная? — сказала она. — Нет. Есть только одна вещь, в которой я была естественна, и, к сожалению, я не могу сказать тебе об этом, пока тебе не исполнится двадцать один. Но я действительно закончила академию ФБР и брала каждый класс по анализу поведения, который они предлагали. Я была частью поведенческой науки в течение почти трех лет.

Я подумала, что было бы грубо спросить ее о возрасте.

— Двадцать девять, — сказала она. — И не переживай, ты привыкнешь к этому.

— Привыкну к чему?

Она снова усмехнулась.

— К людям, отвечающим на вопросы, прежде чем ты задашь их.

Базой программы был дом в викторианском стиле в маленьком городке Квантико, штате Вирджиния — достаточно близко к штаб-квартире ФБР на базе морской пехоты Квантико, но не так близко, чтобы люди начали задавать вопросы.

— Гостиная. Компьютерный зал. Библиотека. Класс. — Человек, которого Бриггс нанял следить за домом — и нами — был отставным морским служащим по имени Джадд Хоукинс. Ему было около шестидесяти, он был зорким и немногословным. — Кухня там. Твоя комната на втором этаже. — Джадд остановился на долю секунды, чтобы посмотреть на меня. — Ты будешь делить комнату с одной из девушек. Я надеюсь, это не будет проблемой?

Я покачала головой, и он зашагал по коридору в сторону лестницы.

— Поживей, мисс Хоббс, — позвал он. Я поспешила догнать его и подумала, что услышала улыбку в его голосе, хотя на лице был только намек на нее.

Я подавила собственную улыбку. Джадд Хоукинс возможно был грубым и молчаливым, но мое нутро подсказывало мне, что у него больше слабых мест, чем люди могли подумать.

Джадд поймал меня изучающей его и бросил бойкий и деловой кивок. Как Бриггс, он, казалось, не возражал против того, чтобы я составила общий портрет его личности, исходя из маленьких деталей.

В отличие от другого человека, подумала я, который бы сделал все возможное, чтобы помешать мне.

Отказываясь оглядываться на Майкла, я заметила серию фотографий в рамках на стене вдоль лестницы. Дюжина мужчин. Одна женщина. Большинство из них были сделаны в конце двадцатых или начале тридцатых, но одна или две были старше. Некоторые люди улыбались, другие нет. Пузатый человек с темными бровями и тонкими волосами висел между красивым сердцеедом и черно-белым фото из середины века. На верху лестницы пожилая пара улыбалась из фото немного побольше.

Я взглянула на Джадда, думая о том, что эти люди его родственники или они принадлежат кому-то другому в этом доме.

— Они убийцы, — девушка-азиатка примерно моего возраста вышла из-за угла. Она двигалась как кошка — и улыбалась, как будто только что съела канарейку.

— Люди на фотографиях, — уточнила она. — Они серийные убийцы. — Она накрутила свои блестящие черные волосы вокруг указательного пальца, явно наслаждаясь моим дискомфортом. — Это веселый способ программы напомнить Дину, почему он здесь.

Дин? Кто такой Дин?

— Лично я считаю, что это немного мрачно, но опять-таки, я не профайлер. — Девушка снова махнула хвостом. — А ты да. Правда?

Она сделала шаг вперед, и мой взгляд уперся в ее обувь: черные кожаные сапоги на каблуках, высоких достаточно, чтобы мои ноги дрогнули в сочувствии. Она носила обтягивающие черные брюки и свитер без рукавов с высоким воротником, ярко-синий, чтобы сочетался с прядями в ее черных волосах.

Пока я оценивала ее одежду, девушка сократила расстояние между нами, пока не встала так близко ко мне, что я подумала, что она может начать крутить мои волосы, вместо своих собственных.

— Лиа, — сказал Джадд абсолютно равнодушно. — Это Кэсси. Если ты закончила попытки запугать ее, то держу пари, что она хочет поставить чемодан.

Лиа пожалала плечами.

— Мой дом, твой дом. Твоя комната здесь.

«Твоя» комната, подумала я. Не «наша» комната.

— Кэсси действительно не рада мысли о том, чтобы разделить с тобой комнату, Лиа, — сказал Майкл, повторяя мое выражение лица и подмигивая. Лиа повернулась к нему лицом, и ее губы медленно поднялись вверх в змеиной усмешке.

— Скучал по мне? — спросила она.

— Как по занозе в заднице, — ответил Майкл.

Ожидая вверху лестницы, агент Бриггс откашлялся.

— Лиа, — сказал он. — Приятно видеть тебя.

Лиа бросила на него взгляд.

— Знаете, агент Бриггс, — ответила она. — Это не похоже на правду.

Агент Локк закатила глаза.

— Лиа спец в обмане, — сказала она мне. — У нее есть странная способность понимать, когда люди врут. И, — добавила агент Локк, смотря в глаза Лии, — она очень хорошая лгунья.

Лиа, казалось, не обиделась на слова агента.

— Я также знаю два языка, — сказала она. — И очень, очень, гибкая.

Второе «очень» было направлено прямо Майклу.

— Так, — сказала я, моя сумка болталась на плече, пока я пыталась принять факт, что Лиа была Естественной лгуньей, — фото на стене, они серийные убийцы?

Ответом на этот вопрос было молчание. Молчание Майкла. Молчание Джадда. Молчание агента Локк, которая выглядела немного смущенной.

Агент Бриггс прочистил горло.

— Да, — сказал он наконец. — Это правда.

Мой взгляд привлекло фото пожилой пары. Улыбающиеся серийные убийцы, пятидюймовые каблуки, девушка с даром обмана? Это будет интересно.

Бриггс и Локк ушли вскоре после того, как Джадд показал мне комнату. Они обещали вернуться завтра для тренировок, но сейчас все, чего от меня ожидали, так это устроиться. Моя соседка — кем бы она ни была — до сих пор не показалась, поэтому пока комната была в моем распоряжении.

Две кровати стояли на противоположных концах комнаты. Эркер* выходил на задний двор.

Ориентировочно, я подошла к тому, что казалось дверью в туалет. Уборная была разделена пополам: два умывальника, две полки. Моя соседка не была шаблонной: цветастая постель, нормальное количество одежды черного и белого цвета в гардеробе, но не серого.

Вся ее обувь была на плоской подошве.

— Отложи это, Кэсси, — сказала я себе. У меня были месяцы, чтобы изучить мою соседку — при этом, не лазая в ее шкафу. Быстро и эффективно, я распаковала чемодан и сумку. Я жила в Колорадо пять лет, но до этого дольше всего в одном месте я жила четыре месяца. Моя мама всегда спешила на следующую выставку, в другой город, искала следующий знак: я была экспертом в упаковке вещей.

Когда я закончила, то в моей половине шкафа все еще было свободное место.

— Тук, тук, — голос Лии был высоким и чистым. Она не ждала разрешения войти в комнату, и я поняла, что она переделалась.

Сапоги она поменяла на балетки, а черные брюки на кружевную юбку. Ее волосы были собраны назад на макушке, и даже ее глаза стали мягче.

Было, похоже, что она сменила макияж — или личность.

Сначала Майкл, теперь Лиа. Я подумала, что либо он стащил трюк со сменой одежды у нее, либо она у него. Учитывая, что Лиа была той, кто специализировался на обмане, я бы поставила на первый вариант.

— Ты уже закончила распаковываться? — спросила она.

— Еще осталось несколько вещей, — сказала я, отходя от комода.

— Нет. Не осталось.

Я никогда не считала себя лгуньей, до того момента, пока Лиа не использовала свои способности.

— Слушай, эти серийные убийцы придают новый смысл слову «жуткий». — Лиа прислонилась к косяку. — Я была здесь шесть недель, пока кто-то не сказал мне, что бабуля и дедуля вообще-то Фэй и Рей Коуплэнд, которые были осуждены за убийство пятерых людей и то, что сделали небольшое одеяло из их вещей. Поверь мне, тебе лучше узнать это сейчас.

— Спасибо, — сказала я сухо.

— В любом случае, — сказала Лиа, растягивая слова. — Джадд проводит дрянные экскурсии. Он на удивление сносный повар и у него есть глаза на затылке, но он не тот, кого можно назвать болтливым, и если мы не планируем ничего сжигать... он будет молчать. Я думаю, ты бы захотела реальную экскурсию. Или у тебя есть вопросы.

Я не была уверена, что человек знаменитый способностью хорошо врать, был идеальным источником информации или экскурсоводом, но я не собиралась отказываться от мирного предложения, и у меня действительно был один вопрос.

— Где моя соседка?

— Там, где она всегда бывает, — ответила невинно Лиа. — В подвале.

Подвал проходил под домом вплоть до заднего и переднего дворов. Из нижней части лестницы, все, что я могла видеть — это две огромные белые стены, которые тянулись вдоль, но не достигали четырнадцатифутовых потолков. Было небольшое расстояние, там, где одна стена заканчивалась, а другая начиналась.

Вход.

Я подошла к нему. Что-то взорвалось, и я отскочила назад, мои руки взлетели перед лицом.

Стекло, поняла я с опозданием. Бьющееся стекло.

Через секунду я поняла, что не могу увидеть источник шума. Я опустила руки и посмотрела на Лию, которая лишь вздрогнула.

— Это нормально? — спросила я ее.

Она изящно пожала плечами.

— Совершенно нормально.

Девушка высунула голову из-за одной из перегородок.

— В соответствии с типом, стандартом или закономерностью? — Первая вещь, которую я заметила в девушке, был бодрый голос и факт, что у нее были нормальные волосы. Она была блондинкой, ее волосы слабо светились в темноте, и были прямыми, ее рваная челка была слишком короткой, как будто она сама подстригалась.

— Разве ты не должна носить защитные очки? — спросила Лиа.

— Вполне возможно, что мои очки уже испорчены, — с этими словами девушка опять скрылась за перегородкой.

Исходя из самодовольной улыбки Лии, я поняла, что только что встретила свою соседку по комнате.

— Слоан, Кэсси, — сказала Лиа с широким жестом. — Кэсси, Слоан.

— Приятно познакомится с тобой, — сказала я. Я сделала несколько шагов вперед, пока не оказалась в пространстве между перегородками и не смогла увидеть место, где она пряталась раньше. С каждой стороны были комнаты. В каждой комнате было лишь три стены.

Сразу слева от меня, я нашла Слоан, стоящую в середине, казалось бы, ванной комнаты. На противоположной стороне была дверь, и я поняла, что пространство выглядело именно так, как должна ванная комната, только кто-то убрал третью стену.

— Как съемная, — пробормотала я. Стекло было по всему полу, и, по крайней мере, сто листов застряли на краю раковины и лежали в виде спирали на плитке. Я оглянулась на другие комнаты в коридоре. Другие ситуации.

— Потенциальное место преступления, — поправила Лиа. — Для моделирования. На этой стороне, — Лиа встала как экскурсовод, — у нас есть внутренние локации: ванны, спальни, кухни, фойе. Пара миниатюрных — и я имею в виду именно миниатюрных — ресторанов, и просто, потому что нам нравится это клише, макет почтового отделения, для всех ваших почтовых нужд.

Лиа повернулась и махнула рукой в другую сторону коридора.

— А здесь, — сказала она, — у нас есть несколько открытых сцен: парк, автостоянка, выезд.

Я повернулась обратно к ванне и Слоан. Она осторожно опустилась на колени рядом с осколками стекла на полу и уставилась на них. Ее лицо было спокойным. Ее пальцы зависли как раз над местом кровавой бойни.

После долгой паузы она моргнула и встала.

— Твои волосы красные.

— Да, — сказала я. — Они такие.

— Людям с рыжими волосами нужно больше анестезии при операции примерно на двадцать процентов, и они чаще других просыпаются на столе.

Я поняла, что таким образом Слоан говорила «привет», и вдруг все встало на свои места: порядок в ее гардеробе, точность, с которой она разделила место в шкафу на две части.

— Агент Бриггс сказал, что кто-то из вас естественный в цифрах и вероятностях.

— Слоан опасна в любых вычислениях, — сказала Лиа. Она лениво указала на стеклянные осколки. — Иногда в буквальном смысле.

— Это был просто тест, — сказала Слоан защищаясь. — Алгоритм, который предсказывает картину разбросанных осколков действительно довольно...

— Увлекательный? — предложил голос позади нас. Лиа положила один длинный, ухоженный ноготь на нижнюю губу. Я обернулась.

Майкл улыбнулся.

— Ты бы видела ее, когда она выпьет кофе, — сказал он мне, кивая на Слоан.

— Майкл, — сказала Слоан угрюмо, — прячет кофе.

— Поверь мне, — протянул Майкл, — это для нашего блага. — Он остановился, и затем медленно улыбнулся мне. — Эти двое были добры к тебе или уже навредили, Колорадо?

Я переваривала тот факт, что он только что придумал мне прозвище, и Лиа встала между нами.

— Навредили? — повторила она. — Ты как будто не доверяешь мне, Майкл. — Ее глаза расширились, а губы раскрылись.

Майкл фыркнул.

— Интересно почему.

Парень, читающий эмоции, спец в обмане, статистик, которой нельзя было пить кофе, и я.

— Это все? — спросила я. — Только мы четверо? — Разве Лиа не упоминала кого-то еще?

Глаза Майкла потемнели. Губы Лии медленно расплылись в улыбке.

— Ну, — громко сказала Слоан, в полном неведении о накаляющейся атмосфере в комнате. — Еще есть Дин.

Мы нашли Дина в гараже. Он лежал на черной скамейке, спиной к двери. Русые волосы прилипли к его лицу из-за пота, сжав челюсти, он выполнил серию медленных подтягиваний штанги. Каждый раз, когда его локти останавливались, я думала, что он прекратил. Каждый раз он продолжал дальше.

Он был мускулистым, но худым, и моим первым впечатлением было то, что отжимания не были тренировкой. Они были наказанием.

Майкл закатил глаза и затем встал возле Дина.

— Девяносто восемь, — сказал он, его голос источал боль. — Девяносто девять. Сто!

Дин закрыл глаза на мгновение, затем толкнул штангу снова. Его руки слегка дрожали, когда он встал, чтобы снять груз со штанги. Майкл явно не имел намерения помочь ему. К моему удивлению, Слоан протиснулась мимо Майкла, положила маленькие изящные руки на штангу, и села на корточки, положив ее на место.

Дин вытер руки о джинсы, схватил ближайшее полотенце, и сел.

— Спасибо, — сказал он Слоан.

— Круто, — сказала она вместо: «не за что». — Мои руки как рычаги.

Дин встал, уголки его губ дрогнули, но в тот момент, как он увидел меня, натянутая улыбка застыла на его губах.

— Дин Рэддинг, — сказал Майкл, явно слишком наслаждаясь комфортом Дина. — Познакомься с Кэсси Хоббс.

— Приятно познакомиться, — сказал Дин, оторвав темные глаза от меня и направляя эти слова в пол.

Лиа, которая была необычайно тихой до этого момента, подняла бровь в ответ на слова Дина.

— Что ж, — сказала она. — Это не совсем...

— Лиа, — голос Дина не был громким или грубым, но в ту секунду, как он произнес ее имя, Лиа остановилась.

— Это не совсем что? — спросила я, хотя знала, что следующее слово, которое вылетело бы из ее рта, было «честно».

— Неваажно, — сказала Лиа нараспев.

Я опять посмотрела на Дина. Светлые волосы. Темные глаза. Открытая поза. Сжатые кулаки.

Я запоминала то, как он стоял, линии его лица, белую футболку и потертые голубые джинсы. Его волосы нуждались в стрижке, и он стоял спиной к стене, его лицо скрыто в тени, как будто это то место, где он должен был быть. Почему ему было так неприятно познакомиться со мной?

— Дин, — сказал Майкл, с видом человека, придающего важность мелочи. — Она естественный профайлер. Как и ты.

Последние три слова были больше нацелены на Дина, чем на меня, и когда они попали в цель, он поднял глаза, чтобы взглянуть на Майкла. На лице Дина не было эмоций, но было что-то в его глазах, и я поймала себя ожидании того, что Майкл ответит глазами первым.

— Дин, — продолжил Майкл, смотря на Дина, и говоря со мной, — знает больше о том, как убийцы думают, чем кто-либо.

Дин перебросил полотенце в руки. Напрягшись, он посмотрел на Майкла и Слоан, на Лию, на меня. Несколько секунд спустя он ушел.

— Дин с характером, — сказал мне Майкл, прислонившись к тренажеру.

Лиа фыркнула.

— Если бы у Дина был характер, ты был бы мертв.

— Дин никого не собирается убивать, — сказала Слоан, ее голос был комично серьезным.

Майкл вытащил из кармана четвертак и подбросил в воздухе.

— Хочешь поспорить?

В ту ночь мне не снились сны. Я также мало спала, в основном из-за того, что Слоан, несмотря на изящную и стройную фигуру, храпела как дальнбойщик с лишним весом. Вместо того чтобы заглушить звук ее храпа, я закрыла глаза и представила каждого из естественных, которые жили в доме. Майкл. Дин. Лиа. Слоан. Никто из них не оказался таким, как я ожидала. Никто из них не подходил под стандарты. Пока я находилась в этом полусне, который был похож на нормальный ночной отдых, и решила сыграть в игру, которую я придумала, когда была маленькой. Я мысленно сняла свою собственную личину, и надела чужую.

Лии.

Начала с внешности. Она была худее меня, и более гибкой. Ее волосы были длиннее, и вместо того, чтобы сложить их под голову, когда она спит, она уложила их на подушку. Ее ногти были покрашены, и когда у нее было энергии достаточно, она красила ногти на правой руке в один цвет, а на левой в другой. Я повернула голову — голову Лии — в сторону, вглядываясь в ее шкаф.

Если Майкл требовал оставить себе машину, то Лиа оставила одежду. Я почти могла видеть шкаф, забитый до краев. Пока комната становилась более четкой, я могла почувствовать, как уходит мое подсознание, как теряю связь с реальным миром, пока погружаюсь в воображаемый.

Я отпустила мою кровать и шкаф, мои физические чувства.

Я позволила себе быть Лией, и прилив информации обрушился на меня со всех сторон. Как писатель теряет в книге, так и я позволила моделированию идти своим путем. Там где я и Слоан были опрятны, Лиа в моей голове была неряшливой, ее комната была свалкой последние несколько месяцев. В шкафу был бардак. Половина платьев валялись, а половина висели на вешалках. Была одежда — грязная, чистая, новая, и другая — на полу.

Я представила, как встаю с постели. В моем собственном теле я бы сначала села, но Лиа не торопилась. Она перекатилась в кровати, готовая к действию. Готовая атаковать. Длинные волосы упали на мои плечи, и я закрутила прядь вокруг пальца: другая нервная привычка Лии, которая должна была показывать, что она вообще не волнуется.

Я взглянула на входную дверь. Закрытую, конечно. Возможно, даже на замок. От кого я запиралась? Кого боюсь?

Боюсь? Я усмехнулась про себя, голос в моей голове звучал почти как голос Лии. *Я не боюсь ничего.*

Я подошла к шкафу — свет упал на мои пальцы, бедра мягко покачивались — и вытащила первую рубашку, которую нашла. Выбор был совершенно случайным, но следующий нет. Я составила образ. Одевшись как кукла, я с каждой минутой тратила больше

времени на верх, чем на низ.

Я проверила мои волосы, глаза, ногти.

Но в моей голове все еще звучал голос. Тот же самый, который настаивал, чтобы я не боялась.

Только на этот раз он твердил одну и ту же вещь, снова и снова: я была здесь, потому что мне больше некуда идти, ведь кто знал, что ждет за этой закрытой дверью.

Ты

Теперь ты дома. Никого нет. Все на своих местах. Все, кроме этого.

Ты знаешь, что есть другие люди, как ты. Другие монстры. Другие боги. Ты знаешь, что не только ты берешь вещи на память, чтобы не забывать девушек, их крики и тела, их умоляющие, просящие губы.

Ты медленно идешь к шкафу. Ты открываешь его. Осторожно ты кладешь помаду этой шлюхи рядом с остальными. Власти не заметят эту пропажу, когда найдут ее сумочку.

Они никогда не замечают.

Ленивая улыбка на твоём лице, ты проводишь пальцами по каждой. Вспоминая. Наслаждаясь. Планируя.

Потому что этого никогда не достаточно. Это никогда не закончится. Особенно сейчас.

На следующий день, я могла смотреть только на Лию. В игру, в которую я играла прошлой ночью, я играла с незнакомцами в детстве: с детьми, которых я встречала в закусных, с людьми, которые приходили на выступления моей мамы. Они никогда не были настоящими для меня — и ни один из них не был таким, каким я представляла, пока не примеряла их личности. Но сейчас я должна задаться вопросом, сколько из этого было фантазией, а сколько работой моего подсознания в изучении ПЛО Лии.

Я представила, что Лиа неаккуратная — или я профилировала это?

— Там хлопья в шкафу и яйца в холодильнике, — поприветствовал меня Джадд из-за газеты, когда я забрела на кухню, обдумывая этот вопрос. — Я иду покупать продукты в девять. Если у тебя есть пожелания, говори сейчас, или потом молчи.

— Никаких пожеланий, — сказала я.

— Низкие запросы, — прокомментировал Джадд.

Я пожала плечами.

— Стараюсь.

Джадд сложил газету, поставил пустую кружку в раковину и промыл ее. Минуту спустя — в девять часов ровно — я осталась одна на кухне. Я положила хлопья в миску, и вернулась к попыткам проложить путь к личности Лии, чтобы выяснить, как я узнала то, что знаю — и знала ли вообще.

— Я понятия не имею, что эти чирис [\[1\]](#) сделали тебе, но я уверен, что им очень, очень жаль, — сказал Майкл, когда скользнул на стул рядом со мной.

— Прости?

— Ты пялилась на них добрых пять минут, — сказал мне Майкл. — Это насилие над ложкой, вот что. — Я взяла чирис и бросила в него. Майкл поймал это и сунул в рот.

— Так, кто из нас начал первым на этот раз? — спросил Майкл. Внезапно я очень сильно заинтересовалась в моих чирис. — Да ладно, Колорадо. Когда твой мозг начинает профилировать, твое лицо становится сочетанием концентрации, любопытства и спокойствия. — Майкл остановился. Я откусила большой кусок хлеба. — Мышцы твоей шеи расслаблены, — продолжил он. — Твои губы сжимаются в линию. Твоя голова наклоняется немного в сторону, и у тебя появляются гусиные лапки в уголках глаз.

Я спокойно опустила ложку в миску.

— У меня нет гусиных лапок.

Майкл взял мою ложку и зачерпнул хлопья.

— Кто-нибудь тебе говорил, что ты милая, когда раздражена?

— Надеюсь, я не помешала, — Лиа вошла, взяла коробку хлопьев, и начала есть прямо из коробки. — Вообще-то, это не правда. Чтобы ни происходило здесь, я в абсолютном восторге, что прервала это.

Я пыталась удержаться от изучения Лии — и определенно старалась, чтобы в уголках моих глаз не появились морщинки — но было сложно игнорировать тот факт, что она была одета лишь в шелковую пижаму. И надела жемчужное ожерелье.

— Ну, Кэсси, готова к первому дню «Как Засадить в Тюрьму Плохих Парней 101»? [\[2\]](#) — Лиа поставила коробку на стол и направилась к холодильнику. Ее голова исчезла за дверцей, когда она начала копать там. Ее пижамные штаны оставляли очень мало места для

воображения.

— Готова, — сказала я, отводя глаза.

— Кэсси родилась готовой, — заявил Майкл. За холодильником, Лиа мгновенно прекратила копать. — Кроме того, — продолжил Майкл, — все, что агент Локк заставит ее делать, будет лучше просмотра фильмов на иностранном языке. Без субтитров.

Я подавила ответную улыбку на раздражительный тон в голосе Майкла.

— Это то, что они заставили делать тебя в первый день?

— Да, — сказал Майкл, — это то, что они заставляли меня делать весь первый месяц. — Эмоции не в том, что говорят люди, — он скривил лицо, — они в позе, выражении лица и культурно-специфических явлениях.

Лиа показала из-за холодильника с пустыми руками, закрыла дверь и открыла морозильник.

— Бедный малыш, — сказала она Майклу. — Я была здесь почти три года, и единственная вещь, которой они научили меня это то, что психопаты хорошие лжецы, а агенты ФБР нет.

— А ты многих встречала? — спросила я.

— Агентов ФБР? — притворно спросила Лиа, доставая ведерко мятного мороженого с шоколадной стружкой из морозильника.

Я посмотрела на нее.

— Психопатов.

Она схватила ложку из ящика и взмахнула ей как волшебной палочкой.

— ФБР прячет нас подальше в милом маленьком домике в живописном городке. Ты действительно думаешь, что Бриггс собирается позволить мне ходить на интервью с заключенными? Или пойти на место преступления, где я могу реально что-нибудь сделать?

Майкл перевел слова Лии в более дипломатичное предложение.

— Бюро имеет записи, — сказал он. — А еще катушки и стенограммы. В основном по особо опасным преступлениям. Случаи, которые другие люди не могли раскрыть. И каждое такого дело они приносят нам, и среди них есть десятки дел, которые они уже раскрыли. Это тест, чтобы увидеть, действительно ли мы так хороши, как говорит Бриггс.

— Даже когда ты даешь им ответы, они все равно ищут, — продолжила Лиа с того места, где остановился Майкл. — Даже когда власти знают что ты права, они хотят знать почему.

Почему что? В этот раз, я не задала вопроса вслух, но Майкл все равно ответил на него.

— Почему мы можем делать это, а они нет. — Он наклонился и съел еще ложку моих чирис. — Они хотят не просто тренировать нас. Они хотят не просто использовать нас. Они хотят быть нами.

— Безусловно, — согласился новый голос. — В глубине души, в глубине сердца, все, чего я хочу, это быть Майклом Таунсендом. — Агент Локк вошла на кухню и пошла прямо к холодильнику. Очевидно, она была здесь как дома, даже если жила в другом месте.

— Бриггс оставил файлы для вас обоих, — агент Локк указала на Майкла и Лию, — для его урока. Он собирается запустить новое моделирование со Слоан сегодня, а я собираюсь заняться Кэсси. — Она преувеличенно тяжело вздохнула. — Это не так гламурно, как быть измученным семнадцатилетним парнем с проблемами с родителями и зависимостью от геля для волос, но такова жизнь.

Майкл протянул руку, чтобы спрятать лицо и слегка стукнул по плечу агента Локк в

этом процессе.

Лиа прокрутила ложку между пальцами, и медленно облизала ее.

— Лэйси Локк, каждый хочет, — сказала она, как будто агент ФБР была комедианткой, а Лиа диктором.

Локк усмехнулась.

— Разве Джадд не установил правила, по которым ты не можешь ходить в пижаме по кухне? — спросила она, разглядывая пижаму Лии. Лиа пожала печами, но что-то в словах агента Локк заставило подчиниться ее. Через несколько минут, моих «естественных» коллег как ветром сдуло. Ни Лиа, ни Майкл, казалось, не хотели провести время в компании профайлера ФБР.

— Я надеюсь, они не создают проблем, — сказала Локк.

— Нет, — на самом деле, на мгновение, завтракая с ними двумя, разговаривая, я почти почувствовала себя своей.

Без шуток.

— Ни Майклу, ни Лие, не дали выбора в присоединении к программе, — Локк подождала, прежде чем продолжить. — Это как будто прикрепить к человеку чип.

— Они не из тех, кто бывает достаточно ответственным, являясь сильным оружием, — сказала я медленно.

— Нет, — ответила агент Локк. — Я сделала много ошибок, но эта не была моей. Бриггс имеет некоторые проблемы... с тактом. Парень никогда не имел с этим дела.

Это описание точно подходило к моему впечатлению об агенте Бриггсе. Агент Локк говорила на моем языке, но у меня не было времени насладиться этим фактом.

Потому что Дин стоял у двери.

Агент Локк увидела его и кивнула.

— Самое время.

— Время для чего? — спросила я.

Дин ответил вместо агента Локк, но в отличие от рыжеволосого агента, он не улыбался. Он не был дружелюбным. Он не хотел быть здесь — и если я не ошибалась — я не нравилась ему.

— Для твоего первого урока.

Если Дин был недоволен перспективой провести утро со мной, то он был еще меньше доволен, когда агент Локк планировала в мой первый день отправить нас в общественное место. Очевидно, он ждал урока «с ручкой и тетрадкой», или возможное моделирование в подвале, но агент Локк просто бросила ему ключи от внедорожника.

— Ты поведешь.

Большинство агентов ФБР не настаивали бы на том, чтобы семнадцатилетний парень был за рулем — но становилось все яснее, что Лэйси Локк не являлась большинством. Она села на пассажирское сидение, а я скользнула назад.

— Куда? — спросил Дин у агента Локк, когда вырулил с парковки. Она назвала ему адрес, и он повторил его под нос. Я пыталась проанализировать небольшой акцент в его голосе.

Южный.

Он не сказал ни единого слова всю оставшуюся дорогу. Я пыталась прочесть его. Он не казался застенчивым. Может он был тем человеком, который сдерживал слова для тех редких случаев, когда у него действительно было что сказать. Может он сдерживал себя и использовал тишину, как способ держать других на расстоянии вытянутой руки.

Или может у него просто не было желания говорить с Локк и мной.

Он естественный профайлер. Я не смогу сдержать шока, если его мозг не оценивал детали обо мне, как я оценивала его.

Он был осторожным водителем.

Его плечи напряглись, когда кто-то подрезал его.

И когда мы прибыли на место, он вышел из машины, закрыл дверь и отдал ключи агенту Локк — сделал все это, не глядя на меня. Я привыкла маячить на втором плане, но так или иначе, то, что исходило от Дина, чувствовалось как оскорбление. Как будто я даже не стоила изучения, как будто у него не было ни малейшего интереса в профилировании меня.

— Добро пожаловать в Вестсайд Молл, — сказала агент Локк, выталкивая меня из раздумий. — Я уверена, это не то, чего ты ожидала в первый день, Кэсси, но я хочу понять, что ты можешь делать с обычными людьми, прежде чем мы углубимся в изучение других людей.

Дин моргнул. Локк подозвала его.

— У тебя есть что добавить?

Дин засунул руки в карманы.

— Это было давно, — сказал он. — Когда кто-нибудь просил меня думать о нормальном.

Через пять минут, мы заняли столик во дворике ресторана.

— Женщина в лиловом свитере, — сказала агент Локк. — Что ты можешь сказать мне о ней, Кэсси?

Я села и проследила за ее взглядом, направленным на женщину. Чуть больше двадцати. Она была одета в кроссовки и джинсы в тон свитеру. Либо она была спортивной и надела джинсы потому что пришла в молл, или нет, но хотела, чтобы люди думали, что да. Я так и сказала вслух.

— Что еще ты можешь сказать мне? — спросила агент Локк.

Мое нутро подсказало мне, что агент Локк не хочет деталей. Она хотела целую картину. Поведение. Личность. Окружение.

Я попыталась выделить Лиловый Свитер из ее окружения. Она выбрала место рядом с выходом из дворика, хотя было много свободных столиков ближе к ресторану, где она купила еду. Рядом с ней сидело несколько человек, но она сосредоточилась на своей еде.

— Она студентка, — сказала я, наконец. — Ставлю на высшую школу медицины. Она не замужем, но у нее есть серьезные отношения. Она из семьи среднего класса, но близко к высшему. Она бегунья, но не ботанка. Она любит вставать рано, делать вещи, которые люди считают болезненными, и если у нее есть братья или сестры, они либо все младше ее, либо все мальчики.

Я ждала ответа от агента Локк. Она промолчала. И Дин тоже.

Чтобы заполнить тишину, я добавила последнее описание.

— Ей на самом деле быстро становится холодно.

Не было другого объяснения тому, что она носила свитер в июле, даже в помещении.

— Что заставило тебя думать, что она студентка? — наконец спросила агент Локк.

Я посмотрела на Дина и внезапно поняла, что он тоже смотрел на меня.

— Сейчас половина одиннадцатого утра, — сказала я. — И она не на работе. Это слишком рано для обеда, и она не одета как тот, кто работает.

Агент Локк подняла бровь.

— Может она работает дома. Или у нее две работы. Может она учительница в начальной школе и у нее летние каникулы.

Эти поправки были допустимы, но так или иначе — для меня — они все равно были неверными. Это трудно объяснить, и я подумала о том, что Майкл предупреждал меня: ФБР никогда не прекращает выяснять, как я делаю то, что делаю.

Я подумала о том, что агент Локк говорила, что изучала профилирование трудным путем — один урок зараз.

— Она даже не смотрит на них.

К моему удивлению, Дин был тем, кто пришел мне на помощь.

— Пардон? — агент Локк обратила свое внимание на него.

— Другие люди тоже примерно ее возраста. — Дин кивнул в сторону пары молодых мам с детьми, а также на несколько сотрудников универмага, которые стояли в очереди за кофе. — Она не смотрит на них. Она даже не понимает, что они ровесники. Она уделяет больше внимания студентам колледжа, чем другим, но явно не считает себя одной из них.

И это было чувство, которое я не могла выразить словами. Это было, как будто Дин залез мне в голову и разобрался в информации, крутящейся в моем мозге, но, конечно, это не так. Ему не нужно было залезать ко мне в голову, потому что он думал таким же образом.

После долгого молчания, Дин посмотрел на меня.

— Почему медицинский?

Я опять посмотрела на девушку.

— Потому что она бегунья. — Дин улыбнулся, совсем чуть-чуть.

— Ты имеешь в виду, что она мазохистка.

На другом конце, девушка, о которой мы говорили, встала, и я могла увидеть пакеты в ее руке, с тем, что она купила. Все сошлось.

Я не ошиблась.

— Почему ты думаешь, что у нее есть парень? — спросил Дин, и за его словами,

которые он растягивал, я услышала любопытство — и может даже уважение.

Я пожала плечами, в ответ на его вопрос — в основном, потому что не хотела рассказывать ему, что причина, по которой я была уверена, что эта девушка не одинока, была в том, что все время, пока мы были здесь, она совсем не смотрела на Дина.

С расстояния, он казался старше. Даже в джинсах и выцветшей черной футболке, можно было увидеть мышцы под рукавами. Но дело не только в них.

Его волосы, его глаза, то, как он стоит, и как двигается — если она была бы одинока, то смотрела бы.

— Новая игра, — сказала агент Локк. — Я указываю на машину, а ты говоришь мне о ее владельце.

Мы пробыли в торговом центре три часа. Я думала, что когда мы выйдем на парковку, это будет значить, что мы закончили сегодняшнюю тренировку, но, видимо, я ошибалась.

— Кэсси, эта. Начали.

Я открыла рот, затем снова закрыла. Я привыкла начинать с людей: как они стоят, как говорят, их одежды, их работы, пола, как они клали салфетку на колени — это был мой язык. Начать с машины, было, как летать вслепую.

— В нашей работе, — сказала мне агент Локк, пока я смотрела на белую Акуру^[3], думая принадлежала ли она покупателю, или сотруднику молла, — ты не можешь поймать подозреваемого, пока не изучишь дело. Ты едешь на место преступления и восстанавливаешь произошедшее. Ты берешь доказательства, изучаешь его поведение, и затем пытаешься сузить круг подозреваемых. Ты не знаешь, ищешь ли ты мужчину или женщину, подростка или старика. Ты знаешь, как они убивают, но не знаешь почему. Ты знаешь, в каком виде они оставляют тела, но ты должна выяснить, как они вычисляют жертву. — Она остановилась. — Так что, Кэсси. Кто владеет этой машины?

Марка и модель не говорили мне о многом. Эта машина могла принадлежать и мужчине, и женщине, и была припаркована перед рестораном, а это означало, что я понятия не имела, для чего владелец приехал в молл. Парковочное место не было хорошим, но и не таким уж плохим. Парковка оставляет желать лучшего.

— Они торопились, — сказала я. — Припарковались криво, и не потрудились найти место получше. — Также это показало мне, что водитель не такой человек, который будет искать лучшее место на парковке молла, для удовлетворения чувства собственного достоинства. — Нет детского сидения, значит, нет детей. Нет наклеек на бампере, машину моют довольно часто. Они здесь не ради еды — нет причины торопиться ради этого — но они припарковались возле ресторана, поэтому либо они не знают, куда пойдут, когда зайдут в молл, либо магазин, в который они пойдут, рядом.

Я остановилась, ожидая что Дин продолжит с того места, где я остановилась, но нет. Вместо этого, агент Локк дала мне один совет.

— Не говори «они».

— Я не имела в виду «они», как несколько людей, — поспешно сказала я. — Я просто еще не решила, мужчина это, или женщина.

Дин взглянул на вход в молл и затем снова на меня.

— Это не то, что она имела в виду. «Они» держит тебя на расстоянии. Также как «он» и «она».

— Тогда какое слово я должна использовать?

— Официальное, — сказала агент Локк. — Мы используем термин Неизвестный Объект — или Н.О.

— А неофициальное? — спросила я.

Дин засунул руки в карманы джинсов.

— Если ты хочешь проникнуть в чью-нибудь голову, — сказал он грубо, — ты используешь слово «Я».

Прошлой ночью, я представляла себя в теле Лии, представляла, на что это похоже, быть ей. Я могла представить водителя этой машины, паркующегося также, но это не касалось машин. В конце концов, я не буду профилировать покупателей.

Я буду изучать убийц.

— Что если я не хочу быть ими? — спросила я. Я знала, что если закрою глаза, зажмурюсь так сильно, что окажусь в шкафу моей мамы. Я могла бы увидеть кровь. Я могла бы почуять ее. — Что если я не могу?

— Тогда ты счастливица, — голос Дина был тихим, но взгляд потяжелел. — И тебе лучше вернуться домой.

Мой желудок скрутило. Он не думал, что мне здесь место.

Внезапно, стало слишком легко вспомнить, что когда вчера мы встретились, и он сказал «приятно познакомиться», это было ложью.

Агент Локк положила руку на мое плечо.

— Если ты хочешь стать ближе к Н.О., но ты не хочешь побывать в его шкуре, то есть другое слово, которое ты можешь использовать.

Я отвернулась от Дина и сфокусировала внимание на агенте Локк.

— И что же это за слово? — спросила я.

Локк встретила мой взгляд.

— «Ты».

Глава 12

В ту ночь, мне приснилось, что я шла через узкий коридор. Пол был покрыт плиткой. Стены были белыми. Единственным звуком во всей комнате были мои тапочки, шаркающие по недавно вытертому полу.

Это неправильно. Что-то здесь не так.

Флуоресцентные лампы мерцали над головой, и на полу мелькнула моя тень. В конце коридора была металлическая дверь, покрашенная в цвет стен. Она была слегка приоткрыта, и я подумала, оставила ли я ее открытой, или мама, чтобы следить за мной.

Не входи туда. Стоп. Ты должна остановиться.

Я улыбнулась и продолжила идти. Один шаг, два шага, три шага, четыре. На каком-то уровне, я знала, что это был сон, знала, что найду, когда открою эту дверь, но не могла остановиться. Мое тело онемело от талии и ниже. Моя улыбка была болезненной, как линия огня по моему лицу.

Я положила руку на металлическую дверь и толкнула.

— Кэсси?

Моя мать стояла там, одетая в синее. Дыхание в горле перехватило не потому, что она была красива, хотя она была, и не потому, что она была на грани того, чтобы отругать меня за то, что я не спала.

Мои легкие зажало в тиски, потому что это было не правильным. Этого не было, и я молила Бога, чтобы это было правдой.

Пожалуйста, пусть это будет не сон. Только в этот раз, пусть это будет реально. Не позволяйте этому...

— Кэсси? — Моя мама отшатнулась. Она упала. Кровь окрасила синий шелк в красный. Кровь забрызгала стены. Ее было так много — слишком много.

Она ползает в ней, скользит, но везде, куда она ползет, ее настигает нож.

Руки схватили ее за лодыжки. Я повернулась, пытаюсь увидеть лицо нападающего, и в это мгновение, моей мамы уже не было, и я оказалась за дверью. Я попыталась открыть ее.

Вот как это случилось, подумала я. Это реальность.

Я шагнула в темноту. Я почувствовала что-то мокрое и болотистое под моими ногами, и запах — о, Боже, запах. Я боролась с выключателем.

Не надо. Не включай его, не надо.

Я резко проснулась.

В постели рядом со мной, Слоан спала как мертвая. У меня были кошмары достаточно часто, чтобы знать, что не было никакого смысла снова закрывать глаза. Я тихо вылезла из кровати и подошла к окну. Мне нужно было сделать что-то: взять пример с женщины из ресторана, которую я профилировала тем утром, и бегать до изнеможения, или пойти по стопам Дина и позаниматься в тренажерном зале. Тогда я увидела двор — или конкретнее, бассейн.

Двор был тускло освещен, темная вода мерцала в лунном свете. Молча, я схватила купальник и выскользнула из комнаты, не разбудив Слоан. Через несколько минут я сидела на краю бассейна. Даже глубокой ночью, воздух был горячим. Я болтала ногами на краю бассейна.

Я опустилась в бассейн. Медленно напряженность покинула мое тело. Мой мозг

отключился. В течение нескольких минут, я просто водила рукой по воде, прислушиваясь к звукам города в ночное время: сверчков и ветра, и моих рук, движущихся через воду. Потом я перестала балансировать на месте, перестала бороться с силой тяжести, и позволила себе тонуть.

Я открыла глаза под водой, но ничего не было видно. Было темно вокруг меня, а потом вдруг вспыхнул свет на поверхности бассейна.

Я была не одна.

Ты не знаешь этого наверняка, сказала я себе, но увидела размытое движение, но оно умерло быстрой и жестокой смертью. Там кто-то был, а я не могла оставаться здесь на долгое время.

Находясь под водой, я почувствовала, что вернулась в узкий коридор из моих снов, и медленно шла к чему-то ужасному.

Это ничто.

Тем не менее, я боролась с необходимостью в воздухе. Я хотела оставаться под водой, где было безопасно. Но не могла. Вода в ушах давила, и мои легкие умоляли о глотке воздуха, звук биения моего собственного сердца окружил меня.

Я медленно подплыла, тревожа поверхность воды так тихо, как только могла. Застыв на месте, я обернулась, сканируя глазами двор в поисках злоумышленника. Сначала я ничего не увидела. А потом увидела пару глаз, в которых отражался лунный свет.

Они смотрели на меня.

— Я не знал, что ты здесь, — сказал владелец этих глаз. — Я должен идти.

Мое сердце продолжало грохотать, даже когда я поняла, что голос принадлежал Дину. Теперь, когда мой мозг опознал его, я могла разобрать еще несколько его черт. Его волосы свисали на лицо. Его глаза, которые я увидела, как глаза злоумышленника за момент до этого, теперь выглядели просто удивленными.

Очевидно, он не ожидал, что кто-то будет плавать в три часа утра.

— Нет, — сказала я. Мой голос прокатился по поверхности воды. — Это и твой двор тоже. Оставайся.

Я чувствовала себя смешной из-за того, что нервничала. Это был тихий, сонный городок. Двор был огорожен. Никто не знал, что ФБР обучало нас. Мы не были целью. Это не было моим сном.

Я не была моей мамой.

На мгновение, я подумала, что Дин развернулся и ушёл, но вместо этого, он сидел в нескольких сантиметрах от края бассейна.

— Что ты здесь делаешь?

По непонятной причине, я чувствовала себя вынужденной сказать ему правду.

— Я не могу уснуть.

Дин посмотрел на двор.

— Я перестал спать давным-давно. Большинство ночей я сплю добрых три часа, а может четыре. — Я сказала ему правду, и он тоже. Мы замолчали: он на краю бассейна и я, балансирующая на месте в центре.

— Знаешь, это было не по-настоящему, — он говорил это его руке, а не мне.

— Что было не по-настоящему?

— Сегодня, — Дин остановился. — В торговом центре с Локк. Играть в игры на парковках. Это совсем не то.

В скудном свете луны, его глаза выглядели такими темными, что были почти черными, и что-то в том, как он смотрел на меня, заставило меня понять, что он не критиковал меня.

Он пытался *защитить* меня.

— Я знаю, что это, — сказала я. Я знала лучше, чем кто-либо. Отвернувшись от него, я посмотрела на небо, абсолютно уверенная в том, что он уставился на меня.

— Бриггс не должен был привозить тебя сюда, — сказал он, наконец. — Это место разрушит тебя.

— Разве оно разрушило Лию? — спросила я. — Или Слоан?

— Они не профайлеры.

— Разве это место разрушило *тебя*?

Дин не промедлил, ни на секунду.

— Там было нечего разрушать.

Я подплыла к краю, ближе к нему.

— Ты меня не знаешь, — сказала я, выходя из воды. — Я не боюсь этого места. Я не боюсь учиться думать как убийца, и я не боюсь *тебя*.

Я даже не была уверена, почему добавила те последние шесть слов, но они заставили его глаза вспыхнуть. Я была на полпути к дому, когда услышала, как он встал. Я слышала, как он идет по траве к крошечной лачуге около бассейна. Я слышала, как он нажал на выключатель.

Внезапно, во дворе больше не было темно. Мне потребовалось время, чтобы осознать, откуда исходил свет. Бассейн *светился*. Не было другого слова, чтобы описать его. Это выглядело так, словно кто-то забрызгал бассейн светящейся в темноте краской. Были капли флуоресцентного цвета то здесь, то там. Длинные полосы. Капли. Четыре параллельных мазка по всей плитке на дне бассейна.

Я взглянула на Дина.

— Черный свет, — сказал он, как будто это было тем объяснением, в котором я нуждалась.

Я не могла ничего с собой поделать. Я подошла ближе. Я присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть. И я увидела светящиеся в темноте очертания тела на дне бассейна.

— Ее звали Аманда, — сказал Дин.

Тогда я поняла, чем должны были быть мазки и полосы краски на краях и дне бассейна.

Кровь.

Цвет обманул меня, хотя картина была слишком хорошо знакома.

— Её порезали ножом три раза. — Дин не смотрел ни на меня, ни даже на бассейн. — Она ударилась головой о цемент, когда поскользнулась в собственной крови. А потом он обернул пальцы вокруг ее горла. Он свесил верхнюю часть её тела за борт бассейна.

Я могла видеть, как это происходило, видеть, как убийца стоял над телом девушки. Её скинули. Она вцепилась в его руки, пытаясь использовать борт бассейна как опору.

— Он держал ее под водой. — Дин встал на колени рядом с бассейном и продемонстрировал это, разыгрывая движение. — Он утопил ее. И тогда он отпустил ее. — Он отпустил его мнимую жертву и оттолкнул к центру бассейна.

— Это место преступления, — наконец сказала я. — Одно из поддельных мест преступления, которые они используют, чтобы тренировать нас, как и множество тех в подвале.

Дин уставился в центр бассейна, где было бы тело жертвы.

— Это не подделка, — сказал он, наконец. — Это на самом деле произошло. Просто не здесь.

Я протянула руку, чтобы коснуться плеча Дина. Он проигнорировал мое прикосновение, обернувшись ко мне лицом, его тело было рядом с моим.

— Все в этом месте — в доме, во дворе, в бассейне — было построено с одной целью.

— Полное погружение, — сказала я, удерживая его взгляд. — Как и те школы, в которых говорят только по-французски.

Дин кивнул в сторону бассейна.

— Это не иностранный язык, ему люди должны хотеть научиться.

Нормальные люди — вот что имел в виду Дин. Но я не была нормальной. Я была Естественной. И этот макет преступления не был худшим, что я видела.

Я повернулась, чтобы пойти назад к дому. Я слышала, как Дин пошел по лужайке. Я слышала, как он щелкнул выключателем. И когда я оглянулась через плечо, бассейн был просто бассейном. Двор был просто двором. И брызги исчезли.

На следующее утро я проспала и проснулась с чувством, что за мной наблюдают.

— Тук-тук.

Основываясь на приветствии — и факте того, что говорящий человек открыл мою дверь, постучался и сказал эти слова в одно и то же время — я ожидала увидеть Лию. Вместо этого, открыв глаза, я увидела агента Локк, стоящую в дверях, с кружкой из Старбакса в одной руке и ключами от машины в другой.

Я оглянулась на кровать Слоан, но она была пуста.

— Поздно легла? — спросил мой недавно приобретенный наставник, изогнув бровь. Я подумала о Дине и бассейне, и решила, что это не то, что я хотела бы обсуждать.

— Правда? — сказала агент Локк, глядя на мое лицо. — Я просто шучу, но у тебя выражение лица: я-была-допоздна-с-мальчиком-прошлой-ночью. Может быть, мы могли бы поболтать между нами, девочками?

Я не знала, что было хуже, тот факт, что Локк думала, будто я поздно ночью делала что-то глупое как любой подросток, или то, что она звучала подозрительно, как мои кузины.

— Никаких девчачьих разговоров, — сказала я. — Никогда и ни за что.

Агент Локк кивнула.

— Заметано, — она посмотрела на мою пижаму, а потом кивнула на шкаф. — Вставай. Одевайся. — Она бросила мне ключи от машины. — Я позову Дина. Ты поведешь.

Я совсем не была счастлива, когда маршрут агента Локк в конечном итоге привел нас обратно в торговый центр, а точнее к миссис Море Печенек. После того, как я увидела брызги крови на краю бассейна ночью, профилирование покупателей казалось бессмысленным. Это казалось глупым.

Если она заставит нас догадываться, какое печенье люди собираются заказывать...

— Три с половиной года назад, Сэнди Харрисон была здесь с мужем и тремя детьми. Ее муж взял своего восьмилетнего сына в книжный магазин, и она осталась с двумя дочками, — все это агент Локк сказала совершенно нормальным голосом. Ни один покупатель не повернулся, чтобы посмотреть на нас, но ее слова приморозили меня к месту. — Сэнди и девочки были в очереди за лимонадом. Трехлетняя Мадлен ринулась напрямик за печеньем, и Сэнди пришлось тянуть ее назад. Это было Рождество, и торговый центр был набит людьми. Мадлен отчаянно нуждалась во сне и была на грани. Очередь продвигалась. Сэнди добралась до прилавка и повернулась, чтобы спросить ее старшую дочь, Аннабель, хочет ли она лимонад или молочный коктейль.

Я знала, что произошло дальше.

— Аннабель пропала.

Было легко представить себе торговый центр на Рождество, чтобы увидеть молодую семью: они разделились, отец с сыном и мать с двумя девочками. Я видела, что младшая дочь на грани истерики, увидела, как отвлеклась мама. Я представила, как она смотрит вниз и понимает, что она только посмотрела в сторону на несколько секунд, хотя она всегда была так осторожна...

— Охрану молла вызвали сразу. В течение получаса они вызвали полицию. Они остановили торговлю в молле. Вызвали ФБР, и мы послали Эмбер Алерт. Если ребенка не

находят в течение первых двадцати четырех часов, то есть шанс, что он или она никогда не будет найден живым.

Я с трудом сглотнула.

— Вы нашли ее?

— Мы нашли, — ответила агент Локк. — Вопрос в том, стала бы ты искать? — Она позволила обдумать это в течение секунды, может быть двух. — Первый час является наиболее важным, и ты уже потеряла его. Девочка пропала девятью семью минут назад, и только потом позвонили нам. Тебе нужно выяснить, кто взял ее и почему. Большинство похищений совершаются членами семьи, но ее родители не развелись, и не было никаких проблем с опекой. Ты должна знать секреты этой семьи. Ты должна узнать их вдоль и поперек — и ты должна выяснить, как кто-то увел эту девочку из торгового центра. Что ты будешь делать?

Я осмотрела торговый центр, людей находящихся здесь. Я спросила:

— Камеры наблюдения?

— Ничего, — коротко сказала Локк. — Там нет никаких вещественных доказательств.

Заговорил Дин:

— Она не плакала. — Агент Локк кивнула, и он продолжил. — Даже на Рождество, даже в толпе, я не собираюсь рисковать, насильственно хватая ребенка, мать которого стоит в трех футах.

Я не могла заставить себя залезть в голову похитителя, так что я сделала лучшее, что могла. Я стала Аннабель.

— Я вижу кого-то. Может быть, я его знаю. Может быть, у него есть то, чего я хочу. А может, он что-то уронил, и я хочу отдать это ему, — я сделала паузу. — Я не та, кто будет плакать, и просить печенья. Я старшая сестра. Я хорошая девочка. Я зрелая... так что я последовала за ним. Просто, чтобы получше рассмотреть, только на расстояние вытянутой руки и отдать ему это... — Я сделала пару шагов. Пять, и я уже была за углом, перед дверью служебного выхода.

Услужливо, Дин подошел, чтобы открыть ее, но она была заперта.

— Может быть, я работаю здесь, — сказал он. — Может быть, я просто украл карту доступа. В любом случае, я готов. Я готов. Может быть, я просто ждал ребенка — любого ребенка — чтобы забросить удочку.

— Вот в чем вопрос, не так ли? — сказала агент Локк. — Было ли это преступление случайным или девочка была конкретной целью? Чтобы найти ее, вам нужно это знать.

Я вернулась и попыталась проиграть сцену снова и снова.

— Какой он, человек, которого вы ищете? — спросила агент Локк. — Мужчина? Женщина? Возрастной диапазон? Интеллект? Образование?

Я посмотрела на прилавок с печеньями, затем на служебную дверь, и на Дина. Это было то, о чем он говорил прежде. Это была работа.

Я повернулась к агенту Локк.

— Сколько именно лет было девочке?

— Локк заставила вас попотеть? — Майкл напал на меня за завтраком: это было его привычкой, и я с нетерпением ждала этого с прошлой недели. Каждый день Агент Локк появлялась с новым заданием, и каждый день я его проходила. С Дином.

Иногда я чувствовала, что утро с Майклом было моим единственным настоящим отдыхом.

— Некоторым из нас нравится работать, — сказала я ему.

— В отличие от тех из нас, у кого привилегированное воспитание? — спросил Майкл, шевеля бровями.

— Я не это имела в виду.

Он наклонился и дотронулся до моего хвостика.

— Милая история, Колорадо.

— Ты действительно ненавидишь это место? — спросила я. Я не могла сказать, действительно ли он не любил программу или он притворялся. Самое главное, что я поняла о Майкле на прошлой неделе, было то, что был очень большой шанс, что он был в маске дольше, чем он работал в ФБР, прикидываясь тем, кем он не являлся на самом деле.

— Давай просто скажем, что у меня есть редкая способность быть недовольным, где бы я ни был, — сказал Майкл. — Хотя я начинаю думать, что это место имеет свои привилегии. — На этот раз, вместо того, чтобы возиться с моим хвостиком, он отбросил выбившуюся прядь с моего лица.

— Кэсси, — голос Дина застал меня врасплох, и я подпрыгнула. — Локк здесь.

— Только работа и никаких забав, — прошептал Майкл. Я проигнорировала его — и пошла работать.

— Один. Два. Три, — Агент Локк выложила фотографии по одной за раз. — Четыре, пять, шесть, и семь.

Два ряда фотографий — три в одном ряду и четыре в другом — смотрели на меня с кухонного стола. Каждая картина содержала тело: стеклянные глаза, руки и ноги, согнутые под неестественным углом.

— Я не помешаю?

Локк, Дин и я обернулись, и увидели Джадда в дверях.

— Нет, — сказала Локк с улыбкой. — Не помешаешь. Что мы можем сделать для тебя, Джадд?

Мужчина подавил улыбку.

— Вы, барышня, можете мне подсказать, как найти Бриггса.

— Бриггс выехал на место преступления, — ответила Локк. — Сегодня здесь только я.

Джадд замолчал на секунду. Его взгляд упал на фотографии на кухонном столе, и он приподнял бровь, глядя на Локк.

— Приберитесь, когда закончите.

С этими словами, Джадд оставил нас, и я опять обратила внимание на фотографии. Три в верхнем ряду изображали женщин, безжизненно лежащих на асфальте. Четыре снизу были в помещении: две на кровати, одна на кухне на полу, одна в ванной. Три из жертв были зарезаны. Двое из них были расстреляны. Одна из них была избита до смерти, и одна была

задушена.

Я заставила себя смотреть на фотографии. Если я моргну, если отвернусь, если вздрогну, то буду не в состоянии посмотреть на них вновь. Рядом со мной Дин тоже смотрел на фотографии. Он просмотрел их, слева направо, вверх и вниз, как будто он был на инвентаризации, как будто тела на этих картинах не были людьми: чей-то матерью, чей-то любовью.

— Семь тел, — сказала агент Локк. — Пять убийц. Три из этих женщин были убиты одним и тем же человеком. Остальные четыре были работой четырех различных убийц, — агент Локк слегка постучала по вершине каждой фотографии, в результате чего глаза переходили от одной к другой. — Разные жертвы, в разных местах, убиты различными видами оружия. Что важно? Что нет? Так как мы профайлеры, большая часть нашей работы заключается в определении моделей убийства. Есть миллионы нераскрытых дел. Как вы узнаете, если убийца, которого вы отслеживаете, отвечает за любое из них? — Я никогда не могла сказать, когда агент Локк задавала риторический вопрос, а когда ожидала ответа. Через несколько секунд, держа рот на замке, я поняла, что это был первый вариант.

Агент Локк повернулась к Дину.

— Потрудись объяснить Кэсси разницу между М. Д. убийцы и его почерком, — Дин оторвал внимание от фотографий и заставил себя смотреть на меня. Изучение изуродованных тел было обычным делом. Разговаривать со мной, по-видимому, было труднее.

— М. Д. это как «метод действий», — он сказал это, прежде чем перевел взгляд с моего лица на место чуть левее моего плеча. — Или метод работы. Это относится к методу, используемому убийцами. Расположение, оружие, как они выбирают жертв, как они подчиняют их — вот М. Д. убийц.

Он посмотрел на свои руки, и я посмотрела на них, тоже. Его ладони были мозолистыми, его ногти короткими и неровными. Тонкий белый шрам извивался от основания пальца правой руки к внешней стороне запястья.

— М. Д. убийцы может измениться, — продолжил Дин, и я попыталась сосредоточиться на его словах, а не его шраме. — Н. О. может начать быстро убивать своих жертв. Он не уверен, что будет в состоянии выйти сухим из воды, но со временем и опытом, многие Н. О. разрабатывают способы, чтобы насладиться убийством. Некоторые убийцы рискуют, и интервал между убийствами сокращается. — Дин закрыл глаза на долю секунды, прежде чем открыть их снова. — Все, что касается М. Д. Н. О. может меняться со временем поэтому, хоть это и может быть информативным, отслеживать М. Д. не совсем надежно, — Дин снова начал перебирать ближайšie фото. — Вот где вступают их почерки.

Агент Локк перехватила инициативу.

— М. Д. Н. О. включает все элементы, необходимые для совершения преступления и чтобы избежать поимки. Как убийца, вы должны выбрать жертву, должны иметь средства, чтобы исполнить преступление незамеченным, вы должны иметь либо физическую силу, либо какой-нибудь вид оружия, чтобы убить их. Вы должны избавиться от тела любым путем.

Агент Локк указала на фото, привлекая внимание Дина.

— Но после того как вы ударили кого-то в спину, вам не придется переворачивать их и складывать им руки, ладонями вверх по бокам, — она остановилась, указывая на фото, но продолжая говорить — о других убийцах, других вещах, которые она видела на своей работе

в ФБР. — Вы не должны целовать их лбы или отрезать их губы или оставлять кусочек оригами рядом с телом.

Выражение лица агента Локк было серьезным, но не настолько, как у Дина. Она выполняла эту работу уже некоторое время, но она еще не привыкла к ней — как и я.

— В совокупности мы говорим об этих дополнительных действиях и о том, что они говорят нам о Н. О. — и о почерке. Почерк Н. О. рассказывает нам о его или ее основной психологии: фантазии, глубоко спрятанных потребностях, эмоциях.

Дин посмотрел на свои руки.

— Эти потребности, эти фантазии, эти эмоции, — сказал он. — Они не меняются. Убийца может поменять оружие, может начать убивать чаще, может изменить место, может начать выбирать другой тип жертв, но его почерк остается прежним.

Я обратила внимание на фотографии. Трех женщинам нанесли удар: двум в переулке, одной в ее собственной кухне. Женщина на кухне сопротивлялась, судя по фотографии, а у двух других не было шанса.

— Эти две, — сказала я, вытаскивая первые две фотографии. — Убийца удивил их. Вы сказали, что Н. О. зарезал эту сзади, — я указала на девушку слева. — После того, как она умерла или была близка к этому, и не могла больше бороться, он перевернул ее. Таким образом, она могла его видеть.

Это было то, о чем говорила агент Локк, когда использовала фразу «глубоко спрятанные потребности». Убийца напал на девушку сзади, но по какой-то причине для него было важно, чтобы она видела его лицо, а он ее.

— Не говори «он», — сказал Дин. Он подвинулся, и вдруг, я почувствовала тепло от его тела. — Скажи «ты», Кэсси. Или скажи «я».

— Хорошо, — сказала я. Я перестала говорить об убийце — и начала говорить с ним. — Ты хочешь, чтобы они видели тебя. Ты хочешь стоять над ними. И пока они лежат там и умирают, или, может быть, даже после того как они будут мертвы, ты не сможешь удержаться, и прикоснешься к ним. Ты поправишь их одежду. Ты отложишь оружие в сторону, — я смотрела на фото девушки, на которую он напал сзади, и что-то еще поразило меня в этом. — Ты думаешь, что они красивы, но девушки как они, женщины как они, даже не видят тебя, — я сделала паузу. — Таким образом, ты заставляешь их увидеть тебя.

Я посмотрела на следующую фотографию: другая женщина, зарезана и найдена мертвой на тротуаре. Как и первая, она была выбрана для удобства. Но в соответствии с примечаниями на фото, она не была зарезана сзади.

— Этого было недостаточно, — сказала я. — Перевернуть ее после того, как она умерла, было недостаточно. Таким образом, ты напал на следующую с фронта.

Как и первая жертва, эта была аккуратно перевернута на спину, ее волосы лежали веером вокруг ее лица как неестественный нимб. Даже не задумываясь, я взяла третье фото в верхнем ряду — у жертвы огнестрельное ранение, от которого она быстро умерла — и отложила его в сторону. Это не было работой одного и того же преступника. Убийство было быстрым и чистым, и не было даже желания изучать его.

Возвращая мое внимание к нижнему ряду фотографий, я просмотрела их, пытаюсь держать эмоции под контролем, также как Дин. Одна из этих женщин была убита тем же Н. О., что и первые две. Простейший ответ — и неправильный — третья зарезанная женщина была убита на кухне, ножом из ее собственного ящика. Она боролась, она умерла кроваво, и убийца оставил ее здесь, с задранной юбкой, и неестественно изогнутым телом. «Тебе нужно

видеть их», сказала я убийце тихо, представив его силуэт в моей голове. «Тебе нужно, чтобы они видели тебя. Они должны быть прекрасны».

Эта третья жертва была убита после первых двух. М. Д. Н. О. изменился: другое оружие другое место. Но в глубине убийца не изменился. Он был тем же человеком, с теми же большими спрятанными потребностями.

Каждый раз, когда ты убиваешь, тебе надо больше. Тебе необходимо быть лучше. Ей нужно быть лучше. Убивать женщин на улице уже было недостаточно. Ты не хочешь побыстрому в переулке. Ты хочешь отношений. Женщину. Дом.

Я нацелилась на фото двух женщин, убитых в их спальнях. Обоих нашли лежащими в их кроватях. Одна была застрелена. Другая задушена.

Ты поймал ее ночью. В ее доме. В ее спальне. Теперь она не смотрит сквозь тебя, правда? Теперь она не так хороша для тебя.

Я попыталась представить Н. О. стреляющего в женщину, но его не так просто вычислить.

Ты хочешь, чтобы она увидела тебя. Ты хочешь коснуться ее. Ты хочешь почувствовать, как из нее уходит жизнь, медленно-медленно.

— Эта была последней, — сказала я, указывая на женщину, которую задушили в ее же постели. — Другой М. Д... Тот же почерк.

Эта женщина умерла, смотря на него, и он уложил ее в позу: подпер голову подушкой, уложил ее каштановые волосы вокруг мертвого лица.

Внезапно, я почувствовала тошноту. Это не было просто представлением о том, что произошло с этими женщинами. На мгновение я была связана с человеком, который сделал это. Я поняла.

Я почувствовала руку, теплую и твердую руку на затылке. Дин.

— Ты в порядке, — сказал он. — Все позади.

Я слышала это от парня, который не хотел, чтобы я была здесь.

— Просто дыши, — сказал он мне, темные глаза тщательно изучали меня. В ответ я тоже сконцентрировалась на его лице — здесь, сейчас, этот момент, больше ничего.

— Ты в порядке, Кэсс? — агент Локк звучала взволнованно. Я могла практически видеть ее интерес, если бы она подтолкнула меня дальше, быстрее.

— Я в порядке, — ответила я.

— Обманщица, — Лиа вошла в кухню как модель кошачьей походкой, но впервые я была рада ее приходу.

— Ладно, — сказала я, привнося изменения в мое прежнее заявление. — Я не в порядке, но буду. — Я развернулась и посмотрела в глаза Лии. — Довольна?

Она улыбнулась.

— Да.

Агент Локк прочистила горло и приняла холодное выражение лица, чем напомнила мне Бриггса.

— Мы все еще работаем здесь, Лиа.

Лиа посмотрела на меня, затем на Дина, который опустил руки по бокам.

— Нет, — сказала она. — Не работаете.

Я не была уверена, поймала ли она агента Локк на лжи, или она сказала агенту отвалить. Я также не была уверена сделала она это ради меня или ради Дина.

— Хорошо, — сдалась агент Локк. — Моя потрясная лекция о разнице между

организованными и неорганизованными убийцами может подождать до завтра. — Ее телефон завибрировал. Она вытщила его, посмотрела на экран несколько секунд, и затем поправилаь. — И под «завтра» я имею в виду понедельник. Хорошо отдохните.

— Кого-то вызвали на место преступления, — сказала Лиа, ее глаза загорелись.

— Кто-то полетит на самолете, — ответила агент Локк. — Нет покоя грешникам, и как бы я не хотела взять живой детектор лжи с собой на место преступления, Лиа, это не программа. Ты знаешь это.

Меня затошнило от фотографий давно умерших женщин, и от убийцы, которого уже поймали. Локк говорила о нераскрытом деле.

О свежем теле.

— Ты права, — сказал Дин, вставая между Лией и Локк. — Это не программа, — он сказал агенту, и даже стоя сзади, я могла представить его взгляд — интенсивный и полный тревоги. — Уже нет.

В субботу я проснулась в полдень от двух звуков: кто-то перетасовывал карты, и слабый звук удара метала о метал. Я открыла глаза и перевернулась на другой бок.

Слоан сидела на ее кровати, скрестив ноги, с кружкой в одной руке и в другой с картами: семь столбцов, разное количество карт в каждом и все они рубашками вверх.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Слоан на мгновение задержала взгляд на картах, а затем подняла одну и перенесла.

— Солитер, — сказала она.

— Но все твои карты вниз лицом.

— Да, — Слоан отпила из своей кружки.

— Как ты можешь играть в солитер, когда все твои карты вверх рубашками?

Слоан пожала плечами.

— Как ты можешь играть, когда они вверх лицом?

— Слоан кто-то вроде карточного шулера. Бриггс нашел ее в Вегасе, — Лиа высунула голову из шкафа. — Если она увидела один раз колоду, то может запомнить порядок карт.

Я отметила тот факт, что Лиа была в нашем шкафу. Металл о металл, подумала я. Металлические вешалки, скользящие по металлической перегородке.

— Эй, — сказала я, присмотревшись к наряду Лии. — Это мое платье.

— Теперь мое, — улыбнулась Лиа. — Разве ФБР не предупреждали тебя, что у меня ловкие пальчики? Клептомания, патологическое вранье — это почти одно и то же, правда.

Я думала, что Лиа шутит, но не была уверена.

— Шучу, — подтвердила она спустя секунду. — О клептомании, но не о том факте, что у меня нет намерений возвращать это платье. Честно говоря, Слоан клепто в этом доме, ну а этот цвет больше подходит мне, чем тебе.

Я повернулась к Слоан, которая играла дальше.

— Слоан? — сказала я. — Seriously?

Почему Лиа копается в нашем шкафу?

Слоан подняла глаза, но не прекратила играть.

— Мотивация к охране территории у тебя больше чем у меня. Я нахожу, что большинство людей тоже выглядели бы недоуменными.

Я перефразировала вопрос.

— Почему ты позволяешь Лии копаться в нашем шкафу?

— Оу, — сказала Слоан, как только поняла, что я имела в виду. — Она принесла взятку.

— Взятку? — спросила я. И затем я поняла, что видимо, взяткой было то, что находилось в кружке.

— Ты принесла ей кофе?

Лиа провела рукой по моему платью.

— Виновна по всем статьям.

Слоан на кофе была немного похожа на чокнутого аукционера. Цифры лились из ее рта быстрее, чем из пулемета, по статистике на каждый случай. В течение восьми часов.

— 16 % американцев имеют голубые глаза, — сообщила она мне беспечно. — А около 40 % мужчин актеров на ТВ играют докторов.

Смотреть телик с гиперактивным статистиком было достаточно сложной задачей, но Слоан была не единственной, кто последовал за мной в комнату отдыха после завтрака.

— Ее рот говорит: «Я люблю тебя, Даррен», но ее поза говорит: «Не могу поверить, что сценаристы сделали это с моим персонажем — я бы никогда не влюбилась в это чмо!» — Майкл закинул кусочек попкорна в рот.

— Ты не возражаешь? — спросила я его, указывая на экран.

Он усмехнулся:

— Вовсе нет.

Я пыталась игнорировать их двоих, но усилия были тщетны. Я не могла погрузиться в медицинскую мелодраму как они, потому что все, о чем я могла думать — снова и снова — что доктор Даррен-чмо это квалифицированный тренер.

— Мы могли бы переключить на реалити-шоу, — предложил Майкл.

— Примерно 1 % населения являются психопатами, — объявила Слоан. — Последние подсчеты показывают, что около 14 % из них это звезды реалити-шоу.

— Чьи подсчеты? — спросил Майкл.

Слоан улыбнулась как чеширский кот.

— Мои.

Майкл положил руки за голову и откинулся назад.

— Забудьте про изучение убийц. Давайте арестуем эти 14 % звезд реалити-шоу и жизнь прожита не зря.

Слоан ссутулилась в кресле и играла с кончиком ее хвостика.

— Быть психопатом не преступление, — сказала она.

— Ты защищаешь психопатов? — спросил Майкл, выгибая бровь до смешного высоко. — Вот почему мы не даем тебе кофе.

— Эй, — сказала Слоан защищаясь. — Я просто сказала что статистически, психопаты чаще всего попадают в психушки, а не становятся серийными убийцами.

— Хм. — Лиа была единственным человеком из всех, что я знала, который объявляет свое присутствие словом хм. После того, как она привлекла наше внимание, она посмотрела на каждого по очереди. — Джадд только что уехал на всю ночь в город встретиться со старым другом. Дом в нашем распоряжении. — Она всплеснула руками. — Гостиная. Пятнадцать минут. Приготовьтесь.

— Приготовится к чему? — спросила я, но прежде чем произнесла вопрос наполовину, она ушла.

— Это не кончится хорошо, — слова Майкла не были похожи на жалобу. Он встал. — Дамы, увидимся через пятнадцать минут.

Пока я смотрела, как он идет к двери, то не могла отделаться от мысли, что я провела большую часть жизни в качестве наблюдателя, а Лиа была той, кто втягивал людей в действие.

— Какие-нибудь идеи о том, куда нас втягивают? — спросила я у Слоан.

— Основываясь на прежнем опыте, — ответила Слоан серьезно, — я думаю, у нас будут проблемы.

Майкл и Дин уже были в гостиной, когда Слоан и я прибыли. В последние четырнадцать минут, моя блондинистая компаньонка начала успокаиваться, как разрядившийся Кролик Дюрассел на батарееках.

Она села на диван рядом с Майклом. Я села возле нее. Напротив нас, Дин сидел на полу возле камина, уставившись в пол, его волосы упали ему на лицо.

«Диван, кресла, подушки, ковер», подумала я. «И он предпочел сидеть на камне».

Я вспомнила первый раз, когда встретила его, поднимающим штангу и толкающим его тело к грани. Мое первое впечатление: он наказывал себя.

— Рада видеть всех вас, — Лиа не просто вошла в комнату, она создала сцену. Все глаза обращены к ней, она села на пол и вытянула ноги, скрестив лодыжки и расправив мое платье вокруг нее. — Для вашего досуга сегодня Правда или Вызов. — Она остановилась, оглядев всех нас. — Какие-нибудь возражения?

Дин открыл рот.

— Нет, — сказала Лиа ему.

— Ты спрашивала, есть ли возражения, — сказал Дин.

Лиа встряхнула головой.

— У тебя нет права возразить.

— А у меня? — спросил Майкл.

Лиа обдумала вопрос.

— А ты хочешь возразить?

Майкл посмотрел на меня, а затем снова на Лию.

— Не особенно.

— Тогда да, — ответила Лиа. — У тебя есть право.

Возле меня, Слоан подняла руку.

— Да, Слоан? — доброжелательно сказала Лиа. Судя по всему, она не была обеспокоена тем, что у нашей Королевы Чисел могут быть какие-то возражения.

— Я знакома с правилами игры, но мне неясна одна вещь, — глаза Слоан заблестели. — Как победить?

Майкл улыбнулся.

— Тебе придется влюбиться в девушку с конкурса красоты.

— Ты не можешь выиграть в Правду или Вызов, — сказала я. На самом деле, я подозревала, что эта игра, в которую все проигрывают.

— Это возражение? — спросила Лиа.

С другого конца улицы, Дин жестами показывал мне слова СКАЖИ ДА, так же ясно как если бы заказал вертолет написать эти слова в небе. И если бы я была в комнате с любыми другими подростками на планете, я бы сделала это. Но в комнате с Майклом, которого я не могла профилировать, и Дином, который сказал, что естественные больше не работают с нераскрытыми делами. У меня были вопросы, и это был единственный способ получить на них ответы.

— Нет, — сказала я Лии. — Это не было возражением. Давайте играть.

Медленная улыбка появилась на лице Лии. Дин откинулся на стену за камином.

— Могу я начать первой? — спросила Слоан.

— Конечно, — ответила Лиа мягко. — Правда или вызов, Слоан?

Слоан взглянула на нее.

— Я не это имела в виду.

Лиа пожала плечами.

— Правда. Или. Вызов.

— Правда.

В обычных условиях, играя в «правду или вызов», это был бы более безопасный вариант, потому что если вопрос был слишком откровенным, ты всегда мог солгать. С Лией в комнате, это было невозможно.

— Ты знаешь, кто твой отец?

Вопрос Лии застал меня врасплох. Большую часть своей жизни я не знала, кто мой отец, но не могла представить, что расскажу об этом при всех. Казалось, что Слоан нравится Лии, более или менее, но ясно, что в игре «правда или вызов», симпатии забываются.

Слоан невозмутимо посмотрела Лии в глаза.

— Да, — сказала она. — Я знаю.

— Грязный прием, — пробормотал Майкл. Лиа неодобрительно посмотрела на него.

— Твоя очередь, — сказала она Слоан, и, судя по ее лицу, я подумала, что она отобьет удар — но она повернулась ко мне. — Кэсси. Правда или вызов?

Я попыталась представить, какой вызов Слоан может придумать, но потерпела неудачу.

— По статистике, самые популярные вызовы включают в себя употребление неприятной еды, хулиганство по телефону, поцелуй другого игрока, облизывание чего-то грязного, и раздевание, — услужливо сказала Слоан.

— Правда.

Слоан помедлила секунду.

— Скольких людей ты любишь?

Вопрос казался безобидным, пока я не начала думать об ответе. Голубые глаза Слоан искали мои, и у меня появилось чувство, что она не спрашивала, потому что думала: будет забавно услышать мой ответ.

Она спрашивала, потому что ей нужны были точные данные для сравнения.

— Скольких людей я люблю? — повторила я. — Люблю... как?

Я никогда не влюблялась, так что если она спрашивала о романах, то ответ был прост.

— Скольких людей ты любишь всего? — сказала Слоан. — Считая семью, парней, и других.

Я просто хотела выбрать число наугад. Пять звучало неплохо. Или десять. «Слишком много, чтобы сосчитать» звучало лучше, но Лиа смотрела на меня, очень пристально.

Я любила мою маму. Это было просто. И Нонну, и папу, и остальную семью — я любила их. Разве нет? Они были моей семьей. Они любили меня. Просто потому что я не показывала это, еще не значит, что я не любила их в ответ. Я сделала все, что могла, чтобы сделать их счастливыми. Я старалась не причинять им боль.

Но действительно любила ли я их так же, как маму? Могла ли я любить кого-то также?

— Одного, — с трудом выдавила я. Я уставилась на Лию, надеясь, что она скажет, что это неправда, что потеря моей мамы не сломало что-то во мне, и мне не было суждено провести остаток жизни, держать в стороне от любви, которую испытывали ко мне родственники.

Лиа задержала взгляд на мне, затем пожала плечами.

— Твоя очередь, Кэсси.

Я попыталась вспомнить, почему я думала, что эта игра была хорошей идеей.

— Майкл, — сказала я, наконец. — Правда или вызов?

Было там много вещей, о которых я хотела спросить его: что он действительно думал о программе, каким был его отец, вопрос о налоговом мошенничестве, было ли большее между ним и Лией, чем их взаимные колкости. Но у меня не было шанса задать эти вопросы, потому что Майкл наклонился вперед, его глаза блестели.

— Вызов.

Конечно, он не собирался позволить мне копаться в его мозге. Конечно, он собирался заставить меня первой придумать задание для вызова. Я ломала голову, пытаюсь придумать что-то не глупое, но и не поцелуи, раздевание или что-то, что могло дать Майклу повод создать проблемы.

— Удиви меня, Колорадо, — Майкл уж слишком наслаждался этим. У меня было чувство, будто он надеялся, что я вызову его сделать что-то опасное, то, что заставит его почувствовать адреналин.

То, чего не одобрит Бриггс.

— Я вызываю тебя... — произнесла я медленно, надеясь, что ответ оправдает себя, — ... станцевать балет.

Даже я не была уверена, откуда это взялось.

— Что? — сказал Майкл. Очевидно, он ожидал чего-то более захватывающего или рискованного.

— Балет, — повторила я. — Прямо здесь, — я указала на центр комнаты. — Танцуй.

Лиа начала подначивать его. Даже Дин скрывал улыбку.

— Балет это традиционный танец, появившийся еще в начале эпохи Возрождения, — услужливо сказала Слоан. — Особенно танец популярен в России, Франции, Италии, Англии и в Штатах.

Майкл остановил ее, пока она не начала разглагольствовать обо всей истории искусства.

— Я понял, — сказал он. И затем, с торжественным выражением лица, он встал, прошел в центр комнаты и встал в позу.

Я видела его спокойным. Я видела его обходительным. Я чувствовала, как он убрал прядь волос с моего лица — но это. Это действительно было нечто. Он встал на носки. Прокрутился. Он согнул ноги и подпрыгнул. Но лучшей вещью был его взгляд: холодный, полный решимости.

Он закончил выступление реверансом.

— Очень мило, — сказала я, прерывая истерический хохот. Он откинулся на диван и посмотрел на Лию.

— Правда или вызов?

Предсказуемо, Лиа выбрала правду. Из всех нас, она была единственной, кто мог врать и не попасться.

Майкл улыбнулся, также хитро, как и Лиа, когда начала все это.

— Какое твое настоящее имя?

На несколько секунд, уязвимость и раздражение быстро прошли сквозь Лию.

— Твое имя не Лиа? — Слоан звучала странно обиженно из-за идеи, что Лиа могла солгать о чем-то таком простом, как ее имя.

— Нет, — сказала ей Лиа. — Это оно.

Майкл посмотрел на Лию, его брови слегка приподнялись.

— Но давным-давно, — сказала Лиа, звуча все больше не как обычно с каждым словом, — меня звали Сэди.

Ответ Лии заполнил мой разум вопросами. Я пыталась ее представить в качестве Сэди. Она сбросила старое имя также легко, как и переделалась? Почему она поменяла его? Как узнал об этом Майкл?

— Правда или вызов... — Лиа посмотрела на каждого, одного за другим, и я почувствовала, как нечто темное возростало в ней. Это не кончится хорошо. — Кэсси.

Это не казалось справедливым, что уже наступила моя очередь, в то время как Дина еще нет, но я смирилась.

— Вызов, — я не знала, что подтолкнуло меня выбрать этот вариант, кроме как того факта, что взгляд Лии убедил меня, что она заставит вопрос Слоан звучать как что-то такое же личное, как и вопрос о погоде.

Лиа посмотрела на меня, затем на Майкла. Ответный удар.

— Я вызываю тебя, — сказала Лиа, смакуя каждое слово, — поцеловать Дина.

Дин отреагировал на это предложение так, как будто он был на электрическом стуле. Он выпрямился.

— Лиа, — сказал он резко, — нет.

— Ой, да ладно, Дин, — уговаривала его Лиа. — Это правда или вызов. Сделай это ради команды, — не ожидая его ответа, она повернулась ко мне. — Поцелуй его, Кэсси.

Я не знала, что было хуже, возражение Дина из-за идеи поцеловать меня, или внезапное осознание того, что мое тело не возражало против идеи поцеловать его. Я подумала о наших уроках с Локк, об ощущении его руки на моем затылке...

Лиа смотрела на меня выжидающе, но взгляд Майкла был единственным, который я чувствовала на себе, пока пересекала комнату, чтобы встать напротив Дина.

Я не должна была делать это. Я могла сказать нет.

Дин посмотрел на меня и на долю секунды, я увидела нечто другое, вместо смертельного безразличия на его лице. Его взгляд смягчился. Его губы раскрылись, как будто он хотел что-то сказать.

Я опустилась на колени рядом с камином. Я положила одну руку на его щеку, и приблизилась своими губами к его. Это был дружеский поцелуй. Европейское приветствие. Наши рты соединились на секунду, но я почувствовала это — ток, вплоть до пальцев ног.

Я отпрянула, не в силах оторвать глаза от его губ. На несколько секунд, мы просто сидели здесь, смотря друг на друга: он на полу и я на коленях на ковре.

— Твоя очередь, Кэсси, — Лиа звучала чертовски довольной собой.

Я заставила себя встать и вернуться к дивану. Я села, до сих пор чувствуя след от губ Дина на моих.

— Правда или вызов, Дин?

Это было бы справедливо: он был единственным из присутствующих, кто не попадал под раздачу. На мгновение, я подумала, что он мог отказаться и объявить конец игры, но он не сделал этого.

— Правда.

Это была возможность, которую Майкл не дал мне. У меня были вопросы. А у Дина ответы. Я сосредоточилась на этом, вместо того, что произошло между нами до этого.

— На днях, когда Локк сказала, что не может взять Лию на место преступления, ты

сказал, что это «больше» не было программой, — я сделала паузу. — Что ты имел в виду?

Дин кивнул, как если бы было вполне разумно задать вопрос после поцелуя.

— Я был первым, — сказал он. — Еще до программы, до того, как они начали использовать термин «естественные», были лишь я и Бриггс. Я не жил с Джадом. ФБР даже не знали обо мне. Бриггс задавал мне вопросы. Я давал ответы на них.

— Вопросы об убийцах, — у меня не было права на следующий вопрос, поэтому я произнесла это как утверждение. Дин кивнул. Лиа встряла, прерывая разговор.

— Ему было двенадцать, — сказала она, резко произнося слова. — Твоя очередь, Дин.

— Кэсси, — сказал Дин. Это не было «правда или вызов». Просто мое имя.

Рядом со мной, Майкл сжал челюсти. Удар Лии достиг цели, задев другие.

— Правда, — сказала я, стараясь не задумываться о реакции Майкла или о том, чтобы это могло значить.

— Почему ты приехала сюда? — спросил Дин, смотря на Лию, на свои руки, на все, кроме меня. — Почему присоединилась к программе?

Было много ответов на этот вопрос, которые технически были бы честными. Я могла сказать, что хочу помогать людям. Я могу сказать, что всегда знала, что не вписываюсь в обычный мир. Я не смогла.

— Мою маму убили, — я прочистила горло, пытаюсь произносить слова, как будто они были просто словами. — Пять лет назад. Исходя из брызг крови, они думали, что ее ударили ножом. Неоднократно. Полиция не нашла ее тело, но было достаточно крови, чтобы они сказали, что она не могла выжить. Я привыкла думать, что она смогла. Но перестала.

Дин не отреагировал на это откровение, но Лиа неестественно застыла, а челюсть Слоан отвисла. Майкл знал о моей матери, но я никогда никому не говорила об этом.

Правда или вызов, Дин. Я хотела сказать что-нибудь, но больше не могла задавать вопросы Дину. Мы итак слишком долго вели игру между собой.

— Правда или вызов, Лиа?

— Правда, — Лиа произнесла слово как вызов. Я спросила ее, была ли она чистюлей или неряхой. Она опустила подбородок, подняла брови, и посмотрела на меня.

— Серьезно? — спросила она. — Это твой вопрос?

— Это мой вопрос, — заверила я.

— Я неряха, — сказала она. — Во всех смыслах слова. — Она не дала мне времени поразмышлять над тем, что я оказалась права, вызвав Майкла на следующий раунд. Я ожидала, что он снова выберет вызов, но нет.

— Правда.

Лиа изящно провела рукой по платью. Она одарила его своим самым наивным и невинным взглядом. Затем она спросила его, ревновал ли он, когда я поцеловала Дина. Майкл не моргнул глазом, но я подумала, что Дин реально хотел задушить Лию.

— Я не ревновал, — сказал Майкл. — Даже порадовался.

Никто не удивился, когда Майкл выбрал Дина.

— Правда или вызов, Дин?

— Правда, — глаза Дина сузились, и я вспомнила, как Лиа говорила, что если у Дина был бы характер, Майкл был бы уже мертв. Я ожидала, что Майкл спросит Дина о чем-то ужасном, поэтому мой желудок скрутило, в горле стало сухо.

Но он не сделал этого.

— Ты видел фильм Дурная Кровь ^[4]? — вежливо осведомился он.

Мышцы на челюсти Дина дрогнули.

— Нет.

Майкл усмехнулся.

— А я да.

Дин встал.

— С меня хватит.

— Дин, — тон Лии был чем-то средним между упрямым и вкрадчивым, но он заставил ее замолкнуть взглядом. Пару секунд спустя, он выходит из комнаты, а затем я услышала, как он открыл входную дверь и хлопнул ею.

Дин ушел, и даже человек, который не мог читать эмоции, понял был довольное выражение лица Майкла.

Ты

Каждый час, каждый день ты думаешь о Девушке. Но еще не время грандиозного финала. Пока нет. Вместо этого, у тебя появилась другая игрушка в маленьком магазинчике в Дюпонд Серкл. Даже заметив ее, ты противился желанию добавить ее в твою коллекцию. Она была слишком близко к дому, в густонаселенном районе.

Но прямо сейчас, так называемая мадам Селин, это то, что тебе нужно. Тела есть тела, но хиромант — определенно, более поэтично. Послание, необходимое тебе — важное — отправлено. Проще было бы убить ее в магазине, водить ножом по каждой ладони и оставить ее тело на виду, но на этой неделе у тебя было много работы.

Эта небольшая награда заслужена тобой.

Схватить ее легко. Ты призрак. Незнакомец с конфеткой. Слушатель. Когда мадам проснется на складе, то не поверит, что именно ты ее похититель.

Не сразу.

Но в конце концов она увидит.

Ты улыбаешься, думая о неизбежности всего этого. Ты касаешься кончиков ее каштановых волос и берешь коробку рыжей краски № 12. Ты напеваешь себе под нос детскую песенку, которая возвращает тебя к началу.

Глаза гадалки открыты. Ее руки связаны. Она видит тебя. Затем она видит краску для волос, нож в твоей левой руке, и она понимает — ты чудовище.

В этот раз ты заслуживаешь делать все медленно.

Когда агент Локк явилась в понедельник утром, у нее были темные круги под глазами. С опозданием, я вспомнила, что пока мы смотрели телик и играли в Правду или Вызов, она и Бриггс работали на месте преступления. На настоящем месте, с настоящими следами.

С настоящим убийцей.

В течение долгого времени, Локк ничего не говорила.

— Бриггс и я зашли в тупик на этой неделе, — наконец сказала она. — У нас три трупа, а убийца разошелся, — она провела рукой по волосам, которые выглядели так, как будто их не расчесывали. — Это не ваша проблема. Она моя, но этот случай напомнил мне, что Н.О. это лишь часть головоломки. Дин, что ты можешь рассказать Кэсси о виктимологии?

Дин уставился на столешницу. Я не видела его с тех пор, как мы играли в Правду или Вызов, но казалось, что между нами ничего не изменилось, как будто мы никогда не целовались.

— Большинство убийц имеют тип, — сказал он. — Иногда, это физический тип. Для других, это может быть вопросом удобства — может он убивает туристов, потому что никто не хватится их на несколько дней, или студенты, потому что легко узнать их расписание занятий.

Агент Локк кивнула.

— Иногда жертвы могут служить в качестве замены кого-то в жизни Н.О... Некоторые убивают первых девушек, или жен, или матерей, снова и снова.

— Виктимология же говорит нам о другой стороне, — продолжил Дин, отводя глаза от агента Локк. — Как жертва отреагировала бы на похищение или нападение. Если ты убийца... — он остановился, подбирая слова. — То есть обратная связь между тобой и жертвами. Ты выбираешь их. Ты заманиваешь их в ловушку. Возможно, они пытаются вырваться. Или бегут. Некоторые пытаются уговаривать тебя, говорят вещи, которые остановят тебя. В любом случае, они реагируют.

— Мы не можем позволить себе роскошь знать каждую деталь о личности Н. О., — влезла агент Локк. — Но личность жертвы и поведение это половина картины преступления.

В тот момент, когда я услышала фразу «картина преступления», перед глазами промелькнула открытая дверь гардероба моей мамы.

Я всегда думала, что знаю очень мало о том, что произошло в тот день. К тому времени, когда я вернулась в гардеробную, убийца ушел. Моя мама ушла. Там было так много крови...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Виктимология, напомнила я себе. Я знала мою маму. Она бы боролась — царапалась, кидала бы лампы в его голову, пыталась бы выбить нож. И было лишь две вещи, которые могли остановить ее: близкая смерть или осознание того, что я скоро вернусь в комнату.

Что если она пошла с ним? Полиция предположила, что она была мертва — или без сознания — когда убийца утащил ее из комнаты. Но моя мама не была маленькой, и гардеробная была на втором этаже театра. Моя мама не пошла бы охотно, чтобы спасти ее жизнь — но она могла уйти с нападавшим, чтобы спасти мою.

— Кэсси? — сказала агент Локк, вырывая меня в настоящее.

— Верно, — сказала я.

Она прищурилась.

— Верно что?

— Простите, — сказала я Локк. — Могли бы вы повторить то, что сказали?

Она посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом, затем повторила все.

— Я говорила, что осмотр места преступления с точки зрения жертвы может сказать тебе об убийце. Скажем, ты идешь в дом жертвы и выясняешь, что она составляет план, сортирует одежду по цветам, и у нее есть рыбки. Эта женщина третья жертва, но она единственная из трех, у кого нет следов борьбы. Убийца обычно держит своих жертв живыми несколько дней, но эта женщина была убита сильным ударом по голове в день похищения. Ее блузка была застегнута криво, когда они нашли ее.

Влезая в голову убийцы, я могла представить его, хватающим женщин. Играющим с ними. Так почему он позволил этой уйти легко? Почему закончил эту игру раньше, когда она не проявила никакой борьбы?

Потому что она не сопротивлялась.

Я переключилась, представляя себя жертвой.

Я организованная, аккуратная, и лучшая во всем. Я хочу домашнее животное, но не могу заставить себя взять его, потому что он изменит мою жизнь, так что я купила рубку вместо этого. Может, я читала о предыдущих убийствах в газете. Может я знала, как заканчивают женщины, которые сопротивляются.

Так может мне не бороться? Физически.

Вещи, которые мне говорила агент Локк о жертвах, показывают, что она была женщиной, которая любила все контролировать. Она должна была пытаться уговаривать убийцу. Она должна была сопротивляться его попыткам контролировать ее. Она могла даже пытаться манипулировать им. И если ей бы удалось это, даже на мгновение...

— Н. О. убивал других для веселья, — сказала я. — Но ее он убил в приступе ярости.

Их взаимодействие было бы игрой за контроль для него, и она была достаточно властной, чтобы взбесить его.

— И? — предложила агент Локк. Я была опустошена.

— Он застегнул ее блузку, — сказал Дин. — Если она бы застегивала ее, то сделала бы это ровно.

Это наблюдение заставило что-то щелкнуть в моей голове. Если он убил ее в ярости, то почему после этого одел? Если он бы раздел ее, я бы поняла это — финальное унижение, окончательное утверждение контроля.

«Ты знал ее», подумала я.

— Первые две жертвы Н. О. выбрал случайно, — агент Локк посмотрела мне в глаза, и на секунду показалось, что она читает мои мысли. — Мы предполагали, что третья жертва тоже. Но мы ошибались, — Локк вздрогнула. — Вот почему вам нужны обе стороны медали. Жертва и Н. О. — потому что вы всегда в чем-то ошибаетесь. Вы всегда что-то упускаете. А что если есть личная связь? Что если Н. О. старше, чем вы думаете? Что если «он» это «она»? Что если двое Н. О. работают в паре? Что если убийца сам ребенок?

Внезапно я поняла, что мы больше не говорим о женщине и человеке, который убил ее. Мы говорили о сомнениях, преследующих Локк прямо сейчас, о предположениях, которые она обдумывала об ее личном деле. Мы говорили о Н. О., которого Локк и Бриггс не могли поймать.

— 90 % всех серийных убийц мужчины, — проявила Слоан свое присутствие, когда подошла к нам, чтобы присоединиться. — 76 % американцы, с существенным процентом

серийных убийств сосредоточенных в Калифорнии, Техасе, Нью-Йорке и Иллинойсе. Подавляющее большинство серийных убийц кавказцы, и около 85 % жертв серийных убийств тоже кавказцы.

Я не могла не заметить, что она говорила значительно медленнее, чем когда она была под кофеином.

Бриггс зашел в комнату вслед за Слоан.

— Лэйси, — он привлек внимание Локк. — Мне только что звонили из Старманс. У нас труп номер четыре.

Думая об этих словах — и о том, что они значили — создавалось впечатление, что я подслушивала, но не могла ничего с собой поделать. Другой человек мертв.

Локк сжала челюсти.

— Тот же почерк? — спросила она Бриггса.

Бриггс бойко и быстро кивнул.

— Гадалка из Дюпонд Серкл. И поиск по национальной базе вновь привел нас к М. Д. нашего убийцы.

Какой М. Д.? Я не могла избавиться от вопроса, не лучше, чем могла остановить любопытство к этой новой жертве: была ли у нее семья, кто сказал им, что она мертва?

— Это плохо? — спросила Локк, читая по лицу Бриггса. Я желала, чтобы Майкл был здесь, чтобы помочь сделать то же самое. Это не было моим делом, но я хотела знать.

— Нам нужно поговорить в другом месте, — сказал Бриггс.

В другом месте. Там, где не было Слоан, Дина и меня.

— У вас не было сомнений, когда вы обращались к Дину за советом, хотя ему было двенадцать, — сказала я, не в силах остановиться. — Зачем сейчас прекращать это?

Глаза Бриггса метнулись к Дину, который встретился с ним взглядом не мигая. Очевидно, это была информация, которую Дин не должен был рассказывать нам, но было также ясно, что он не собирался первым отводить глаза.

— Цветник надо прополоть, — Джадд разрушил напряженность, войдя в комнату и встав между Бриггсом и Дином. — Если вы закончили с детьми, я могу дать им работенку. Может им полезно испачкать руки, поработать под солнцем.

Джадд направил эти слова агенту Бриггсу, но Локк была той, кто ответил.

— Хорошо, Джадд, — она сначала посмотрела на Дина, затем на меня. — Они могут остаться. Бриггс, ты говорил, в базе данных появилось больше, чем один случай с таким же М. Д.?

На мгновение, Бриггс выглядел так, как будто он мог поспорить с Локк, и не позволить нам остаться, но она просто стояла здесь, упрямо ожидая его.

Бриггс сдался первым.

— Наша база нашла три случая, в которых М. Д. было как у нашего убийцы за последние девять месяцев, — сказал он, проговаривая каждое слово. — Новый Орлеан, Лос-Анджелес и Американский водопад.

— Иллинойс? — спросила Локк.

Бриггс покачал головой.

— Айдахо.

Я обработала эту информацию. Если случаи, о которых говорил Бриггс, были связаны, то мы имели дело с убийцей, который пересекал границы штатов и убивал на протяжении большей части года.

— Мой кейс в машине, — сказала Локк, и неожиданно, я вспомнила — мы имели дело с чем угодно. Локк не позволила Бриггсу выгнать нас троих из комнаты, но в конце дня это не было тренировочным заданием, и это не было моим делом, или даже нашим.

Это было их дело.

— Мы уйдем ровно в четыре часа, — Бриггс поправил галстук. — Я оставил задания для Лии, Майкла и Слоан. Локк, у тебя есть что-то для Кэсси и Дина, кроме прополки цветов? — добавил он, взглянув на Джадда.

— Я не оставила им дело, — Локк повернулась ко мне, почти извиняясь. — У тебя есть невероятное количество необработанного таланта, Кэсс, но ты тратишь слишком много времени в реальном мире и недостаточно в нашем. Пока нет.

— Она может справиться со всем, что вы возложите на нее.

Я удивленно посмотрела на Дина. Он был последним человеком, от которого я ожидала подобный аргумент о моих возможностях.

— Спасибо за этот одобрительный отзыв, Дин, — сказала Локк. — Но я не собираюсь спешить с этим. Не с ней, — она остановилась. — Библиотека, — сказала она мне. — Третья полка слева. Там ряд синих корешков. Тюремные интервью. Прочитай их, и мы поговорим о том, что ты сможешь работать с тяжелыми преступлениями, когда я вернусь.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — голос Дина был безэмоциональным. Локк пожала плечами.

— Ты тот, кто сказал, что она готова.

В эту ночь, когда я прокралась к бассейну для полуночного купания, Дин не был тем, кто присоединился ко мне.

— Откровенно говоря, я думал что у тебя будет закрытый купальник, — сказал Майкл, когда я всплыла на поверхность после пары кругов. Он болтал ногами с края бассейна. — Нечто спортивное.

Я была в раздельном купальнике — чем-то между спортивным и бикини.

— Я должна быть оскорблена? — спросила я, плывя к противоположной стороне бассейна и подтянувшись на выступ.

— Нет, — ответил Майкл. — Но так и есть.

Конечно же, он был прав. В тусклом свете луны, я задалась вопросом, как он мог увидеть мое лицо, не говоря уже о том, чтобы читать эмоции, которые я пыталась спрятать.

— Тебе здесь нравится, — Майкл опустился в бассейн, и только сейчас, я поняла, что его грудь была голой. — Ты как агент Локк. Тебе нравятся все ее небольшие уроки. И тебе даже больше нравится идея помогать с реальными делами.

Я ничего не сказала. Очевидно, Майкл разговаривал сам с собой.

— Что? Ты даже не попытаешься профилировать меня? — Майкл брызнул водой мне на колени. — Где девушка из закуской? — спросил он меня. — Око за око.

— Ты не хочешь, чтобы тебя профилировали, — сказала я ему. — Ты не хочешь, чтобы люди узнавали тебя, — я сделала паузу. — Ты не хочешь, чтобы я узнала тебя.

Он молчал секунду, две, три и затем:

— Правда.

— Ага, — сказала я. — Я говорю правду.

— Нет, — ответил Майкл. — Правда. Разве это не то, что ты хотела, чтобы я сказал прошлым вечером, вместо вызова?

— Я не знаю, — сдержала я улыбку. — Я бы ни за что не променяла воспоминание о твоём балете.

Майкл оттолкнулся от выступа и начал балансировать на месте.

— Я также преуспел в синхронном плавании. — Я рассмеялась, и он подплыл обратно ко мне. — Я имею в виду это, Кэсси. Правду, — он остановился в двух шагах от меня. — Ты спроси. Я скажу тебе. Все, что угодно.

Я ожидала подвоха, но его не было.

— Ладно, — сказала я, подбирая вопрос осторожно. — Почему ты не хочешь, чтобы тебя профилировали? Что такого страшного люди могут узнать о тебе?

— Я подрался один раз, — сказал Майкл, звуча слишком непринужденно. — Прямо перед тем, как я приехал сюда. Другой парень попал в больницу. Я просто продолжал бить его, снова и снова, даже когда он упал. Я не так часто срываюсь, но когда это происходит, то все очень плохо. Я перенял это от своего старика. Мы, Таунсенды, ничего не делаем наполовину, — Майкл сделал паузу. Он ответил на мой второй вопрос, но не на первый. — Может, я не хочу, чтобы меня профилировали, потому что не хочу знать, что ты увидишь. Кто я на самом деле.

— С тобой все в порядке, — сказала я.

Он лениво улыбнулся мне.

— А вот с этим я могу поспорить. — Я планировала спросить о его отце, но сейчас не могла заставить себя сделать это. — Твоя семья богата?

— Как черт, — ответил Майкл. — Мое прошлое это вереница школ-интернатов, дорогих вещей, и вывод, что все можно купить за деньги.

— Твоя семья знает, что ты здесь?

Майкл оттолкнулся в сторону и снова начал балансировать в воде. Я не могла понять выражение его лица, но мне не нужно было видеть его, чтобы понять, что его фирменная ухмылка была больше намеком на ненависть к себе.

— Лучше спросить, заботит ли это их.

Три вопроса. Три честных ответа. Просто потому, что он предложил показать мне свои шрамы, не значило, что я должна оставить их открытыми.

— Ты и Лиа? — спросила я, меняя тему.

— Да, — ответил Майкл, застав меня врасплох, потому что я не считала это «да или нет» вопросом. — Снова вместе, снова расстаемся. Всегда ненадолго, и это не хорошо для нас обоих.

Если я не хотела знать ответ, я не должна была спрашивать. Я встала и прыгнула обратно в бассейн, облив Майкла водой. В тот момент, когда я вновь всплыла, он брызнул водой мне в лицо.

— Конечно, ты знаешь, — сказал он торжественно, — что это значит война.

Между нами было добрых три фута, но в следующую секунду мы уже боролись, и пытались облить друг друга, пока каждый из нас не осознал, что наши тела были слишком близко.

Во рту у меня была вода. Я встряхнулась. Майкл окунул меня, и я всплыла, хватая ртом воздух. Я увидела Дина, стоящего на террасе. Он все еще выглядел идеально.

Майкл окунул меня вновь, пока не понял, что я перестала бороться. Он развернулся и увидел Дина.

— Какие-то проблемы, Рэддинг? — спросил Майкл.

— Нет, — ответил Дин. — Нет проблем.

Я предупреждающе посмотрела на Майкла и надеялась, что он сможет прочесть меня даже в темноте. Майкл понял меня.

— Присоединишься к нам? — спросил он Дина, чрезмерно вежливо.

— Нет, — ответил Дин, также вежливо, — Спасибо. — Он остановился, и тишина окутала нас. — Вы двое, хорошо повеселитесь.

Когда Дин исчез в доме, я не могла не думать, что забрала что-то у него — место, куда он приходил думать, момент нашей совместной ночи, когда он показал мне черные огни.

— Правда или вызов? — голос Майкла прорвался сквозь мои мысли.

— Что?

— Твоя очередь, — сказал мне Майкл. — Правда или вызов?

— Правда.

Майкл протянул руку, чтобы убрать мокрые волосы с моего лица.

— Если бы Лиа вызвала тебя поцеловать меня, ты бы сделала это?

— Лиа не сделала этого.

— Но если бы да?

Я могла почувствовать тепло, растекающееся по моим щекам.

— Это была просто игра, Майкл.

Майкл наклонился вперед и прижался своими губами к моим. Затем он отстранился и начал изучать мое лицо. Чтобы он ни разглядел в нем, ему это понравилось.

— Спасибо, — сказал он. — Это все, что мне нужно было знать.

Я немного спала этой ночью. Я просто продолжала думать о Дине и Майкле, противостоянии, которое было между ними двумя, чувство от касаний их губ. К тому времени, когда солнце встало на следующее утро, я хотела убить кого-нибудь. Предпочтительно Майкла — но Лиа была ближе.

— У нас закончилось мороженное, — убийственно сказала я.

— Правда, — ответила Лиа. Она сменила шелковую пижаму на шортики и топ, и в ее лице не было ни намека на раскаяние.

— Это ты виновата, — сказала я.

— Тоже правда, — Лиа изучала мое лицо. — И если я не ошибаюсь, ты обвиняешь меня не только в отсутствии мороженого. И мне ужасно любопытно, в чем дело, Кэсси. Хочешь поделиться?

Было невозможно хранить секрет в этом доме, не говоря уже о двух секретах. Первый Дин, затем Майкл. Я не подписывалась на это. Если бы Лиа не вызвала меня поцеловать Дина, Майкл никогда бы не поцеловал меня в бассейне, и я бы не попала в такую ситуацию, неуверенная в своих чувствах, в их чувствах, и что я должна делать с этим.

— Нет, — сказала я вслух. Я была здесь по одной единственной причине. — Забыла завтрак, — сказала я, хлопнув дверью морозильника. — У меня есть работа.

Я развернулась, чтобы уйти, но прежде увидела, как Лиа накручивает свой хвостик вокруг указательного пальца, а ее темные глаза изучали меня слишком пристально.

Я пробралась в библиотеку, чтобы утопить свои печали в интервью серийных убийц. От стены к стене, от потолка до пола, книжные стеллажи были отсортированы по порядку: мемуары, биографии, научные журналы, и самый странный ассортимент художественной литературы который я когда либо видела: старомодные книги тайн, серии любовных романов, комиксы, Диккенс, Толкиен и По.

Третья полка слева была полна голубых корешков. Я вытащила первый и открыла.

Томас Фридман

22–28 октября, 1993

Тюрьма Штата Флорида, Старк.

Томас Фридман. Такое обычное имя. Осторожно, я пролистала записи: раскрытое дело, мало участников, нет сюжета, и нет резолюции. Специальный агент Кормак Кент был интервьюером. Он расспрашивал Фридмана о его детстве, родителях, фантазиях, девяти женщинах, которых он задушил колготками, скрученными в жгут. Читая слова Фридмана — черными по белым страницам — было достаточно плохо, но худшая часть была через несколько страниц, я могла слышать, как он говорил о женщинах, которых убивал: о волнении, ностальгии, тоске, но никакого раскаяния.

— Ты должна сесть.

Я ожидала, что кто-нибудь присоединится ко мне в библиотеке. Но не ожидала, что этот кто-то будет Лией.

— Дин не придет, — сказала Лиа. — Он прочитал эти интервью много времени назад.

— А ты читала их? — спросила я.

— Некоторые, — ответила Лиа. — В основном, я слушала их. Бриггс давал мне записи. Я играла в угадай ложь. Это настоящее веселье.

Я вдруг поняла, что большинство моих сверстников — людей любого возраста — не имели возможности прочитать эти интервью. Они не захотели бы, и они, конечно же, не потеряли бы себя в них так, как я. Я уже это сделала. Интервью Фридмана было ужасным и пугающим, но я не могла отключить ту часть моего мозга, которая хотела понять.

— Что между тобой и Дином? — спросила я Лию, заставляя себя думать о чем угодно, кроме того, чтобы читать дальше. Майкл мог сказать мне, что он и Лиа расставались — и не раз — но Дин был тем, кто мог поставить ее на место, просто произнеся ее имя.

— Я была влюблена в него с двенадцати лет, — Лиа пожала плечами, как будто она только что не раскрыла мне душу. И затем я поняла, что так и есть.

— О, Боже, — сказала она, хватая ртом воздух между приступами хихиканья. — Ты должна была видеть свое лицо. Правда, Кэсси, я не фанатка инцеста, а Дин мне почти как брат. Если бы я попыталась поцеловать его, он мог бы толкнуть меня.

Это было приятно. Но факт того, что это было приятно, просто вернул меня к тому утру: почему я должна заботиться о том, было ли что-то между Лией и Дином, когда Майкл был тем, кто поцеловал меня по своей воле?

— Слушай, как бы ни было чарующе смотреть на твою тоску, — сказала Лиа, — прими дружеский совет: в этом доме нет человека, который действительно принципиален, и не

залез в темнеющие души убийц. Включая тебя. Включая Дина. Включая Майкла.

Это звучало больше как оскорбление, чем совет.

— Дин хотел бы, чтобы я сказала тебе держаться подальше от него, — сказала Лиа.

— И от Майкла? — спросила я.

Лиа пожала плечами.

— Я хочу сказать тебе, держаться подальше от Майкла, — она остановилась. — Я хочу, но не сделаю этого.

Я ждала, пока она закончит. Но она больше ничего не сказала.

— Это не похоже на совет, это какой-то отстой.

Лиа приняла серьезный вид.

— Я стараюсь, — ее глаза метнулись к папке в моей руке. — Сделаешь одолжение?

— Какое именно?

Лиа указала на папку.

— Если ты собираешься прочитать их, — сказала она, — не говори о них Дину.

В течение следующих четырех дней, Локк и Бриггс работали с их делом, и кроме как избегать Майкла и Дина и полоть грядки для Джадда, можно было лишь читать. И читать. И снова читать. Тысячи страниц интервью позади, мне надоело сидеть взаперти в библиотеке, и я решила немного прогуляться. Я прошлась по городу и в конечном итоге оказалась у реки Потомак, наслаждаясь видом и читая интервью двадцать семь, папку двенадцать. 90-е сменил 21 век, и агента Кента заменили другие агенты — среди них Бриггс.

— Наслаждаешься легким чтивом?

Я посмотрела вверх и увидела мужчину примерно того же возраста, что и мой отец. Он стоял спиной к солнцу, и дружески улыбался.

Я сдвинула руку так, чтобы она прикрывала папку, если он вдруг решит посмотреть.

— Что-то вроде этого.

— Ты выглядишь довольно увлеченной.

«Тогда зачем вы прервали меня?» Хотела спросить я. Либо он специально искал меня, или он был из тех людей, которые не видели проблемы в том, чтобы помешать кому-либо читать и сказать, что он выглядит увлеченным.

— Ты живешь у Джадда, да? — сказал он. — Он и я соседи.

Я немного расслабилась, но все еще не собиралась разговаривать о том, что я читала — или о чем еще либо.

— Приятно познакомиться с вами, — сказала я своим лучшим голосом официантки, надеясь что он почувствует фальшивую нотку под бодростью в моем голосе и оставит меня наедине.

— Наслаждаешься погодой? — спросил он меня.

— Что-то вроде этого.

— Я не могу за тобой углядеть, — появился Майкл с другой стороны и опустился на землю рядом со мной. — Она слишком общительная, — сказал он мужчине, стоящему перед нами. — Всегда болтает с незнакомцами. Честно говоря, я думаю, она слишком открытая. Это прискорбно.

Я положила ладонь на плечо Майкла и толкнула, но не могла показать этим благодарность за то, что я больше не страдаю в режиме провинции в одиночестве.

— Что ж, — сказал мужчина. — Не хотел мешать. Просто хотел поздороваться.

Майкл сурово кивнул.

— Как ваши дела?

Я ждала, пока наш собеседник не оказался в пределах слышимости, прежде чем повернуться к нему.

— Как ваши дела? — недоверчиво переспросила я.

Майкл пожал плечами.

— Иногда, — сказал он, — когда я нахожусь в социальном маринаде, я спрашиваю себя, ЧСДО? — я подняла бровь, и он объяснил. — Чтобы сделала Джейн Остин? — если Майкл читал Джейн Остин, то я была наследницей британского престола.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я его.

— Спасая тебя, — ответил он беспечно. — А ты что здесь делаешь?

Я указала на папку.

— Читаю.

— И избегаешь меня? — спросил он. Я заерзала и надеялась, что блики от солнца закрыли ему вид на мое лицо.

— Я никого не избегаю. Я просто хочу побыть одна, — Майкл поднял руку к лицу, чтобы оградиться от солнца.

— Ты хочешь побыть одна, — повторил он. — Чтобы читать.

— Вот почему я здесь, — сказала я защищаясь. — Вот почему все мы здесь. Учиться.

«Не обольщайся на счет того, что поцеловала больше парней за последние недели, чем за всю жизнь», молча добавила я. К моему удивлению, Майкл не прокомментировал эмоции, которые должны были отразиться на моем лице. Он просто полулежал рядом со мной и сам кое-что читал.

— Джейн Остин, — сказала я, не веря.

Майкл указал на мою папку.

— Продолжай.

В течение пятнадцати или двадцати минут, мы оба читали в тишине. Я закончила с интервью двадцать семь и начала двадцать восьмое.

Дэниел Рэддинг

15–18 января, 2007

Штат Вирджиния, исправительная тюрьма Ричмонда.

Я почти упустила это, если бы его имя не было напечатано там снова и снова, где документировали каждое слово убийцы.

Рэддинг.

Рэддинг.

Рэддинг.

Допрос проводил агент Бриггс. Имя человека было Рэддинг, и он был заключен в тюрьме штата Вирджиния. Я задержала дыхание. Во рту пересохло. Я пролистала страницы, все быстрее и быстрее, дойдя до того, как Дэниел Рэддинг расспрашивал Бриггса о сыне.

О Дине.

Отец Дина был серийным убийцей. Пока я путешествовала по стране с мамой, Дин жил в двадцати ярдах от хижины, в которой его отец пытал и убивал как минимум десяток женщин.

А Дин и словом не обмолвился мне: не тогда, когда мы работали над заданиями Локк и обменивались идеями; не тогда, когда он застал меня плавающей в бассейне впервые; ни даже после того, как мы поцеловались. Он сказал мне, что трата времени в мыслях убийц разрушит меня, но не сказал ни слова о его прошлом.

Вдруг все встало на свои места. Тон голоса Лии, когда она сказала о фотографиях на стене, для пользы Дина. Тот факт, что агент Бриггс обращался к Дину за помощью с делами, когда ему было двенадцать. Майкл спровоцировал Дина сказать мне, что он знал больше о том, как думают убийцы, чем кто-либо. Лиа попросила меня об одолжении, ничего не говорить об этом интервью Дину.

Дурная Кровь.

Я встала и положила папку обратно в сумку. Майкл произнес мое имя, но я проигнорировала его. Я была на полпути к дому, прежде чем поняла, что бегу.

Что я делаю?

У меня не было ответа на этот вопрос. И еще я не могла повернуть назад. Я продолжала двигаться, пока не достигла дома. Я взбежала по лестнице, направляясь в мою комнату, но Дин ждал меня наверху лестницы, как будто знал, что сегодня настал тот самый день.

— Ты читала интервью, — сказал он.

— Ага, — сказала я мягко. — Читала.

— Ты начала с Фридмана? — спросил Дин.

Я кивнула, ожидая, когда он произнесет вслух то, что висело между нами в воздухе.

— Это парень с колготками, не так ли? Ты дошла до той части, где он рассказывает о том, как подсматривал за старшей сестрой, когда она переодевалась? Или как он убил соседского пса?

Я никогда не слышала, чтобы Дин разговаривал таким голосом — задиристым и жестоким.

— Я не хочу говорить о Фридмане, — сказала я.

— Верно, — ответил Дин. — Ты хочешь поговорить о моем отце. Ты прочла все интервью? На третий день, Бриггс подкупил его, чтобы он рассказал о детстве. Ты знаешь, чем он его подкупил? Моими фото. И когда это не сработало, то их фотографиями. Женщин, которых он убил.

— Дин...

— Что же? Разве это не то, чего ты хотела? Поговорить об этом?

— Нет, — сказала я. — Я хочу поговорить о тебе.

— Обо мне? — Дин не мог звучать еще более скептически, даже если бы захотел. — Что еще тут можно сказать?

Что тут можно было сказать?

— Мне плевать, — мое дыхание все еще было частым из-за бега. Я не так сказала это. — Твой отец — это не меняет того, кто ты есть.

— Что я есть, — исправил он. — И да, это меняет. Почему ты не спросила Слоан, что

говорит статистика о психопатах и наследственности? А затем почему бы тебе не спросить ее, что они говорят о взрослении в окружении, где это единственная вещь, которую ты знаешь.

— Мне плевать на статистику, — сказала я. — Мы партнеры. Мы работаем вместе. Ты знал, что я выясню это. Ты мог бы сказать мне.

— Мы не партнеры.

Эти слова ранили меня, но он именно это имел в виду.

— Мы никогда не были партнерами, — сказал Дин, его голос был резким и безжалостным. — И хочешь знать почему? Потому что так же хорошо, как ты проникаешь в голову обычных людей, мне не приходится стараться понимать убийц. Разве это не беспокоит тебя? Разве ты не замечала, как мне легко стать монстром, когда мы «работали» вместе?

Я заметила — но отнесла это к тому факту, что у Дина больше опыта в профилировании убийц. Я не представляла, что опыт был из первых рук.

— Ты знал о твоём отце? — я пожалела о вопросе сразу же, как задала его, но Дин и глазом не моргнул.

— Нет, — сказал он. — Не с начала, но должен был.

Не с начала?

— Я говорил тебе, Кэсси. К тому времени, как Бриггс начал приходить с вопросами о делах, тут было больше нечего разрушать.

— Это не правда, Дин.

— Мой отец был в тюрьме. Я был в приемных семьях, и даже тогда я знал, что был не как все дети. То, как работал мой разум, вещи, которые имели смысл для меня... — он вновь повернулся ко мне. — Я думаю, ты должна идти.

— Идти? Идти куда?

— Мне. Плевать, — выдохнул с дрожью. — Просто оставь мне в покое.

— Я не оставлю тебя, — и было что-то, о чем я не позволяла себе думать с Правды или Вызова.

— Как ты думаешь, я должен был сказать тебе? — спросил Дин, до сих пор стоя спиной ко мне. — Хей, знаешь что? Твою маму убили, а мой отец убийца?

— Это не о моей маме.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал, Кэсси? — Дин наконец повернулся ко мне лицом. — Просто скажи, и я сделаю это.

— Я просто хочу, чтобы ты поговорил со мной.

Дин сжал пальцы в кулаки по бокам. Я едва могла видеть его глаза за волосами на его лице.

— Я не хочу говорить с тобой, — сказал он. — Тебе лучше с Майклом.

— Дин...

Рука схватила мое плечо и развернула меня. Грубо.

— Он сказал, что не хочет говорить с тобой, Кэсси, — лицо Лии было как маска. Ее тон не терпел возражений. — Не поворачивайся, чтобы вновь посмотреть на него. Не говори ему ни слова. Просто иди. И еще, — она наклонилась к моему уху и прошептала: — Напомни мне никогда больше не просить тебя об одолжении.

Глава 21

Я медленно спускалась по лестнице, пытаюсь разобраться в том, что только что произошло. О чем я думала, споря с Дином? У него было право иметь секреты. У него было право злиться на Локк за то, что она сказала мне прочитать те интервью, зная, что одно из них принадлежало его отцу. Я не должна была идти к нему. Я должна оставить его в покое.

— Лиа или Дин?

Я посмотрела вверх и увидела Майкла, стоящего у входной двери.

— Что?

— Твое лицо, — ответил он. — Лиа или Дин?

Я пожала плечами.

— Оба?

Майкл кивнул, как будто мой ответ был предсказуем.

— Ты в порядке?

— Ты читаешь эмоции, — ответила я. — Ты скажи мне.

Он воспринял это как приглашение подойти поближе. Он остановился на двух или одной ступени ниже и изучал мое лицо.

— Ты смущена. Злишься на себя. Одинокая. Злая. Глупая.

— Глупая? — прошипела я.

— Хей, я просто говорю, как вижу, — Майкл, по-видимому, был в приподнятом настроении. — Ты чувствуешь себя глупой. Это не значит, что ты такая.

— Почему ты не сказал мне? — я села на ступенях, а через несколько секунд, Майкл сел рядом со мной, вытянув ноги. — Зачем намеками говорить о «Дурной Крови», вместо того, чтобы просто сказать мне правду?

— Я подумывал об этом, — Майкл откинулся назад на локтях, его расслабленная поза противоречила напряженности в его голосе. — Каждый раз, когда я видел вас двоих разгадывающих задачки Локк, я думал рассказать тебе. Но чтобы ты сказала, если бы я сделал это?

Я пыталась представить, как Майкл рассказывает об отце Дина, ведь он едва мог следить за языком, когда говорил о Дине.

— Именно, — Майкл протянул руку, чтобы коснуться уголка моего рта, как будто именно он выражал то, что было у меня на уме. — Ты бы не поблагодарила меня. Ты бы ненавидела меня.

Я оттолкнула руку Майкла от моего лица.

— Я бы не ненавидела тебя.

Майкл указал пальцем на мой лоб, но в этот раз не коснулся лица.

— Твои губы говорят одно, а брови другое, — он остановился, а его собственный рот скривился в усмешке. — Ты можешь не осознавать этого, Колорадо, но ты немного святоша.

На этот раз я не позволила своему лицу говорить за меня. Я ударила его в плечо, сильно.

— Ладно, — Майкл поднял ладони в знак поражения. — Ты не святоша. Ты достопочтенная, — он остановился и уставился прямо перед собой. — Может, я не хочу показывать, что я не такой.

На долю секунды, Майкл позволил этим словам — этому разговору — повиснуть в воздухе.

— Кроме того, — продолжил он, — если бы я тебе сказал, что между мной и Рэддингом, то я бы потерял репутацию плохого парня.

От ненависти к себе, до сарказма за две секунды.

— Поверь мне, — сказала я мягко, — у тебя не такая репутация.

— Оу, действительно? — сказал Майкл. Когда я кивнула, он встал и взял мою руку. — Давай исправим это, ладно?

Мудрый человек сказал бы нет. Я глубоко вздохнула.

— Что у тебя на уме?

Взрывать вещи было на удивление круто.

— Чисто! — крикнул Майкл. Мы оба отбежали назад.

Через секунду, столп искр исчез, обжигая пол поддельного фойе.

— Почему-то я не думаю, что это именно то, что задумывал агент Бриггс, когда построил этот подвал, — сказала я.

Майкл принял строгий вид.

— Моделирование является одним из наших самых мощных инструментов, — сказал он, сносно подражая агенту Бриггсу. — Как еще мы сможем визуализировать работу печально известного Бум Бум Бандита?

— Бум Бум Бандита? — повторила я.

Он ухмыльнулся.

— Это слишком?

Я задержала указательный палец в дюйме от большого.

— Совсем немного.

Позади нас, дверь в подвал открылась и захлопнулась. Я ожидала, что это Джадд, который хотел спросить, о чем мы думали, когда спускались сюда, но Майкл уверил меня, что в подвале звукоизоляция.

— Я не знала, что здесь кто-то есть, — Слоан посмотрела на нас обоих с подозрением. — А почему вы здесь?

Майкл и я посмотрели друг на друга. Я открыла рот, чтобы ответить, но глаза Слоан расширились, когда она увидела подвал.

— Фейерверки? — сказала она, скрестив руки на груди. — В фойе?

Майкл пожал плечами.

— Кэсси нужно отвлечься, а мне нужно, чтобы у Бриггса появилось еще несколько седых волос.

Слоан зловеще посмотрела на него. Учитывая количество времени, что она провела здесь, я могла увидеть, почему она серьезно относилась к использованию симуляторов.

— Мне жаль, — сказала я.

— Ты должна жалеть, — ответила она сурово. — Вы все делаете неправильно.

За этим последовала десятиминутная лекция по пиродинамике^[5]. И еще несколько взрывов.

— Что ж, — сказал Майкл, осматривая нашу работу. — Это научит Бриггса и Локк не оставлять нас самих по себе надолго.

Я стряхнула волосы с лица ребром ладони.

— Они работают с расследованием, — сказала я, вспоминая выражение лица Локк, и детали, которые мне удалось почерпнуть из того, что она и Бриггс говорили. — Я думаю, что

это более приоритетно, чем наше обучение.

— Слоан, — неожиданно сказал Майкл, растягивая ее имя и прищурившись.

— Ничего, — ответила Слоан быстро.

— Ничего? — спросила я. Очевидно, я что-то здесь упустила.

— Когда я произнес имя Локк, Слоан опустила глаза и посмотрела в сторону, нахмурившись, — Майкл остановился, и когда он вновь заговорил, его голос смягчился. — О чем ты думаешь, Слоан?

Слоан начала тщательно изучать ее ногти.

— Агент Локк не нравится мне.

Я вспомнила последний раз, когда видела Слоан и Локк вместе. Слоан вошла в кухню и наговорила немного статистики о серийных убийцах. У Локк не было возможности ответить, когда Бриггс вошел в комнату с новостями об их деле. На самом деле, я не уверена, что когда-либо видела, как Локк говорит что-нибудь Слоан, хотя она с легкостью обменивается колкостями с Майклом и Лией.

— Была флешка, — наконец призналась Слоан, — в кейсе агента Локк.

Глаза Майкла загорелись.

— Могу ли я сделать вывод, что она сейчас у тебя?

Слоан пожала плечами.

— Это отличная возможность.

— Ты стащила флешку из кейса Локк? — я обработала эту информацию. Когда Лиа рылась в моем шкафу, она сказала, что это Слоан клептоманка. Я думала, что она шутит.

Очевидно, нет.

— Давайте сосредоточимся на главном, — сказал Майкл. — Какую информацию, вы, милые дамы, думаете, Локк будет носить с собой во время работы с делом?

Я взглянула на Слоан, затем снова на Майкла.

— Вы думаете, это имеет какое-то отношение к их текущему расследованию? — я не могла скрыть всплеск заинтересованности в голосе.

— Это отличная возможность, — голос Слоан был более спокойным.

Майкл обхватил ее плечо рукой.

— Я когда-нибудь говорил тебе, что ты моя любимица? — спросил он ее. Затем серьезно посмотрел на меня. — Все еще хочешь отвлечься?

— Этот пароль вызывает жалость, — сказала Слоан. — Как будто они хотят, чтобы их файлы взломали.

Она сидела на краю своей кровати, скрестив ноги, положив ноутбук на колени. Ее пальцы порхали по клавишам, пока она работала над взломом защиты украденной флешки. Прядь волос выбилась, и теперь свисала на ее лице, но она, казалось, не замечала этого.

— Готово!

Слоан развернула ноутбук, чтобы мы смогли увидеть экран.

— Семь файлов, — сказала она. Улыбка расплылась на ее лице. — Семь жертв.

Я вспомнила лекцию Локк по виктимологии. Не поэтому ли моя наставница носила с собой цифровые копии этих дел? Пыталась ли она проникнуть в головы жертв?

— А что если это важно? — спросила я, не в силах избавиться от чувства вины. — Что если Локк и Бриггс нуждаются в этой информации для расследования? — Я приехала сюда, чтобы помогать, а не мешать ФБР.

— Кэсси, — сказал Майкл, садясь у изножья кровати и вытянув ноги перед собой. — Разве Бриггс из тех, кто хранит копии, на всякий случай?

Агент Бриггс был из тех, кто хранил копии своих копий. Он и Локк уехали три дня назад, если бы им нужна была флешка, они бы вернулись за ней.

— Мне распечатать эти файлы? — спросила Слоан.

Майкл посмотрел на меня и приподнял бровь.

— Ты решай, Колорадо.

Я должна сказать нет. Я должна сказать Слоан, что дело, над которым работают Локк и Бриггс не наше дело, но я приехала сюда помогать, и Локк сказала, что она и Бриггс зашли в тупик.

— Распечатай.

Через секунду, принтер на столе Слоан начал выплевывать страницы. Около пятидесяти листов спустя он остановился. Майкл наклонился и схватил страницы. Он разделил их по жертвам и оставил себе три дела, прежде чем отдать остальные мне и Слоан. Все семеро были убиты. Четыре в округе Колумбия, в течение последних двух недель и другие три случая, все за последний год, но из других штатов.

— Первая жертва исчезла с улицы, где она работала, десять дней назад и на следующее утро ее обнаружили со снятым скальпом, — Майкл оторвался от файлов.

— Эту нашли тремя днями ранее, — сказала я. — Увечья на лице, многочисленные поверхностные порезы на остальных частях тела — она умерла от потери крови.

— На это потребуется время, — сказала Слоан, ее лицо побледнело. — Часы, не минуты, а в соответствии со вскрытиями, повреждения тканей сильные.

— Он играет с ними, — Майкл закончил со вторым делом и взялся за третий. — Он похищает их. Он режет их. Он наблюдает за их страданиями. А затем срезает их лица.

— Не говори он, — поправила я рассеяно. — Скажи Я или Ты.

Майкл и Слоан уставились на меня, и я поняла явное: их уроки сильно отличались от моих.

— Я имею в виду, говори Н. О, — сказала я им. — Неизвестный Объект.

— Я могу придумать этому убудку имена получше, — пробормотал Майкл,

просматривая последнее дело в его руках.

— У кого дело с последней жертвой?

— У меня, — голос Слоан был тихим, и неожиданно, она выглядела очень юной. — Она была гадалкой в Дюпонд Серкл, — на секунду я подумала, что Слоан отложит дело, но затем ее лицо вновь стало спокойным. — У человека в десять раз больше шансов стать профессиональным спортсменом, чем зарабатывать на жизнь, читая по ладони, — сказала она, прибегая к своей статистике.

«У большинства убийц есть тип», подумала я, вспоминая свой урок.

— А другие жертвы имеют связь с психиатрией, астрологией, оккультизмом?

Майкл вновь посмотрел на два дела в его руках.

— Дама на вечер, — сказал он, — еще одна дама на вечер, и телепродавец, которая работала на линии психической помощи.

Я посмотрела вниз, на два дела в моих руках.

— У меня девятнадцатилетняя беглянка и медиум, работавшая в Лос-Анджелесе.

— Два разных типа жертв, — подытожил Майкл. — Проститутки, бродяги, и беглянки в первой группе, а гадалки и медиумы во второй.

Я вытащила фотографии жертв и жестом показала сделать им тоже самое.

«Ты выбираешь их по причине, — подумала я, смотря на женщин, одну за другой. — Ты срезаешь их лица, надавливаешь на нож, вгоняя глубже в кожу и мышцы, достигая костей. Это что-то личное».

— Они все молоды, — сказала я, изучая их и ища сходства. — Между восемнадцатью и тридцатью пятью.

— У этих трех рыжие волосы, — отделил Майкл трех жертв без связи с психологией.

— У гадалки тоже рыжие волосы, — вставила Слоан. Я посмотрела на фото гадалки.

— Она была блондинкой.

— Нет, — сказала Слоан. — Она была натуральной блондинкой. Но когда ее нашли, она выглядела так.

Слоан показала нам второе, ужасное фото. В подтверждение слов Слоан, волосы трупа были глубокого, неповторимого, красного оттенка.

«Покрасили совсем недавно, — подумала я. — Так она покрасила волосы... или ты?»

— Два типа жертв, — снова сказал Майкл, отделяя рыжих в одну сторону, а остальных в другую, и оставив гадалку из Дюпонд Серкл посередине. — Думаете, мы ищем двух разных убийц?

— Нет, — сказала я. — Мы ищем лишь одного.

Мои компаньоны могли возразить. Слоан могла прибегнуть к статистическим данным. Если бы здесь были показания свидетелей, Майкл смог бы сказать нам, кто демонстрировал признаки вины. Но здесь, и сейчас, смотря на фотографии — это была моя стихия. Я должна была объяснить, откуда я знаю это, как выяснила это — но я была уверена. Фото этих женщин были тем же самым. Не только детали, но и гнев, побуждения.

Все эти женщины были убиты одним человеком.

«Ты торопишься, — подумала я. — Что-то произошло, и тебе нужно больше, быстрее».

Я уставилась на фотографии, мой мозг усиленно работал, выискивая каждую деталь на фото, в файлах, пока не выделились лишь три вещи.

Нож.

Рыжие волосы.

Психология.

Это был момент, когда у меня земля ушла из-под ног. Я потеряла способность моргать. Мои глаза стали сухими. Мое горло еще больше пересохло. Мое зрение стало размытым, и все фотографии были размыты, кроме одной.

Девятнадцатилетняя беглянка.

Волосы, структура лица, веснушки. Даже сквозь затуманенное зрение, она выглядела как...

Нож.

Рыжие волосы.

Психология.

— Кэсси, — Майкл взял меня за руку. — Дыши.

— Н. О. убивает рыжих, — сказала я, — и он убивает психологов.

— Это не один критерий, — раздраженно сказала Слоан, — а уже два.

— Нет, — сказала я. — Это не так. Я думаю...

Нож. Рыжие волосы. Психология.

Я не могла произнести слова.

— Моя мама... — я вздохнула и резко выдохнула. — Я не знаю, как выглядел труп моей мамы, — сказала я, наконец, — но я знаю, что на нее напали с ножом.

Майкл и Слоан уставились на меня. Я встала и подошла к шкафу. Я открыла верхний ящик и нашла то, что искала.

Фото.

«Не смотри на это», — подумала я.

Смотря на все, что угодно, кроме фото в моей руке, я шагнула и положила пальцы на фото гадалки.

— Я не думаю, что она покрасила волосы в красный, — сказала я. — Думаю, это сделал убийца.

Ты убиваешь психологов. Ты убиваешь рыжих. Но одной или другой уже не достаточно. Этого никогда не достаточно.

Посмотрев на Майкла и Слоан, я положила фото моей мамы между двумя колонками.

Слоан рассмотрела его.

— Она похожа на других жертв, — сказала она, кивая на колонку с рыжими.

— Нет, — сказала я. — Они похожи на нее.

Все эти женщины были убиты в последние девять месяцев. Моя мама пропала пять лет назад.

— Кэсси, кто это? — Майкл знал ответ на этот вопрос, но все равно задал его.

— Это моя мама, — я все еще не позволяла себе смотреть на фото. — На нее напали с ножом. Ее тело не нашли, — я остановилась на секунду. — Моя мама жила тем, что убеждала людей в том, что она экстрасенс.

Майкл посмотрел на меня — и внутрь меня.

— Ты говоришь именно то, о чем я думаю?

Я сказала, что Бриггс и Локк искали преступника, который убил рыжих женщин, и тех, у кого были способности в психологии. Это могло быть совпадением. Я должна была думать, что это совпадение.

Но я не сделала этого.

— Я сказала, что этот убийца имеет определенный тип: женщины, которые похожи на

мою маму.

Ты

Прошлой ночью тебе пришлось проснуться в холодном поту, и единственным голосом в твоей голове был твой отец. Сон казался явью. Он всегда таким кажется. Ты можешь чувствовать липкие простыни, запах мочи, услышать свист воздуха, рассекаемого его рукой. Ты просыпаешься, дрожа, и затем понимаешь...

Постель влажная.

«Нет, — думаешь ты. — Нет. Нет. Нет».

Но здесь нет никого, кто накажет тебя. Твой отец мертв, а ты нет.

Теперь именно ты можешь наказывать.

Но этого никогда не бывает достаточно. Собака соседей. Шлюхи. Даже гадалки было недостаточно.

Ты открываешь шкаф в ванной. Один за другим. Ты проводишь рукой по каждому тюбику помады, вспоминая каждую девушку.

Это успокаивающе. Захватывающе.

Ты останавливаешься, когда добираешься до самого старого тюбика. Первого. Ты знаешь, чего хочешь. В чем нуждаешься. Так было всегда.

И все, что осталось сделать — принять это.

Когда я выяснила об отце Дина, то побежала, но сейчас, когда мама смотрела на меня с фотографии среди других жертв убийцы, все, что я могла делать, это сидеть здесь.

— Может, это была плохой идеей, — от Майкла эти слова звучали совершенно нетипично.

— Нет, — сказала я. — Вы хотели, чтобы я отвлеклась. Вот я и сделала это.

— Вероятность того, что этот Н. О. именно тот, кто напал на твою маму, ничтожна, — Слоан говорила неуверенно, как будто думала, что еще одно слово — или статистика — может успокоить меня. — Этот убийца похищает своих жертв и убивает их в другом месте, не оставляя практически никаких вещественных доказательств на месте похищения. Есть некоторые признаки того, что, по крайней мере, две жертвы были под воздействием наркотиков. Женщины имели относительно мало ран от сопротивления, это указывает на то, что они сдались до того, как в игру вступил нож.

Слоан говорила о М. Д. этого убийцы. С ее даром, это было большее, на что она была способна. Она не могла смотреть вглубь этого, не могла представить, как убийца мог усовершенствовать свою технику за прошедшие пять лет.

— Когда агент Бриггс вернется? — спросила я.

— Он никогда не позволит тебе работать над этим, — сказал мне Майкл.

— Это твой способ сказать мне, что ты не хочешь, чтобы он узнал, как мы взломали украденную флешку? — парировала я.

Майкл фыркнул.

— Лично я был бы не против того, чтобы в газете написали статью или нанять вертолет, чтобы написать в небе, что трое подростков перехитрили его и агента Локк.

Я могла придумать множество слов, чтобы описать мою нынешнюю жизнь. «Скучная» не было одним из них.

— Бриггс предсказуем, Кэсси. Его работа доказывает, что мы можем расследовать тяжелые преступления, при этом, не участвуя в раскрытии активных дел. Ему повезло, что начальство не уволило его, когда выяснило, что он делал с Дином. Даже если это дело имеет какое-то отношение к твоей маме, он никогда не позволит тебе работать над ним.

Я развернулась к Слоан, чтобы выслушать ее мнение.

— Два часа и пятьдесят шесть минут, — сказала она. — Бриггс должен вернуться в город сегодня, но ему понадобится кое-что уладить в офисе, принять душ и сменить одежду, прежде чем приехать сюда.

Это значит, что у меня есть два часа и пятьдесят шесть минут, чтобы решить, как уговорить разрешить мне работать над этим делом с Бриггсом, а еще лучше с Локк.

Плюс того, что ты в сговоре с чтецом эмоций: Майкл понял, что я хочу побыть наедине, и он учел это. Еще лучше, это то, что он забрал Слоан — и файлы — с собой.

Если бы он не сделал этого, то я вероятно до сих пор сидела бы здесь, смотря на фото с места преступления, и думала: умерла ли моя мама тоже без лица? Вместо этого, я легла на кровать, смотря на дверь и пытаюсь думать о чем-то — о чем угодно — что могла сказать ФБР, чтобы они позволили мне расследовать это дело.

Спустя два часа и сорок две минуты, кто-то постучался в дверь. Я подумала, что это

может быть агент Бриггс, вернувшийся на четырнадцать минут раньше, чем предсказывала Слоан.

Но нет.

— Дин?

Он ни разу не искал меня до того, как сказал мне, что мы ни партнеры, ни друзья, ничего. Я не могла представить, почему он решил найти меня сейчас.

— Могу я войти?

Было что-то в том, как он стоял здесь, что подсказало мне: он ожидал, что я скажу нет. Может, я должна была сделать это. Вместо этого, я кивнула, не доверившись своему голосу.

Он вошел и закрыл за собой дверь.

— Лиа подслушивает, — объяснил он, указывая на закрытую дверь.

Я пожала плечами и ждала, что он скажет то, что не должно дойти до посторонних ушей.

— Мне жаль, — он произнес два слова, остановился, а затем сказал еще четыре. — О том, что произошло.

— Тебе не о чем сожалеть, — у него не было оснований доверять мне. Вне уроков Локк, мы не проводили время вместе. Не он решил поцеловать меня.

— Лиа рассказала мне о файлах, которые ты, Майкл и Слоан нашли.

Внезапная смена темы удивила меня.

— Как Лиа узнала об этом?

Дин пожал плечами.

— Она подслушала.

И раз уж я не была любимчиком Лии на данный момент, у нее не было причин хранить рот закрытым, и не рассказывать о том, что она подслушала.

— Ну и что? — спросила я Дина. — Что теперь? Я выяснила о твоём отце, а Лиа сказала тебе, что я думаю Н. О., которого ищут Бриггс и Локк может быть тем, кто убил мою маму, и теперь все в порядке?

Дин сел на кровать Слоан и посмотрел мне в лицо.

— Ничего не в порядке.

Почему с Майклом и Слоан я могла контролировать себя, но сейчас, когда Дин был здесь, я начала срываться?

— Слоан думает это маловероятно, что этот убийца тот же человек, который убил мою маму, — сказала я, глядя на мои колени и сдерживая слезы. — Прошло пять лет. М. Д. другой. Я даже не знаю, похож ли почерк, потому что они не нашли труп моей мамы.

Дин наклонился вперед, и его голова оказалась наравне с моей.

— Некоторые убийцы в течение многих лет могут быть не пойманы, и их М. Д. меняется со временем. Они учатся. Они эволюционируют. Им нужно больше.

Дин говорил мне, что я могу быть права: временные рамки не означают, что это тот же Н. О., но я поняла по его тону, что он говорил не только об этом преступнике.

— Сколько времени прошло, прежде чем они поймали его? — спросила я мягко. Я не уточнила, кого именно «его». Мне не надо было этого делать.

Дин встретился со мной взглядом и задержал его.

— Года.

Я подумала, что это единственное слово было большим, что он говорил кому-либо о его отце.

Возможно, так и было.

— Моя мама. Я была той, кто нашел ее... — я не могла сказать «ее труп», потому что его не было. Я тяжело сглотнула, но продолжила, потому что так или иначе, это было важно, выразить словами, рассказать ему.

— Я пошла в толпу, подслушивать, посмотреть, есть ли что-нибудь, что может помочь моей маме с шоу. Я ушла на десять минут, может пятнадцать, а когда вернулась, ее уже не было. Комната была пуста. Полицейские сказали, что она сопротивлялась. Я это знаю — но там было так много крови. Я не знаю, сколько раз он порезал ее, но когда я вернулась в комнату, то почувяла это. Дверь была приоткрыта. Свет был выключен. Я вошла в комнату и почувствовала что-то влажное под ногами. Я позвала ее, кажется. И затем потянулась к выключателю. Вместо этого я нащупала стену, она была в крови. Она была на моих руках, Дин, а потом я включила свет, и она была повсюду.

Дин ничего не сказал, но он был здесь, так близко, что я могла почувствовать тепло его тела напротив меня. Он слушал, и я не могла избавиться от чувства, что он понял все.

— Прости меня, — сказала я. — Я не привыкла говорить об этом, и я не позволю этому поглотить меня, но помню, что тот, кто причинил боль моей маме, ненавидел ее. Он знал ее, и ненавидел, Дин. Это было там, в комнате, в брызгах крови, в том, как она боролась — это не было случайностью. Он знал ее, и как я могу объяснить это кому-то? Кто поверит мне? Я была просто глупым ребенком, но сейчас Бриггс и Локк расследуют это дело, и их Н. О. убивает людей, которые похожи на мою маму, людей с похожей профессией, и он делает это ножом. Даже, несмотря на то, что жертвы из разных мест, даже, несмотря на то, что они не знали друг друга, это личное, Дин, — я остановилась. — Я не думаю, что он убивал их. Я думаю, что он убивал ее снова. И я больше не глупый ребенок. Я профайлер. Естественная. Но даже если так — то кто поверит мне?

Дин положил руку на мой затылок, как в тот раз, когда я впервые влезла в разум убийцы.

— Никто не поверит тебе, — сказал он. — Это слишком личное для тебя, — он провел большим пальцем вверх и вниз по моей шее.

Дин был единственным в этом доме, с такими же способностями, как у меня. Майкл и Слоан могли скептически относиться к моей теории, но у Дина были инстинкты как у меня. Он знал, что даже если это безумие, то в этом что-то было.

— Ты смотрел на дело? — спросила я его.

Он кивнул и убрал руку с моей шеи, как будто только сейчас понял, что касался меня.

Я встала.

— Я сейчас вернусь, — сказала я. — Я собираюсь принести файлы.

— Майкл, могу я взять... — ворвалась я на кухню, только чтобы обнаружить, что Майкл и Слоан не были здесь одни. Джадд готовил, а агент Бриггс стоял спиной ко мне, тонкий черный кейс стоял у его ног. — ...бекон, — закончила я поспешно.

Агент Бриггс повернулся ко мне.

— И почему у Майкла твой бекон? — спросил он.

Потому что эта ситуация была недостаточно неловкой, и Лиа выбрала именно этот момент, чтобы войти в комнату.

— Да, Кэсси, — сказала она со злым оскалом, — расскажи нам, почему у Майкла твой бекон.

То, как она произнесла это, не оставило сомнений, что она использовала это как эвфемизм^[6].

— Лиа, — сказал Джадд, размахивая ложкой, — достаточно.

Затем повернулся ко мне.

— Еда будет скоро готова. Я надеюсь, ты дождешься?

— Да, — сказала я. — Никакого бекона.

За спиной Бриггса, Майкл бил себя ладонью по лбу. Судя по всему, мои уловки оставляли желать лучшего. Я попыталась сбежать по-быстрому, но агент Бриггс остановил меня.

— Кэсси. На слово.

Я посмотрела на Майкла, гадая, что Бриггс знал о том, что Майкл, Слоан и я делали до этого.

— Двучичие, — неожиданно сказала Слоан.

— Становится веселее, — пробормотала Лиа.

Слоан прочистила горло.

— Агент Бриггс спросил слово. Двучичие подходит. Меньше, чем пять десятых слов в английском состоят из четырех гласных.

Я была благодарна за смену темы, но, к сожалению, Бриггс не купился.

— Кэсси?

— Конечно, — кивнула я и последовала за ним из комнаты. Я не была уверена, где мы остановимся, но после того, как мы прошли мимо библиотеки, я поняла, что мы собираемся в единственную комнату в подвале, в которой я еще не была — кабинет Бриггса.

Он открыл дверь и жестом пригласил меня. Я вошла в комнату, оглядываясь. Комната была полна животных, безжизненных и застывших на месте.

Охотничьи трофеи.

Тут был медведь гризли, стоявший на задних лапах, его пасть раскрыта в безмолвном реве. На другой стороне комнаты, реалистичная пантера присела, клыки блестели, в то время как горный лев, казалось, был на охоте.

Наиболее тревожной вещью в этой комнате — а может и во всей этой ситуации — было то, что я даже и не думала, что Бриггс был охотником.

— Они хищники. Напоминание о том, с чем моя команда имеет дело каждый раз, выходя в свет.

Было что-то в том, как агент Бриггс произнес эти слова, что заставило меня понять, без

тени сомнения: он знал о том, что Майкл, Слоан и я делали в его отсутствие. Он знал, что мы выяснили точные детали дела, над которым он и агент Локк работали сейчас.

— Как вы выяснили? — спросила я.

— Джадд сказал мне, — Бриггс пересек комнату и сел на край стола. Он указал мне на кресло перед ним. — Ты знаешь, Джадд может мелькать на заднем плане, но мало что ускользает от него. Сбор информации всегда был его специальностью.

Смотря на меня, Бриггс открыл кейс и достал файлы: все бумаги, которые мы распечатали ранее.

— Я конфисковал это у Майкла. И это, — добавил он, доставая флешку, — у Слоан. Его ноутбук отправили в нашу техническую лабораторию, чтобы убедиться, что все следы данных были уничтожены с жесткого диска.

У меня даже не было шанса рассказать Бриггсу мои догадки, а он уже остановил меня и обезвредил.

Бриггс провел рукой по подбородку, и я поняла, что он не брился, по меньшей мере, один день.

— Расследование не очень продвигается, верно?

— Мне нужно, чтобы ты выслушала то, что я скажу, Кассандра, — это был второй раз, когда он назвал меня полным именем, с тех пор, как я сказала ему, что предпочитаю Кэсси. — Я говорил тебе о том, чем является эта программа, а чем нет. ФБР не собираются позволять подросткам втягиваться в эпицентр расследований убийств.

Его выбор слов был более показательным, чем он думал. ФБР мучили угрызения совести, из-за подростков, участвующих в гущу событий. Лично Бриггса — нет.

— Так что вы хотите сказать? Использовать двенадцатилетнего сына серийного убийцы как личную энциклопедию убийств было нормально, но сейчас, раз программа официальная, то мы даже не можем посмотреть на файлы?

— Что я говорю, — возразил Бриггс, — так это то, что этот Н. О. опасен. Он местный. И у меня нет намерений подпускать ни одного из вас.

— Даже если это расследование имеет какое-то отношение к моей маме? — Бриггс молчал долю секунды.

— Ты спешишь с выводами, — он не спросил меня, почему я думаю, что это дело имеет отношение к моей маме. Теперь, когда я высказала эту мысль, он не должен был. — Профессия. Рыжие волосы. Нож. Этого недостаточно.

— Н. О. покрасил волосы последней жертвы в красный, — я не стала спрашивать, права ли я на счет этого, зная, что так и есть. — Это не вопрос выбора жертвы. Это не просто М. Д. Это часть подчерка Н. О., — Бриггс скрестил руки на груди. — Я не говорила с вами об этом.

Он еще не покинул комнату, и не перестал слушать.

— Н. О. покрасил ее волосы до или после того, как убил?

Бриггс ничего не сказал. Он знал это из книг, но не приказал мне остановиться.

— Покрасить волосы жертвы до убийства, может быть попыткой создать более идеальную мишень, ту, которая будет связана с психологией и будет рыжей. Но покрасить ее волосы после... — я остановилась ровно на столько, чтобы увидеть, что Бриггс слушал, действительно слушал каждое слово. — Покрасить ее волосы после того, как она умерла, это послание.

— И что же это за послание? — резко спросил агент Бриггс, как будто пропустил мимо

ушей мои слова, но мы оба знали, что это не так.

— Послание для вас: цвет волос важен. Н. О. хочет, чтобы вы знали, что есть связь между убийствами. Он не думает, что вы сами придете к такому выводу, поэтому помогает вам.

Бриггс молчал три или четыре напряженных секунд.

— Мы не можем сделать этого, Кэсси. Я понимаю твой интерес к расследованию. Я понимаю твое желание помочь, но чтобы ты не надумала сделать, это закончится сейчас.

Я начала возражать, но он поднял руку, заставляя меня замолчать.

— Я скажу Локк позволить тебе начать работу над делами. Ты явно готова. Но если ты начнешь разносить об этом расследовании, то будут последствия, и я могу гарантировать, что тебе они не понравятся, — он наклонился вперед: его поза неосознанно стала похожа на ревущего медведя. — Я ясно выражаюсь?

Я не ответила. Если он ожидал обещания, что я буду держаться подальше от этого, то он будет разочарован.

— У меня уже есть естественный профайлер в программе, — Бриггс смотрел мне прямо в глаза, его губы сжались в тонкую, прямую линию. — Я бы рад двоим, но без риска для моей работы.

Здесь была она — угроза. Если я проигнорирую ее, Бриггс отправит меня домой. Обратно к Нонне, тетушкам и дядюшкам, чтобы постоянно осознавать то, что я никогда не буду как они, как кто-либо за этими стенами.

— Вы были предельно ясны, — сказала я.

Бриггс закрыл кейс.

— Потерпи пару лет, Кэсси. Они не будут держать тебя в стороне вечно.

Он ожидал моего ответа, но я ничего не сказала. Он встал и подошел к двери.

— Если он красит их волосы, то правила поменялись, — крикнула я ему вслед, не потрудившись развернуться, чтобы увидеть остановился он послушать или нет. — И это значит, что дальше будет намного хуже.

Ты

Ты не можешь вспомнить последний раз, когда внутри тебя был это чувство. Все остальные — каждая из них — были имитацией. Копии тех вещей, которые нужны тебе были больше всего. Но теперь — теперь ты близко.

Улыбка на твоём лице. Ты берешь ножницы. Девушка на полу мычит в плотно приклеенный скотч ко рту, но ты игнорируешь ее. Она не награда, а просто средство для достижения цели.

Ты хватаешь ее за волосы и рывком откидываешь голову назад. Она борется из всех сил, и ты утверждаешь свою власть, ударив ее головой о стену.

— Успокойся, — шепчешь ты. Ты позволяешь ее волосам упасть вниз и берешь пальцами один локон.

Ты поднимаешь ножницы. Ты отрезаешь волосы. А затем режешь ее.

Я рано легла спать. Столько всего произошло за последние сутки, что мое тело болело физически. Я больше не хотела бодрствовать. Этот план работал несколько часов, но после полуночи, я проснулась из-за шагов за моей дверью и храпа Слоан возле меня.

На секунду, я подумала, что мне показались шаги, но затем я увидела мелькнувшую тень за дверью.

Кто-то был там.

Кто бы это ни был, оставайся здесь. Я прокралась к двери, мои волосы прилипли к шее, а сердце билось в ушах.

Я открыла дверь.

— Не собираешься сегодня плавать?

Потребовалась секунда, чтобы опознать черты Майкла в темноте, но я сразу же узнала его голос.

— У меня нет желания, — я понизила голос, но не настолько, как должна была бы, если бы храп моей соседки не грозил оглушить меня до конца года.

— У меня есть кое-что для тебя, — Майкл сделал шаг вперед, пока его лицо не оказалось прямо перед моим. Медленно, он поднял папку толщиной в дюйм.

Я посмотрела на него, затем на папку, а потом снова на него.

— Ты не сделал этого, — сказала я.

— О, да, — ответил он. — Я сделал.

— Как? — мои пальцы зудели от желания вырвать папку из его руки.

— Бриггс взял компьютер Слоан. А мой нет.

Я подумала о предупреждении Бриггса, его угрозу отправить меня домой. И затем, медленно, я обхватила пальцами папку.

— Ты скопировал файлы на свой ноутбук.

Майкл улыбнулся.

— Не благодари.

Я засунула папку под матрас. Может в ней была еще одна подсказка. А может, и нет. При первой же возможности, я покажу его Дину. К сожалению, когда я на следующее утро пошла искать его, он не был один.

— Скучала по мне? — агент Локк не подождала, пока я отвечу. — Сядь.

Я села. И Дин тоже.

— Вот, — агент Локк протянула толстую папку, которая чуть ли не лопалась от листов.

— Что это? — спросила я.

— Бриггс думает, что ты готова к следующему шагу, Кэсси, — Локк остановилась. — Он прав?

— Убийство? — папка была выцветшей, и гораздо, гораздо тяжелее той, что лежала под моим матрасом.

— Ряд нераскрытых убийств из девяностых, — сказала нам Локк. — Вторжение в дом, одна пуля в голову, выработанный стиль. Остальная часть файлов содержат подобные нераскрытые убийства, которые произошли в этой местности.

Дин застонал.

— Не удивительно, что папка такая толстая, — пробормотал он. — Третью всех дел о наркоторговле выглядит также.

— Тогда я думаю, это займет вас обоих, — Локк посмотрела на меня взглядом, который подразумевал, что Бриггс рассказал ей о нашей маленькой дискуссии. — Я проверю в конце недели. У вас обоих много чтения, а у меня есть расследование.

Она оставила нас наедине. Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь о файле под моим матрасом, но затем вновь закрыла. Лиа подслушивала — и очевидно, Джадд тоже.

— Что думаешь на счет работы над делом в подвале? — спросила я. Звуконепроницаемый подвал. Дину потребовалось мгновение на раздумья, затем он начал спускаться вниз по лестнице, плотно закрыв дверь за нами. Мы шли прямо по коридору, трехстенные комнаты с обеих сторон были как театр с множеством сцен.

Когда я убедилась, что мы одни, я начала говорить.

— Когда вчера я пошла за файлами, Бриггс поймал меня. К тому времени, как я вернулась в свою комнату, тебя не было.

— Лиа упомянула, что Бриггс поймал вас, — сказал Дин. — Ты в порядке?

— Я рассказала ему о предположениях. Попросила разрешения работать над этим делом. Он сказал нет.

— Ты собираешься работать над этим в любом случае? — Дин остановился перед импровизированным парком. Я села на скамейку, а он оперся рукой на скамью.

— У меня есть копии файлов, — сказала я. — Ты согласишься на них? — он кивнул. Пять минут спустя, мы были с головой в деле — и я держала папку Локк в руках, приготовив прикрытие, если кто-нибудь спустится проверить нас.

— Иногда жертвы это просто замена, — сказал Дин после того, как прочел все файлы. — Я женат, но мне никогда не сойдет с рук убийство жены, так что я убиваю проституток и представляю, что это она. Мой ребенок умер, и теперь, каждый раз, когда я вижу ребенка на баскетбольной площадке, я хочу сделать его своим.

Дин всегда использовал слово «Я», когда проникал в разум убийцы, но теперь, когда я знала о его прошлом, у меня мурашки шли от этих слов.

— Может в первый раз, когда я убил кого-то, это не было спланировано, но сейчас я чувствую себя живым лишь тогда, когда жизнь уходит из кого-то еще, кого-то вроде нее.

— Ты тоже видишь это, да? — спросила я.

Он кивнул.

— Я бы поставил на то, что либо этот человек переживает заново первое убийство, либо фантазирует о человеке, которого хочет убить, но не может.

— И если я скажу тебе, что на рыжеволосого психолога напали с ножом пять лет назад, а тело не нашли?

— Тогда бы я хотел узнать все о том деле, — сказал он. И я тоже.

Часть вторая: охота

Ты

Коробка черная. Ткань белая. А подарок — подарок красный. Ты аккуратно заворачиваешь его в ткань. Ты надеваешь крышку на коробку. Ты моешь ножницы и режешь ими длинные черные шелковые ленточки.

Особенные.

Прямо как Девушка.

«Нет, — думаешь ты, поднимая подарок и поглаживая его пальцем в перчатке по всей длине. — Тебе не следует называть ее Девушкой. Больше нет».

Она была перед тобой. Перед твоими глазами. Это точно. Больше никаких подделок. Никаких копий. Пришло время ей узнать тебя, как когда-то тебя знала ее мать.

Ты прикрепляешь открытку к крышке. Ты пишешь ее имя, каждая буква наполнена любовью.

К-Э-С-С-И.

Желание больше узнать о деле моей мамы и определить лучший способ достать его, были разными вещами. Через сутки после того, как Дин подтвердил мои догадки о Н. О., я все еще была с пустыми руками.

— Так, так, так...

Я услышала голос Лии, но не повернулась, чтобы посмотреть, как она входит. Вместо этого, я сосредоточилась на хлопьях на кухонном столе и сэндвиче на тарелке.

— Кто-то получил посылку, — пропела Лиа. — Я взяла на себя смелость открыть ее, и вуаля. Коробка в коробке, — она села возле меня и положила прямоугольную коробку на стол. — Тайный поклонник, а? — На коробке был конверт, и Лиа взяла его и помахала перед моим носом.

Мое имя было написано на нем, буквы были ровные и лишь с намеком на завитки, как будто человек, который писал их, разрывался между печатными и прописными буквами.

— Ты действительно невероятно популярна, да? — сказала Лиа. — Это не поддается никакой логике. Я думала, что ты просто новая игрушка. В программе, где так мало учеников, было бы странно, если бы новенькая не привлекла внимание противоположного пола. Но ни у Майкла, ни у Дина нет причин присылать тебе подарок, поэтому я лишь могу сделать вывод, что ты, скажем так, общаешься не только с теми, кто живет здесь.

Я прослушала Лию и посмотрела на коробку. Она была матово-черной с крышкой. Черная лента была обернута вокруг коробки дважды, образуя крест на крышке. В центре креста лента была свернута в дугу.

— Я слышал свое имя? — Майкл присоединился к нам. — Разве вы не ненавидите, что когда вы входите в комнату и каждый говорит о вас? — его глаза сфокусировались на подарке, и улыбка на его лице стала неестественной и застывшей.

— Кто-то не любит конкуренцию, — сказала Лиа.

— А кто-то более уязвим, чем показывает, — четко ответил Майкл. — А ты как думаешь?

Это на время заткнуло Лию. Я снова посмотрела на коробку и провела пальцем по краю ленты.

Шелк.

— Ты не отправлял это? — спросила я Майкла, мой голос застрял в горле.

— Нет, — ответил Майкл, округлив глаза. — Правда.

В моей семье не было человека, который отправил бы мне посылку, завернутую в шелк, и я не могла вспомнить никого, кто мог бы мне прислать это.

Майкл не отправлял это.

Дин не был из тех людей, которые отправляют подарки. Я повернулась к Лии.

— Ты прислала это.

— Не правда, — Лиа посмотрела на меня в течение секунды, затем потянулась за открыткой.

— Не... — начала я говорить. Мои слова она пропустила мимо ушей. Она взяла белую открытку с крышки и прочистила горло.

— «От меня, тебе», — Лиа нахмурилась и положила открытку на стол. — Как романтично.

Холодок прошелся по моей спине. Мое дыхание стало горячим в легких, но мои руки похолодели. Коробка, лента, все выглядело так...

Что-то неправильно.

— Кэсси? — Майкл должна быть увидел это в моем лице. Он наклонился ко мне. Я посмотрела на Лию, но впервые ей было нечего сказать. Медленно, я поднесла руку к ленте. Я потянула, и она сползла в аккуратную черную кучку на столе.

Раз уж я начала, то не могу остановиться. Я обхватила пальцами крышку. Я подняла ее и осторожно отложила в сторону. Белая ткань, тщательно сложенная лежала внутри.

— Что это?

Я проигнорировала вопрос Лии. Я заглянула в коробку. Я развернула ткань.

А затем я закричала.

В ткань была завернута прядь рыжих волос.

Агенту Бриггсу потребовался час, чтобы добраться в наш дом. Ему потребовалось пять секунд, чтобы пройти путь от двери до коробки.

— Все еще думаете, что я спешила с выводами, когда сказала, что это дело связано с моей мамой? — спросила я его, мой голос дрожал. Он проигнорировал меня и рявкнул команды группе агентов, которых он привел с собой.

— Упакуйте коробку, ленту, открытку, все — если есть хоть пятнышко отпечатков на этом, я хочу знать. Старманс, отследил коробку — как ее отправили, откуда, кто заплатил за доставку. Брукс, Вэнс, нам нужно ДНК волос, прямо сейчас. Мне плевать, кому вы должны угрожать в лаборатории, чтобы достать это. Локк...

Агент Локк скрестила руки на груди и взглянула на Бриггса. К его чести, он понизил голос до более разумной громкости.

— Если это наш Н. О., то все меняется. У нас нет доказательств того, что он, когда-либо вступал в контакт с мишенью. Это может быть нашим шансом опередить его.

— Мы даже не знаем, наш ли это убийца, — указала агент Локк. — Это рыжие волосы. Для всех известно, что это может быть шуткой.

Ее взгляд скользнул по Лии, когда она сказала слово «шутка». Я повернула голову, чтобы тоже посмотреть на естественную лгунью.

Лиа перекинула ее черные волосы через плечо.

— Это немного выходит за рамки приличия, даже для меня, агент Локк.

Локк посмотрела на меня.

— В последнее время ни с кем не ругалась? — спросила она.

Я открыла рот, затем вновь посмотрела на Лию. «Напомни мне больше никогда не просить тебя об одолжении». Яд в ее голосе, когда она произнесла эти слова, был ощутимым.

— Лиа, — агенту Бриггсу с трудом получилось сказать слова сквозь сжатые челюсти. — Расскажи мне еще раз, как ты нашла посылку.

Глаза Лии вспыхнули.

— Я вышла проверить почту. Там была посылка с именем Кэсси на ней. Я открыла упаковку. Внутри была коробка. Я решила, что хочу увидеть выражение лица Кэсси, когда она откроет коробку. Я отнесла ее на кухню. Кэсси открыла. Конец.

Бриггс повернулся к Локк.

— Если ДНК окажется одной из наших жертв, вы должны будете пересмотреть все дело. Если же нет...

Он снова посмотрел на Лию.

— Почему все продолжают смотреть на меня? — отрезала она. — Я нашла посылку. Если ДНК волос не окажется одной из жертв, может, вы должны будете задать Кэсси пару вопросов.

— Мне? — спросила я недоверчиво.

— Ты хотела это расследование, — возразила Лиа. — А теперь убийца связался с тобой ни с того ни с сего. К твоему везению.

Я не могла сказать, верила ли Лиа в то, что говорит или нет. Это не важно, потому что Бриггс уже перевел свой тяжелый взгляд на меня.

— Кэсси не делала этого.

Я даже не знала, что Дин в комнате, пока он не заговорил. Очевидно, агенты тоже не заметили. Бриггс даже подпрыгнул.

— Кэсси не из тех, кто играет в игры, — Дин засунул руки в карманы. — Причина, по которой она хочет работать над этим делом, заключается в том, что она думает будто это связано с убийством ее мамы. Зачем ей рисковать, отвлекая силу и ресурсы от реального расследования, когда она знает, что убийца разошелся? Если это шутка, то эта шутка скоро убьет кого-то.

Узел в груди расслабился. Я посмотрела на Дина и, наконец, смогла вздохнуть.

— Дин прав, — голос Локк был прямо как у меня, когда я работала с головоломками. — Если Кэсси хочет это дело, она бы нашла способ продолжать работать над ним самой.

Я очень старалась не смотреть на нее, потому что это именно то, что я пыталась сделать.

— Кэсси, ты бросила это дело или нет, когда я сказал тебе? — Бриггс сделал шаг вперед, вторгаясь в мое личное пространство. — Сделала ли ты что-нибудь, что привлекло внимание убийцы?

Я покачала головой, в ответ на один вопрос. Бриггс вернулся на свое место. Его челюсти вновь сжались. Во второй раз, вмешался Дин.

— Все, что сделала Кэсси, так это дала копию дела мне, — все глаза в комнате посмотрели на Дина. Обычно он вставал и шел как человек, который хотел быть невидимкой, но сегодня его плечи были отведены назад, челюсть сжата.

— Я прочитал файлы. Я профилировал их. И я думаю, что Кэсси права, — Дин посмотрел прямо на агента Бриггса. — Эти женщины замена, и я думаю, есть шанс, что человек, которого они заменяли, это мама Кэсси.

— Ты даже никогда не видел дело Лорелай Хоббс, — ответил Бриггс. Имя моей мамы было как удар под дых.

— Я видел фото мамы Кэсси, — утверждал Дин. — Я видел человеческие волосы, которые кто-то прислал Кэсси как подарок.

Бриггс выслушал каждое слово Дина, его лицо было сконцентрировано на чем-то.

— Вам не разрешается работать над этим расследованием, — сказал он наконец.

Дин пожал плечами.

— Я знаю.

— Ты не будешь работать над этим расследованием.

— Я знаю.

— Я собираюсь сделать вид, что этого разговора не было.

— Лгун, — прокашляла Лиа.

Бриггс не был удивлен.

— Ты можешь покинуть комнату, Лиа.

Она всплеснула руками.

— О, мама, можно? — Дин, кажется, подавил смешок, но я не была уверена.

— Сейчас же, Лиа.

После долгой паузы Лиа развернула на носочках и вышла из комнаты. Когда он уверился, что Лиа ушла, агент Бриггс повернулся к Локк.

— Ты думаешь, этот случай подобен делу Лорелай Хоббс?

Я не дрогнула, когда он произнес имя моей мамы во второй раз. Я сконцентрировалась

на факте того, что Лиа была права: Бриггс не намерен забыть то, что ему сказал Дин.

Я думаю Кэсси права.

— Я не знаю, имеет ли значение, связаны эти два случая или нет, — ответила наконец Локк. — Волосы Кэсси красные. Она немного моложе предыдущих жертв, но в остальном соответствует типу жертв этого убийцы, и еще более важно — наш Н. О. разошелся. Если предположить, что волосы последней жертвы прислали как послание, это значит, что этот парень играет с нами. И если он играет с нами, есть большая вероятность, что он наблюдает за нами, — агент Локк ударила себя ладонью по лбу. — Если он наблюдает за нами, он может следовать за нами повсюду, и если он повсюду, он может видеть Кэсси.

Телефон Бриггса зазвонил прежде, чем он смог бы ответить. К тому времени, когда он поднял трубку, я уже знала, какими будут его следующие слова.

— У нас еще одно тело.

Ты

Ты смотришь на агентов ФБР, носящихся вокруг места преступления, словно муравьи. Этот труп не самая лучшая твоя работа. Она умерла прошлой ночью, а ее крики уже исчезли из твоей памяти. Ее лицо по-прежнему вспоминается, более или менее.

В этот раз твоим орудием стали ножницы, а не нож.

Но это не важно. Не в этот раз. В этот раз важно то, что подарок, который ты от тебя получила милая Кассандра Хоббс, был настоящим.

Маленькая жалкая шлюшка, безжизненно лежащая на асфальте, была лишь частью плана. На рассвете нужно избавиться от ее тела, понятно, что ее найдут не сразу. У тебя есть надежда — даже мольба — что Кэсси окажется там, когда агентам позвонят.

«Ты кричала, когда открыла коробку, Кэсси? Ты думала обо мне? Могу ли я верить, что снюсь тебе?»

О стольких вещах ты хочешь расспросить ее.

Так много ты хочешь рассказать ей.

Остальные никогда не поймут. ФБР никогда не узнают, как работает твой мозг.

Они никогда не узнают, как ты близко.

Но Кэсси — она узнает обо всем. У вас есть связь. Кэсси — настоящая дочь своей матери... и ближе тебе уже не подобраться.

Два дня спустя выяснилось, что волосы из коробки принадлежат последней жертве Н. О.

— Теперь я буду принимать лишь подарки в качестве извинений, — сказала Лиа агенту Локк. — Сейчас подходящее время.

Локк не ответила. Трое из нас — включая Бриггса, Майкла и Дина — были в классе Бриггса. Слоан нигде не было видно.

Ты прислал мне прядь волос. Я не могла сдержаться от разговора с убийцей в моей голове, не могла перестать думать о посылке, и почему Н. О. прислал ее мне. Она кричала, когда ты отрезал их ей? Ты использовал ножницы, чтобы зарезать ее потом? Дело было в ней? Или во мне? А может в моей маме?

— Я в опасности? — говорила я на удивление спокойно, как будто мой вопрос был частью загадки и не был вопросом жизни и смерти — в частности моей.

— А ты что думаешь? — спросила Локк.

Бриггс прищурился, как будто не мог поверить, что она хочет использовать ситуацию в качестве учебного процесса, но я все равно ответила на вопрос.

— Я думаю, что этот Н. О. хочет убить меня, но не сейчас.

— Это безумие, — у Майкла было то самое выражение лица, когда хочешь ударить кого-нибудь. — Кэсси, ты вообще слышишь себя? — он повернулся к Бриггсу. — У нее шок.

— Она стоит прямо здесь, — сказала я, но не спорила с остальной частью заявления Майкла. Учитывая его способность читать людей, я допустила, что он может быть прав. Может я была в шоке. Я не могла сопротивляться тому, что мои эмоции были заблокированы.

Я не была зла. Я не была испугана.

Я даже не думала о моей маме или о том, что этот Н. О. с большой вероятностью мог убить ее.

— Ты убиваешь женщин, — сказала я вслух. — Женщин с красными волосами. Женщин, которые тебе кого-то напоминают. И в один день, ты видишь меня, и по непонятной причине, я не как другие. Тебе никогда не нужно было говорить с ними. Тебе никогда не было нужно, чтобы ложась спать, они думали о тебе. Но я другая. Ты прислал мне подарок — может ты хотел напугать меня. Может, ты играешь со мной или используешь меня, чтобы играть с федералами. Но то, как ты завернул коробку, с какой заботой написал мое имя на открытке — это часть тебя, которая думает, что ты действительно подарил мне подарок. Ты говоришь со мной. Ты сделал меня особенной, и когда ты убьешь меня, это тоже будет по-особенному, — каждый человек в комнате смотрел на меня. Я повернулась к Дину. — Я ошибаюсь?

Дин обдумал вопрос.

— Я убивал долгое время, — сказал он, проникая в разум убийцы также легко, как и я. — И каждый раз, это немного меньше, чем прежде. Я не хочу быть пойманным, но мне нужен риск, острые ощущения, вызов, — он на мгновение закрыл глаза, и когда открыл их, то, как будто лишь мы двое были в комнате. — Ты не ошибаешься, Кэсси.

— Это бред, — сказал Майкл, повышая голос. — Какой-то психопат нацелился на Кэсси, а вы оба ведете себя так, как будто это игра.

— Это игра, — сказал Дин.

Я знала, что Дин не наслаждается этим, и смотреть на меня глазами убийцы, не было тем, чего он хотел, но Майкл слышал лишь слова. Он бросился вперед и схватил Дина за воротник рубашки.

Через секунду, Майкл толкнул Дина к стене.

— Послушай меня, ты, гребаный сукин...

— Майкл! — Бриггс оттолкнул его от Дина. В последнюю секунду, Дин бросился вперед и схватил Майкла, меняя позицию и локтем надавив на горло Майкла.

Дин понизил голос до шепота.

— Я не говорил, что это игра для меня, Таунсенд.

Это было игрой для Н. О... Я была призом. И если мы не будем осторожны, Майкл и Дин убьют друг друга.

— Достаточно, — Локк положила руку на плечо Дина. Он напрягся, и на секунду я подумала, что он может ударить ее.

— Достаточно, — повторил Дин, выравнивая дыхание. Он отпустил Майкла и сделал шаг назад. Затем он продолжил отступать, пока не уперся спиной в стену. Он был человеком, который не терял контроль, который не мог позволить себе этого, и он был на грани срыва с Майклом, что испугало его.

— И что мы будем делать? — спросила я, переводя внимание с Дина, и давая ему секунду успокоиться.

Бриггс ткнул указательным пальцем в мою сторону.

— Ты все еще не работаешь над этим делом. Никто из вас, — он посмотрел на Дина, прежде чем снова сфокусироваться на мне. — Я назначу группу, чтобы присматривать за домом. Я вас всех познакомлю с агентами Стармансом, Вэнсом и Брукс. До дальнейших указаний никто из вас не покинет дом, а Кэсси не останется без присмотра.

Защита меня не приблизит нас к поимке этого Н. О.

— Вы должны взять меня с собой, — сказала я Бриггсу. — Если этот парень хочет меня, мы должны использовать это. Поставим ловушку.

— Нет! — воскликнули Майкл, Дин и Бриггс одновременно. Я умоляюще посмотрела на агента Локк.

Она выглядела так, как будто была на грани согласия со мной, но в последнюю секунду, она прикусила губу и покачала головой.

— Н. О. вступил в контакт лишь в первый раз. Он попытается снова, будь ты здесь или в другом месте, а здесь у нас есть преимущество собственной площади.

Меня учили, что нет такого понятия как «преимущество собственной площади», но уроки моей мамы были ориентированы на чтение людей, а не игры в кошки мышки с убийцами.

— Н. О. разрушает шаблоны, — Локк протянула руку и мягко коснулась моего лица. — Насколько это страшно, настолько же и хорошо. Мы знаем, чего он хочет, и мы может спрятать это от него. Чем больше он бесится, тем больше вероятность, что он сделает ошибку.

— Я не могу просто ничего не делать, — я посмотрела в глаза своего наставника, надеясь на понимание.

— Ты можешь сделать кое-что, — сказала она, наконец. — Ты можешь составить список. Каждого, с кем ты разговаривала, каждого, кого встречала, каждое место, в котором

была, каждого человека, который смотрел на тебя дольше секунды с того момента, как ты приехала сюда.

Моя память сразу вернулась к тому человеку, не назвавшему свое имя, который прервал мое чтение тем вечером у Потомаки. Это был он? Или мне кажется?

Было трудно сдержаться от паранойи, учитывая то, что я теперь знала.

— Н. О. отправил по почте посылку, — указала Лиа, выталкивая меня из размышлений. — Он не должен быть на одном месте.

Дин засунул руки в карманы.

— Он хочет увидеть ее, — сказал он, его взгляд задержался на моем лице на секунду.

— Мы не смогли проследить за посылкой, — сказала Локк мрачно. — Почтовое отделение занято, напряженный день, не очень наблюдательный клерк, и нет камер наблюдения. Наш Н. О. заплатил наличными и обратный адрес фальшивый. Этот парень хорош, и он играет с нами. На данный момент я ничего не исключаю.

Следующие три дня мне едва удавалось сходить в туалет без сопровождения. И каждый раз, когда я смотрела в окно, я знала, что ФБР были там, наблюдали и выжидали, надеясь, что убийца повторит попытку.

— В штатах работает около тридцати тысяч гробовщиков.

Слоан была единственным человеком в доме, которого я не могла выгнать из комнаты, потому что это так же была и ее комната. Она была моей нянькой с тех пор, как я попыталась спрятаться, чтобы побыть одной.

— Гробовщики? — повторила я. Я подозрительно посмотрела на нее. — Тебе кто-то дал кофе?

Слоан не ответила на вопрос.

— Я думала, ты хочешь отвлечься.

Я плюхнулась на кровать.

— А у тебя нет более жизнерадостной статистики?

Слоан нахмурилась.

— А животные из воздушных шариков веселые?

О, Боже милостивый.

— Канатоходцы чаще других циркачей страдают от субконъюнктивальных кровоизлияний^[7].

— Слоан, субконъюнктивальные кровоизлияния это не весело.

Она пожала плечами.

— Если у тебя есть шарик, я могу сделать тебе таксу.

Еще несколько дней этого, и я сама отправлюсь к Н. О... Кто бы мог подумать, что мои естественные коллеги всерьез воспримут указ Бриггса не спускать с меня глаз? Дин и Майкл едва могли находиться в одной комнате, но в тот момент, когда я выходила из комнаты, один или оба были здесь, ожидая меня. Единственное, что могло сделать ситуацию более неловкой, так это если бы Лиа великодушно не решила бы остаться в стороне от конфликта.

— Тук, тук!

Так великодушно со стороны Лии.

— Чего ты хочешь? — спросила я ее, не потрудившись добавить приторности в голос.

— Какие мы капризные сегодня.

Если бы взглядом можно было убить, Лиа лежала бы мертвой на полу, а меня бы обвинили в убийстве.

— Я предполагаю, — сказала Лиа, с видом человека, который оказывает мне честь, — что разговор с Дином об его отце был не совсем твоей виной, и с тех пор, как произошли все эти с волосами-в-коробке вещи, дали ему цель в жизни, и я морально не могу больше винить тебя.

Я не знала, как ответить на это.

— Спасибо?

— Думаю тебе нужно отвлечься, — улыбнулась Лиа. — Если я в чем и ас, так в отвлечении.

В последний раз, когда я позволила Лии управлять нашими планами, то все закончилось поцелуями с Дином и Майклом в промежуток меньше суток, но после трех дней заключения

в доме и статистики о таксах, я была в отчаянии.

— И какое же занятие у тебя на уме? — Лиа поставила сумочку на мою кровать. Я открыла ее.

— Ты ограбила магазин косметики?

Лиа пожала плечами.

— Мне нравится макияж, а для того, чтобы отвлечься, это то, что надо. К тому же... — она заглянула в сумку и вытащила помаду. Смотря на меня, она сняла крышку и повернула тюбик. — Это определенно твой цвет.

Я посмотрела на помаду. Цвет был темным — чем-то между красным и коричневым. Слишком сексуально для меня и странно знакомо.

— Что скажешь? — Лиа не дождала ответа. Она приподняла меня, чтобы я села на кровати. Она вторглась в мое личное пространство и приподняла подбородок. А затем она покрасила мне губы.

— Клинекс, — рявкнула Лиа.

Слоан достала коробку с салфетками с глупой улыбкой на лице.

— Приложи к губам, — приказала Лиа.

Я сделала это.

— Я знала, что тебе пойдет, — сказала Лиа, ее голос звучал самодовольно. Не сказав ни слова, она обратила внимание на мои глаза. Когда она закончила, я оттолкнула ее и подошла к зеркалу.

— Оу, — я не могла сдержаться. Мои голубые глаза выглядели большими и широкими. Мои ресницы были покрашены тушью, а цвет моих губ был темным на фоне фарфоровой кожи.

Я выглядела как мама. Мои черты, то, как они гармонировали — все.

Голубое платье. Кровь. Помада.

Ряд картинок мелькнул в моей голове, и я поняла с внезапной ясностью, почему цвет этой помады казался таким знакомым. Я повернула к кровати и начала рыться в сумочке, пока не нашла ее. Я перевернула тюбик вверх дном, смотря на название цвета.

— Красная роза, — прочитала я, сглотнул после того, как произнесла эти слова. Я повернулась к Лии. — Где ты ее достала?

— Какая разница?

Мои суставы побелели вокруг тюбика.

— Где ты достала ее, Лиа?

— Почему ты хочешь узнать? — возразила она, скрестив руки на груди и приподняв правую руку, чтобы рассмотреть ногти.

— Просто надо, окей? — я не могла сказать ей больше — и не должна была. — Пожалуйста?

Лиа собрала косметику с кровати и подошла к двери. Она неискренне улыбнулась мне.

— Я купила ее, Кэсси. Заплатила деньгами. В рамках нашей тонкой системы капиталистического обмена. Довольна?

— Цвет... — начала я говорить.

— Это популярный цвет, — перебила Лиа. — Если подкупишь Слоан несколькими приложениями на телефон, она скажет тебе, сколько миллионов тюбиков они продают каждый день. Seriously, Кэсси. Не спрашивай почему. Просто скажи спасибо.

— Спасибо, — сказала я мягко, но не могла избавиться от ощущения, что вселенная

издевается надо мной, смотрела на тубик в моей руке и думала, снова и снова, что давным-давно я знала кое-кого, кто был равнодушен к помаде Красная Роза.

Моя мама.

Ты

— Держись.

Девушка хнычет, ее глаза наполнились слезами, ее руки связаны веревкой за спиной. Ты толкаешь ее, и она падает на землю. От этого никакого удовольствия.

Она не Лорелай. Она не Кэсси.

Она даже не имитация. Но тебе нужно кое-что сделать. Тебе нужно показать людям из окружения Кэсси, что происходит, когда они встают между тобой и тем, что принадлежит тебе.

— Держись, — говоришь ты снова.

На этот раз девушка подчиняется. Ты не убьешь ее. Ты даже не ранишь ее.

Пока.

Я проснулась поздно из-за света, проникающего сквозь окно моей комнаты. Слоан нигде не было видно. Быстро осмотрев коридор, я прокралась в ванную и заперла за собой дверь. Одиночество. На время.

Я отодвинула душевую занавеску и включила воду, сделав ее максимально горячей. Звук воды, капающей в фарфоровую ванную, был успокаивающим и усыпляющим. Я села на пол, и подтянула колени к груди.

Шесть дней назад, серийный убийца связался со мной, а моей единственной реакцией было проникновение в голову Н. О., спокойно и хладнокровно. Но вчера вечером, накрасив губы помадой того же оттенка, что и у моей мамы, я будто очнулась.

Это была случайность, твердила я себе. Ужасная, извращенная, несвоевременная случайность, которая произошла спустя несколько дней после посылки от убийцы, который возможно убил мою маму. Лиа сделала так, что я выглядела точь-в-точь, как моя мама.

— *Это популярный цвет. Просто скажи спасибо.*

Пар, образовавшийся вокруг, меня напомнил мне, что я трачу впустую горячую воду, что было смертельным грехом в доме с пятью подростками. Я встала и ударила рукой о зеркало, оставив след на запотевшем зеркале.

Я посмотрела на себя, прогоняя образ Красной Розы на моих губах. Это была я. Я была в порядке.

Я сняла пижаму, встала под душ, позволяя струям ударять мне прямо в лицо. Воспоминание пришло внезапно и без предупреждения.

Флуоресцентные лампы мерцают над головой. На полу моя тень тоже мигает.

Дверь в ее гардеробную приоткрыта.

Я концентрируюсь на звуке капающей воды, чувствуя ее на моей коже, отталкивая воспоминания.

Запах...

Я резко выключила душ. Обмотавшись полотенцем, вышла из ванной, капая водой на коврик. Я провела пальцами по волосам и повернулась к раковине.

Затем услышала крик.

— Кэсси! — мне потребовалось время, чтобы понять, что зовут меня, и еще секунда, чтобы опознать голос Слоан. Все еще завернутая в полотенце, я бросилась в нашу комнату.

— Что? Слоан, в чем дело?

Она еще была в пижаме. Светлые волосы прилипли к ее лбу.

— Мое имя на этом, — сказала она, ее голос был напряжен. — Это не кража, если там написано мое имя.

— На чем твое имя?

С трясущимися руками, она протянула конверт.

— У кого ты его «не украла»? — спросила я.

Слоан виновато посмотрела.

— У одного из агентов внизу.

Они проверяли всю почту, не только мою. Наклонив голову так, чтобы я могла видеть содержимое конверта, я поняла, почему Слоан закричала. Там, внутри конверта, была небольшая черная коробочка.

Как только мы вытащили коробку из конверта, то не было сомнений, что она похожа на первую: лента, узел, белая открытка с моим именем, тщательно выведенным на ней. Единственное отличие — это размер и тот факт, что на этот раз Н. О. использовал Слоан чтобы подобраться ко мне.

Ты знаешь, что ФБР охраняют меня. Но ты хочешь меня в любом случае.

— Ты не открыла коробку, — агент Бриггс выглядел удивленным. Спустя десять секунд после того, как я поняла, что лежит в конверте, агент Старманс и Брукс ворвались в спальню. Они вызвали Локк и Бриггса. У меня было достаточно времени, чтобы одеться, прежде чем этот дуэт прибыл — с еще одним человеком, постарше.

— Я не хотела уничтожить отпечатки, — сказала я.

— Правильно сделала, — мужчина, который пришел с Бриггсом и Локк впервые заговорил. Его голос был грубым, идеально подходящим к его лицу, которое было обветренным и загорелым. Я предположила, что ему около шестидесяти пяти лет. Он не был высоким, но казался внушительным, и смотрел на меня как на ребенка.

— Кэсси, это мистер Стерлинг, — представила Локк его, но она не произнесла вслух остальное.

Например, она не сказала, что этот человек их босс. Она не сказала, что он был тем, кто разрешил запуск программы естественных.

Она не сказала, что он был тем, кто перевел Бриггса за то, что он использовал Дина в расследованиях.

Она и не должна была.

— Я хочу, чтобы вы открыли ее при мне, — сказала я агенту Локк, но мистер Стерлинг был тем, кто ответил.

— Я не думаю, что в этом есть необходимость, — сказал он.

Он человек, у которого есть дети, возможно даже внуки. И, несмотря на то, что он большая шишка в ФБР, я могу использовать это.

— Я мишень, — сказала я, делая щенячьи глазки. — Утаивая от меня эту информацию, вы делаете меня уязвимой. Чем больше я знаю об этом Н. О., тем более безопасно.

— Мы можем обезопасить тебя, — руководитель говорил как человек, привыкший к тому, что его слово — закон.

— То же самое агент Бриггс говорил четыре дня назад, — сказала я. — А теперь этот парень подобрался ко мне через Слоан.

— Кэсси, — агент Бриггс начал говорить мне тем же тоном, что и руководитель — как будто я была маленьким ребенком, как будто они привели меня сюда не для того, чтобы учиться профилировать.

— Н. О. напал снова, не так ли? — мой вопрос, который был догадкой, был встречен абсолютной тишиной.

Я была права.

— Этот Н. О. хочет меня, — я решила использовать доводы логики. — Вы пытаетесь держать его подальше от меня. Что бы ни было в этой коробке, это шаг вперед от того, что он прислал мне в прошлый раз. Предупреждение для вас, подарок для меня. Если он подумает, что вы скрыли его от меня, то все станет только хуже.

Руководитель кивнул Бриггсу.

— Открой коробку.

Бриггс надел перчатки. Он потянул за ленту, и узел развязался. Он отложил открытку в сторону и поднял крышку.

Белая ткань.

Аккуратно, он развернул ее. В коробке лежала прядь волос. Она была светлой.

— Прочтите открытку, — сказала я, мой голос застрял в горле. Бриггс открыл ее. Как и предыдущая, она была белой, элегантной, но простой. Из нее выпала фотография.

Я увидела девушку на фото, прежде чем они могли спрятать ее от меня. Ее запястья были связаны за спиной. Ее лицо распухло, а кровь на волосах покрылась коркой. Ее глаза были наполнены слезами, и в них было так много страха, что я могла слышать ее крики, сквозь заклеенный рот.

У нее были русые волосы и детское личико.

— Она слишком молодая, — сказала я, мой живот скрутило. Девушке на фото было пятнадцать, может шестнадцать — и никто и предыдущих жертв Н. О. не был несовершеннолетней.

Девочка была младше меня.

— Бриггс, — Локк подняла фото и убрала его. — Посмотри в газете.

Я была так зациклена на лице девушки, что не заметила газету, которую она прижала к груди.

— Она еще была жива вчера, — сказал Бриггс, и я поняла, почему этот подарок отличался от первого, почему волосы в коробке были светлыми.

— Ты забрал ее, — сказала я мягко, — потому что они забрали меня. — Локк встретила со мной взглядом, и я знала, что она слушает меня. Она была согласна со мной. Вина возникла как тошнота в моем горле. Я оттолкнула ее. Я могу отложить это. Я могу позднее ненавидеть Н. О. — и себя — за кровь и синяки на лице девочки. Но прямо сейчас, я должна держаться.

Я должна сделать что-нибудь.

— Кто она? — спросила я. Если похищение этой девочки было способом Н. О. отомстить за то, что ФБР пытались спрятать меня от него, она не должна быть кем попало. Эта девочка не подходит под тип Н. О., но если я что и знала об этом убийце, так это то, что он всегда выбирает цели не просто так.

— Мисс Хоббс, я высоко ценю вашу личную заинтересованность в этом деле, но эта информация выше ваших полномочий.

Я посмотрела на мистера Стерлинга.

— Вы не платите мне. И если убийца наблюдает, а вы все равно продолжите держать меня вне досягаемости, то станет только хуже.

Почему он не видит этого? Почему Бриггс тоже? Это же очевидно. ФБР хочет держать меня в стороне от этого, но убийца желает обратного.

— Что написано в открытке? — спросила Локк. — Фото это лишь часть послания.

Бриггс посмотрел на меня, затем на руководителя. Затем он перевернул открытку, чтобы мы все могли прочитать.

«Кэсси — разве не лучше, когда они красные?»

Смысл был ясен. Девушка жива. Но ненадолго.

— Кто она? — снова спросила я.

Бриггс продолжал молчать. У него были приоритеты, и работа была на первом месте.

— Женеvrier Ридгертон, — ответила Локк на мой вопрос, ее голос был ровным. — Ее

отец сенатор США.

Женевьев. Теперь у девочки, которая оказалась в руках Н. О. из-за меня, которую Н. О. ранил ее из-за меня, было имя.

Мистер Стерлинг сделал шаг к Локк.

— Эта информация секретная, агент Локк.

Она отмахнулась от его возражений.

— Кэсси права. Женевьев похитили в знак протеста. Мы защищаем Кэсси, мы держим ее в этом доме, и он ответил нам. За четыре дня мы ни на шаг не приблизились к поимке этого монстра, и мы убьем Женевьев, если дадим ему повод.

Он убьет Женевьев из-за меня.

— Что вы предлагаете? — руководитель произнес эти слова как предупреждение, но Локк ответила, как будто вопрос был задан всерьез.

— Я предлагаю дать убийце именно то, чего он хочет. Мы допустим Кэсси к делу. Мы возьмем ее с собой и еще раз отправимся на место преступления.

— Вы действительно думаете, что она обнаружит то, что мы пропустили? — Локк извиняющееся посмотрела на меня.

— Нет, но я думаю, что если мы возьмем Кэсси на место преступления, убийца может последовать за нами.

— Мы не учим этих детей играть приманку, — резко сказал агент Бриггс.

Мистер Стерлинг перевел внимание с Локк на Бриггса.

— Вы обещали мне раскрыть три дела, — сказал он. — Уже почти конец года, а ваши Естественные раскрыли лишь одно.

Я могла почувствовать напряжение в комнате. Агент Бриггс не хотел рисковать одним из своих драгоценных Естественных. Руководитель был скептичен из-за мысли: стоили ли наши способности вложенных денег? Все возражения по поводу отправки семнадцатилетнего подростка на место преступления перевешивала возможность политического скандала.

Этот Н. О. выбрал дочь сенатора не случайно.

— Возьмите ее с собой в клуб, Бриггс, — проворчал руководитель. — Если кто-нибудь спросит — она свидетель. — Он повернулся ко мне. — Ты не должна делать этого, если не хочешь, Кассандра.

Я знала это. Я также знала, что хочу этого — и не только потому, что Локк могла быть права на счет того, что моего присутствия будет достаточно, чтобы выманить убийцу. Я не могла просто сидеть и наблюдать.

Поведение. Личность. Окружение. Виктимология. М. Д... Почерк.

Я была естественной — и как бы безумно это не звучало, у меня были отношения с этим Н. О... Если они отправят меня на место преступления, я смогу увидеть то, что другие упустили.

— Я поеду, — сказала я руководителю. — Но сделаю все по-своему.

В клуб «Муза» пускали только совершеннолетних. Алкоголь продавали лишь обладателям браслетов для двадцатиоднолетних. И все же, каким-то образом, Женеьев Ридгертон, которой не было ни восемнадцать, ни двадцать один, была немного навеселе, согласно допросам свидетелей, когда исчезла из клуба «Муза» тремя ночами ранее.

Мистер Стерлинг неохотно согласился на то, чтобы я привела с собой еще двух людей на место преступления, а затем устроил так, чтобы между мной и остальными была дистанция. В итоге, Бриггс и Локк были теми, кто сопровождал меня в клуб и они были теми, кто решил, кому из моих соседей по дому разрешено отправиться с нами.

Слоан перемещалась по периметру клуба, ища пути выхода и высчитывая количество посетителей, популярность группы, количество потребляемого алкоголя, а также дорогу до уборной.

Дин, Локк и я отслеживали последние шаги Женеьев.

— Две уборные. На дверях нет замков, — темные глаза Дина сканировали помещение с почти военной точностью.

— Женеьев была в очереди с подругой, — сказала нам Локк. — Подруга зашла в первый туалет, оставив Женеьев в очереди к другому. Когда подруга вышла, Женеьев не было в очереди. Подруга решила, что она во второй уборной и вернулась к бару. Больше она не видела Женеьев.

Я подумала о фото Женеьев, которое прислал Н. О., о Женеьев с синяками и с застывшей кровью на голове. Затем я вытолкнула эту картину из головы и заставила себя думать о событиях, которые привели к ее похищению.

— Окей, — сказала я. — Я Женеьев. Я немного пьяна, может сильно. Я, спотыкаясь иду сквозь толпу, жду в очереди. Моя подруга пошла в одну из уборных. Освободили другую, — я немного пошатывалась, повторяя движения девушки. — Я вошла в туалет. Может, я помню, что щеколда сломана. А может, нет.

Размышляя, я осмотрела комнату: унитаз, раковина, разбитое зеркало. Оно и было разбито до того, как Женеьев похитили? Или она разбила его? Я развернулась на триста шестьдесят градусов, обдумывая все это, и стараясь не обращать внимания на то, что уборные в клубе для совершеннолетних такие отвратительные. Пол был липким. Я даже не хотела смотреть на унитаз, а все стены были разрисованы граффити.

— Если ты забыла закрыть дверь, я могу войти вслед за тобой.

Спустя мгновение я поняла, что Дин говорит от лица убийцы. Он сделал шаг ко мне, дела маленькое пространство еще меньше. Я попыталась, но отступить было некуда.

— Прости, — сказал он, поднимая руки. Оставаясь Женеьев, я непроизвольно улыбнулась. В конце концов, это клуб, а он был очень симпатичным...

Секундой позже, Дин зажал мне рот рукой.

— Я мог бы усыпить тебя хлороформом.

Я вывернулась из его хватки, прекрасно понимая насколько близки наши тела.

— Ты не сделал этого.

— Нет, — согласился он, смотря мне в глаза.

На этот раз он обхватил рукой мою талию. Я прижалась к нему.

— Может я не слегка навеселе, — сказала я. — Может, я слишком пьяна.

Дин понял намек.

— Может я подсыпал что-то тебе в выпивку.

— От уборной до ближайшего запасного выхода пять футов, — Слоан произнесла это наблюдение, стоя около двери в уборную. Очевидно, ей не хотелось присоединиться к нам в тесной и отвратительно комнатке.

Затем пришла агент Локк.

— У нас есть свидетель, который мог видеть, как Женеьев входила в уборную, — сказала она. — Но никто не видел, как она вышла.

Учитывая, что Женеьев вероятно была не единственным пьяным человеком в клубе «Муза», я не была удивлена. Было страшно подумать, как легко можно было вывести девочку под кайфом из туалета, по коридору и выйти с ней.

— Девять секунд, — сказала Слоан. — Даже если идти, пошатываясь, как Женеьев, расстояние между уборной и ближайшим выходом достаточно маленькое, чтобы кто-нибудь мог вывести ее отсюда за девять секунд.

Ты выбрал Женеьев. Ты ждал подходящего момента. Тебе нужно лишь девять секунд.

Этот Н. О. был дотошным. Планировщик.

«Ты не делаешь ничего просто так, — думаю я. — И причина, по которой ты украл эту девочку это я».

— Ладно, детишки, игры закончились, — агент Локк мелькала на заднем плане, позволяя нам работать, но очевидно, у нее был график. — Как бы то ни было, я пришла к тому же выводу, что и вы. У двух предыдущих жертв обнаружили следы ГОМК^[8] в крови. Н. О. скорее всего подсыпал что-то в выпивку Женеьев и увел ее через черный выход, ни с кем не встретившись.

С опозданием, я поняла, что Дин все еще держал меня за талию. Спустя секунду, он должно быть тоже понял это, потому что убрал руку и сделал шаг назад.

— Есть следы Н. О. снаружи? — спросил он.

Было легко забыть, что я здесь не в качестве профайлера. Я была здесь как приманка, и ФБР надеялись, что я приведу убийцу прямо к ним.

— Агенты в штатском ходят по улице, как мы и говорили, — сказала нам Локк. — Под видом волонтеров раздают листовки и ищут людей, у которых может быть информация об исчезновении Женеьев.

Дин прислонился к стене.

— Но вы составили список агентов?

Локк кивнула.

— Всех. Я даже установила камеры, чтобы Лиа и Майкл могли проанализировать каждого, кто приходит.

Похоже, Локк не просила разрешения у руководителя, чтобы вовлечь естественных в это расследование.

Она убрала прядь волос с лица.

— Кэсси, нам нужно чтобы ты осмотрелась на улице. Я должна была бы дать тебе листовки, если бы мы могли сделать это, но даже я не могу держать Бриггса настолько далеко.

Я попыталась представить себя на месте Н. О... Он хотел выманить меня из дому, и у него получилось. Он хотел втянуть меня в это дело, и теперь я стояла в центре места преступления.

— Ты проверила все, что хотела? — спросила меня агент Локк.

Я посмотрела на Дина, который все еще держался на расстоянии.

Ты хотел втянуть меня в это дело. Ты все делаешь по веской причине.

Причина, по которой ты украл эту девочку — я.

— Нет, — я не объяснила ничего агенту Локк. У меня не было объяснений. Но в душе знала, что мы не можем уйти. Если это было частью плана Н. О., если он хотел, чтобы я пришла сюда...

— Мы что-то упустили.

Н. О. ожидал, что я увижу что-то. Что-то я должна была найти, то, что имело смысл для меня.

Медленно, я развернулась на триста шестьдесят градусов, чтобы снова все осмотреть. Я посмотрела под раковину. Осторожно, я провела пальцами по краям разбитого зеркала.

Ничего.

Автоматически я посмотрела на граффити на стенах. Инициалы и сердца, проклятия и оскорбления, пошлости, тексты песен...

— Здесь, — одна строчка текста бросилась мне в глаза. Сначала я даже не прочитала слова. Все, что я видела, это буквы: не курсив, но и не печатные, такой же ровный почерк, как на открытках в черных коробках.

ЧТОБЫ ПРОВЕСТИ ХОРОШО ВРЕМЯ

Предложение оборвалось. В отчаянии я провела пальцем по стене, читая надписи, ища такой же почерк.

ЗВОНИ 567-3524. ГАРАНТИРУЮ

Номер телефона. Мое сердце пропустило удар, но я приказала себе продолжать: вверх и вниз по стене уборной, ища еще одну строчку.

Еще один ключ.

Я нашла это возле зеркала.

ПЛЮС ОДИН. КОЛА И ТОРН.

Кола и Торн? Чем больше я читала, тем больше сообщение Н. О. звучало как тарабарщина.

— Кэсси? — агент Локк прочистила горло. Я проигнорировала ее. Тут должно быть больше. Я начала сверху и снова просмотрела все граффити. Когда я была уверена, что больше ничего нет, я вышла из ванной подышать свежим воздухом. К Локк, Дину и Слоан присоединился агент Бриггс.

— Нам нужно, чтобы ты осмотрела все снаружи, Кэсси, — агент Бриггс явно произнес это как приказ.

— Н. О. не здесь, — сказала я им.

ФБР думаю, что приведя меня сюда, они поставят ловушку для моего убийцы, но они ошиблись. Н. О. был тем, кто поставил ловушку.

— Мне нужна ручка, — сказала я.

Спустя несколько секунд, Бриггс дал мне ее.

— Листок?

Он достал блокнот из кармана пиджака и дал его мне.

— Н. О. оставил нам послание, — сказала я, но имела в виду, что он оставил послание мне.

Я написала слова на листке, затем протянула ее Бриггсу.

— Чтобы хорошо провести время, звони 567-354. Гарантирую плюс один. Кола и Торн, — Бриггс перевел глаза с листка на меня. — Ты уверена, что это от Н. О.?

— Почерк как на открытках, — сказала я ему. То, как мое имя было написано на них, застряло в моей голове. — Я уверена.

Для них открытки были доказательством. Но для меня они были личным. Даже не задумываясь, я потянулась за сотовым.

— Что ты делаешь? — спросил меня Дин.

Я сжала губы.

— Набираю номер.

Никто не остановил меня.

— Извините, но набранный номер не обслуживается. Пожалуйста, попробуйте позвонить снова позже.

Я повесила трубку, посмотрела в пол, затем покачала головой.

— Нет кода города, — сказала Слоан. — Мы думаем это округ Колумбия? Вирджиния? Мэрилэнд? Одиннадцать возможных кодов в радиусе ста миль.

— Старманс, — агент Бриггс сразу позвонил агентам. — Я продиктую номер телефона. Мне нужно, чтобы вы позвонили на него, используя каждый код города на расстоянии трех часов езды от этого города.

— Могу я посмотреть твой телефон? — просьба Слоан отвлекла меня от разговора Бриггса. Неуверенная в том, чего она хочет, я протянула ей телефон. Она уставилась на него, ее губы быстро двигались, но не издавали ни звука. Наконец она посмотрела вверх. — Это не номер телефона, или, по крайней мере, не тот, на который ты думала позвонить.

Я ожидала объяснений. Она ответила.

— 567-3524. На сотовом 5, 6, 3, 2 и 4 каждая соответствует трем буквам на клавиатуре. 7 это номер из 4 букв: Ф, Х, Ц и Ч. Это 2960 возможных комбинаций семи букв номера 567-3524.

Я подумала, что Слоан будет долго проверять 2960 возможных комбинаций.

— Лорелай.

— Что? — имя моей мамы, произнесенное вслух, было как ведро холодной воды, которое мне вылили на голову.

— 567-3524 это номер, который соответствует имени Лорелай. Также подходят топ-карт, это-флаг, и Хосе-зуб, но единственное слово из семи букв, это...

— ...Лорелай, — закончила я вместо Слоан и поменяла слово в послании.

Чтобы хорошо провести время, звони Лорелай. Гарантирую плюс один. Кола и Торн.

— Плюс один, — прочитал Дин, заглядывая мне за плечо. — Ты думаешь, что Н. О. пытается сказать нам, что у нас в руках другая жертва?

Чтобы хорошо провести время, звони Лорелай.

Теперь у меня было железное доказательство того, что это дело связано с моей мамой. Вот почему Н. О. хотел, чтобы я приехала сюда. Он оставил это послание мне, в комплекте с

«гарантирую плюс один». Тот, на кого Н. О. уже напал? Тот, на кого он собирался напасть?

Я не была уверена. Все, что я знала, так это то, что если я не выясню это, если мы не выясним это, то кто-то умрет.

«Женевьев Ридгертон. Плюс один. Сколько людей еще ты убьешь из-за меня?» — спросила я тихо.

Не было ответа на этот вопрос, просто осознание того, что все идет так, как задумал Н. О... Каждое мое открытие было частью танца. Я играла роль.

Не в силах остановить себя, я вернула свое внимание к последней строчке послания.

Кола и Торн.

— Символизм? — спросил меня Дин. — Кола. Кока-кола. Напиток. Торн. Роза. Кровь...

— Анаграмма? — у Слоан был отсутствующий взгляд, как в тот раз, когда я впервые встретила ее сидящей на коленях среди осколков стекла. — Торн — норт, кола — окла.

— Норт Окланд, — прервал Дин. — Это в Арлингтоне.

Чтобы хорошо провести время, звони Лорелай. Гарантирую плюс один. Норт Окланд.

— Нам нужен список всех крупных зданий в Норт Окланде, — сказала я, мое тело вибрировало от прилива адреналина.

— Что мы ищем? — спросил меня Бриггс.

У меня не было ответа — может это склад или заброшенный дом. Я пыталась сфокусироваться, но не могла избавиться от имени мамы, и неожиданно поняла, что если убийца знал меня настолько хорошо, насколько думает, то здесь была другая подсказка.

Чтобы хорошо провести время, звони Лорелай.

Гардеробная. Кровь. Я сглотнула.

— Я не уверена, — сказала я. — Но думаю, мы ищем театр.

— У нас есть тело в маленьком, независимом театре в Арлингтоне, — пальцы агента Бриггса впились в ладони, пока он говорил новости, но он боролся с желанием сжать их в кулаки. — Это не Женестье Ридгертон. — Я не знала, расстраиваться мне или вздохнуть с облегчением. Где-то пятнадцатилетняя Женестье была еще жива. Но сейчас мы имели дело с телом номер восемь.

«Плюс один» нашего Н. О.

— Старманс, Вэнс, Брукс: я хочу, чтобы вы трое отвезли детей домой. Я хочу, чтобы один из вас следил за входной дверью, другой за черным входом, а третий все время был с Кэсси. — Агент Бриггс развернулся и направился к выходу из клуба, что было сигналом для остальных: он был уверен — мы выполним его приказы, и ему не нужно оставаться здесь, чтобы проследить за этим.

Мне не были нужны здесь Лиа или Майкл, чтобы сказать, что эта уверенность напускная.

— Я пойду с вами, — сказала я, следуя за ним. — По той же логике, по которой вы позволили мне приехать сюда, относится и к Арлингтону. Н. О. превратил это в охоту за сокровищами. Он хочет, чтобы я прошла это до конца.

— Мне плевать на то, чего он хочет, — прервал Бриггс. — Я хочу обезопасить тебя.

Его тон был бескомпромиссным и полным тревоги, но я не могла удержаться от вопросов.

— Почему? Потому что я ценная? Потому что естественные работают лучше как команда, и вам бы не хотелось менять это?

Агент Бриггс сократил расстояние между нами и его лицо оказалось перед моим.

— Ты действительно так думаешь? — спросил он тихо. — Я амбициозный. Я уверен в себе. Я целеустремленный, но ты действительно думаешь, что я осознанно подвергну любого из вас опасности?

Я вспомнила нашу первую встречу. Ручку без колпачка. Его предпочтение баскетбола гольфу.

— Нет, — сказала я. — Но мы оба знаем, что это дело мучает вас. Оно мучает Локк, а теперь в это втянута дочь сенатора. Если бы не я, вы бы не отправили кого-нибудь проверить театр. Мы бы не знали о теле несколько часов, может дней — и кто знает, что делает наш Н. О. с Женестье в это время. Если вы больше не хотите использовать меня в качестве приманки, ладно. Но вам нужно взять меня с собой. Вам нужно взять с собой всех троих, потому что мы можем увидеть то, что вы не можете.

Это было причиной, по которой Бриггс затеял программу естественных. Причина, по которой он обратился к двенадцатилетнему Дину. Неважно, как долго они работают над этим, или как много тренировались, эти агенты никогда не отточат инстинкты до нашего уровня.

— Позволь ей поехать, — голос Локк был таким же низким, как у Бриггса. Она положила руку на его плечо, и впервые, я подумала, было ли что-нибудь между этими двумя кроме работы. — Если Кэсси достаточно взрослая, чтобы играть приманку, тогда она созрела и для реального опыта, — Локк осмотрела комнату, взглянув на Слоан и Дина. — Они все созрели.

Сорок пять минут спустя, мы ехали по адресу 4587 улица Норт Окленд. Местная полиция уже прибыла на место, но по настоянию ФБР они ничего не трогали. Дин, Слоан и я ждали в машине с агентами Стармансом и Вэнсом, пока местные копы не очистили место преступления, а потом отвели нас на третий этаж.

В этом крошечном театре была одна гардеробная. Я была на полпути туда, когда агент Бриггс вышел из комнаты, блокируя вход.

— Тебе не стоит видеть это, Кэсси, — сказал он.

Я могла почуять это — не гниль, пока нет, но запах меди. Я протиснулась мимо Бриггса. Он пропустил меня.

Комната была прямоугольной. Выключатель был забрызган кровью, и была размазана возле двери. Вся левая часть комнаты была выстлана зеркалами, как танцевальная студия.

Как гардеробная моей мамы.

Мои конечности потяжелели. Мои губы онемели. Я не могла дышать, и сразу вспомнила...

Дверь приоткрыта. Я толкнула ее. Было что-то мокрое под моими ногами, и запах...

Я начала на ощупь искать выключатель. Мои пальцы коснулись чего-то теплого и липкого на стене. В отчаянии, я продолжила нащупывать выключатель...

Не включай. Не включай. Не включай.

Я включила.

Я стояла в крови. Кровь была на стенах, на моих руках. Сломанная лампа валяется на полу. Стол перевернут, на полу царапины.

От ножа.

Давление на мои плечи заставило меня прекратить вспоминать. Руки. Руки Дина, поняла я. Его лицо было очень близко.

— Соберись, — сказал он, ее голос был теплым и твердым. — Каждый раз, когда ты возвращаешься сюда, каждый раз, когда видишь это — это просто кровь, просто место преступления, просто тело, — он опустил руки по бокам. — Это все, что есть, Кэсси. Все, что ты можешь видеть.

Я задавалась вопросом, а какое воспоминание он переживал снова и снова? Думала о телах и крови. Но прямо сейчас, в этот момент, я была просто рада, что он здесь, и что я не одинока.

Я последовала его совету. Я заставила себя посмотреть на зеркало, измазанное кровью. Я могла разобрать отпечатки ладоней, пальцев, как будто жертва использовала зеркало, чтобы подняться с пола, потому что была слишком слаба, чтобы идти.

— Время смерти вчера вечером, — сказал Бриггс. — У нас будут результаты судебно-медицинской экспертизы, если они вдруг найдут другие отпечатки кроме тех, что оставила жертва на зеркале.

— Это не ее кровь.

Я взглянула на Слоан и поняла, что она сидела на коленях возле трупа. Впервые я посмотрела на жертву. Ее волосы были рыжими. Очевидно, ее ударили несколько раз.

— Судмедэксперт скажет вам то же самое, — продолжила Слоан. — Рост этой женщины пять футов, а вес примерно сто десять фунтов^[9]. Учтя ее размер, мы увидим смерть от потери трех литров крови, может меньше. Она одета в джинсы и кашемировый топ. Кашемир — и другие виды шерсти — могут впитывать тридцать процентов влаги от их

веса, даже не становясь влажными. Поскольку самые глубокие раны на животе и груди, а ее топ и джинсы прилегают к телу, то кровь бы просочилась через ткань и растеклась по всему полу.

Я посмотрела на одежду женщины. Конечно же, она была пропитана кровью.

— К тому времени, ее одежда пропиталась достаточно, чтобы осталась лужа на полу вон там, — Слоан указала на дверь, — наша жертва была без сознания, и не могла сопротивляться, не говоря уже о веселенькой погоне по комнате. Она слишком маленькая, у нее не так много крови, а куски ткани на ней достаточно быстро пропитались кровью, но расчеты не складываются.

— Она права, — агент Бриггс сел на колени. — Тут царапины от ножа на полу. Если это бы сделали окровавленным ножом, то в царапинах осталась бы кровь, но ее нет. Это значит, что либо Н. О. промахнулся на первой попытке — что маловероятно, учитывая ее размер и факт, что у него был элемент неожиданности — либо он сознательно сделал эти царапины чистым ножом.

Я встала на место жертвы. Она была на восемь или девять дюймов ниже моей мамы, но это не значит, что она не могла сопротивляться. Но даже если Н. О. напал на нее таким же образом, то есть шанс, что место преступления выглядит так же, как гардеробная моей мамы? Зеркала на стене, кровь на выключателе, темная липкая жидкость у двери.

Что-то здесь было не так.

— Она левша.

Я посмотрела на Дина.

— Жертва носила часы на правой руке, а ее лак немного отслоился на левой, — сказал он. — Твоя мама была левшой, Кэсси?

Я покачала головой и подумала, к чему он вел.

— Они не сопротивлялись тем же образом, — сказала я.

Дин кивнул в знак согласия.

— Во всяком случае, мы ожидали капель на стене, — он указал на стену напротив зеркал. Она была чиста.

— Н. О. убил ее не здесь, — Локк была первой, кто произнес это вслух. — Вокруг тела практически нет крови. Она была убита в другом месте.

Ты убил ее. Ты притащил ее сюда. Ты размазал кровь по комнате.

— Чтобы хорошо провести время, звони Лорелай, — пробормотала я.

— Кэсси? — агент Локк подняла бровь. Я ответила на вопрос, который скрывался за приподнятой бровью.

— Она просто реквизит, — сказала я, смотря на женщину и жалея, что не знаю ее имени, и рассматривая черты ее лица. — Это постановка. Все подставлено так, чтобы быть похожим на смерть моей мамы. Прямо вот так, — мой желудок резко скрутило.

— Ладно, — сказала агент Локк. — Я убийца. Я помешан на тебе, и на твоей матери. Может она была моей первой жертвой, но на этот раз, это не касается твоей мамы.

— Дело в тебе, — Дин подхватил речь агента Локк. — Я не пытаюсь пережить заново ее убийство. Я пытаюсь заставить тебя пережить момент, когда ты обнаружила ее.

Н. О. хотел, чтобы я приехала сюда. Подарки, скрытые послания, а теперь это — инсценировка смерти моей мамы.

— Бриггс, — один из его агентов — Старманс — встал в дверях. — Судмедэксперт и его команда здесь. Вы хотите, чтобы я их задержал?

Бриггс посмотрел на Дина, на меня, а затем на Слоан, все еще сидя на коленях возле трупа. Мы были осторожны и не касались ничего на месте преступления, но уход трех подростков в середине расследования точно не скрыть. Бриггс, Локк и их команда, очевидно, знали о нас, но я не была уверена, что остальные в ФБР были в курсе, что Бриггс подтвердил, когда посмотрел на Старманса и Локк.

— Выведи их отсюда, Старманс, — сказал Бриггс. — Я хочу, чтобы ты, Брукс и Вэнс обдумали план защиты Кэсси. Мистер Стерлинг предоставил своих лучших людей для наблюдения. Они не сведут глаз с дома снаружи, но я хочу, чтобы один из вас был с Кэсси все время, и скажи Джадду, что домашний арест остается в силе. Никто не покинет этот дом, пока убийцу не поймают.

Я не оспорила приказ.

Я не сопротивлялась, желая остаться в комнате в поисках подсказок. Их там не было. Он никогда не подсказывал мне, как узнать, кем он был. Он всегда играл со мной, заставляя меня пережить худший день в моей жизни.

Слоан обняла меня за талию.

— Есть четырнадцать видов объятий, — сказала она. — Это один из них.

Локк положила руку мне на плечо, выводя нас обеих из комнаты. Дин шел за нами.

Это игра, сказал голос Дина в моей голове. Это всегда игра. Это то, что он сказал Майклу, и тогда я была согласна с ним. Для убийцы, это было игрой — и я не могла отвязаться от мысли, что в этот раз хорошие ребята не выигрывают.

Мы можем проиграть. Я могу проиграть.

Мне не разрешали войти в дом, пока Джадд и агенты детально не обсудили план моей защиты, и даже тогда агент Старманс сопровождал меня в спальню.

— Ты в порядке? — спросил он, искоса смотря на меня.

— Все нормально, — ответила я. Это был стандартный ответ, который бы подошел на воскресном семейном ужине. Я боец. Чего бы жизнь ни подстроила, я выходила сухой из воды, и остальные думали, что я в порядке. Я притворялась так долго, что забыла, каково быть настоящей, но вспомнила, проведя последние несколько недель со Слоан, Майклом, Дином и Лией.

— Ты сильная, — сказал мне агент Старманс.

Я была не в настроении говорить, и особенно не в настроении выслушивать утешения. Все, чего я хотела, так это побыть одной и обдумать все, восстановить силы.

— Вы в разводе, — ответила я. — Уже четыре года, может пять. Достаточно давно, чтобы вы могли двигаться дальше.

Обычно я следовала правилу не использовать то, что я узнала о людях как оружие, но мне нужно пространство. Мне нужно *дышать*. Я встала и подошла к окну. Агент Старманс прочистил горло и взглянул на меня.

— Как вы думаете, что Н. О. собирается делать? — спросила я устало. — Пристрелить меня из снайперской винтовки?

Не этот убийца. Он хотел быть рядом, присутствовать лично. Вам не нужно быть профайлером, чтобы понять это.

— Почему бы тебе не дать бедному агенту передышку, Колорадо? Я абсолютно уверен, что заставлять взрослых мужчин плакать специализация Лии, а не твоя, — Майкл не потрудился постучаться, прежде чем войти и одарить агента Старманса своей самой очаровательной улыбкой.

— Я никого не заставляю плакать, — возразила я.

Майкл перевел взгляд на меня.

— Под твоим видом «зла-из-за-того-что-они-не-хотят-оставить-меня-в-покое-и-даже-больше-зла-из-за-того-что-на-самом-деле-боюсь-остаться-одна», я увидел толику вины, и подумал, что ты сказала что-то плохое, и теперь чувствуешь себя подлой, используя свои способности во зло, а он, — Майкл кивнул в сторону агента Старманса, — борется с желанием опустить уголки губ и нахмурить брови. Мне не нужно говорить вам, что это значит?

— Пожалуй, не стоит, — пробормотал агент Старманс.

— Конечно, есть еще поза, которая выдает определенный уровень сексуальной неудовлетворенности.

Агент Старманс сделал шаг вперед. Он возвышался над ним, но Майкл продолжал улыбаться не останавливаясь.

— Ничего личного.

— Я буду в коридоре, — сказал агент Старманс. — Не закрывайте дверь.

У меня заняло мгновение после того, как агент ушел, чтобы понять, что Майкл выгнал его по причине.

— Ты действительно прочитал его позу? — прошептала я.

Майкл опустил голову, на его лице была восхитительная коварная улыбка.

— В отличие от тебя, у меня не возникает проблем с использованием своих способностей для гнусных целей, — он поднял руку и провел большим пальцем по моей верхней губе и щеке. — У тебя что-то написано на лице.

— Лжец.

Он провел пальцем по другой моей щеке.

— Я никогда не лгу о лицах красивых девушек. В твоём столько напряжения, что я должен спросить: мне стоит беспокоиться о тебе?

— Я в порядке, — сказала я.

— Лгунья, — прошептал Майкл в ответ.

На секунду я почти забыла все то, что произошло сегодня: Женевьев Ридгертон, скрытое послание на стене в уборной, то, как Н. О. разделался с женщиной, чтобы инсценировать смерть моей мамы, факт того, что все эти действия убийца разработал, чтобы управлять мной.

— Ты снова делаешь это, — сказал Майкл, и на этот раз он провел средним и указательным пальцем по линии моей челюсти.

В коридоре, агент Старманс сделал еще шаг назад. И еще один, пока почти не исчез с поля зрения.

— Ты касаешься меня, чтобы ему было неловко? — спросила я Майкла, делая голос пониже, чтобы агент не подслушал.

— Не *только*, чтобы ему было неловко.

Мои губы дрогнули. Даже намек на улыбку чувствовался странным на моем лице.

— А теперь, — сказал Майкл, — ты расскажешь мне, что сегодня произошло или придется вытрясти это из Дина?

Я подняла брови. Майкл исправил свое предыдущее заявление.

— Ты расскажешь мне, что сегодня произошло или придется просить Лию вытрясти это из Дина?

Зная Лию, ей уже удалось разузнать хотя бы половину истории, и с моей удачей, уверена, что она перескажет ее Майклу, приукрасив. Будет лучше, если он услышит это от меня, так что я начала с клуба «Муза» и послания на стене уборной, и не останавливалась, пока не рассказала ему о месте преступления в Арлингтоне и его сходстве с убийством моей мамы.

— Ты думаешь, что сходство было намеренным, — сказал Майкл.

Я кивнула. Майкл не просил меня объяснить подробнее, и я поняла, сколько наших разговоров проходило в тишине, с ним, читающим мои эмоции и мной, знающей, что он ответит.

— В теории Н. О. сделал это все для меня, — сказала я, наконец. — Речь не о том, что он заново переживает убийство. А чтобы заставить *меня* пережить это.

Майкл посмотрел на меня.

— Повтори-ка второе предложение.

— Речь не о том, что он заново переживает убийство, — повторила я.

— Вот, — сказал Майкл. — Каждый раз, когда ты говоришь *переживает убийство*, ты наклоняешь голову немного вправо. Это как будто ты качаешь головой, или сомневаешься, либо... *что-то*.

Я открыла рот, чтобы сказать ему, что он ошибается, что он прочитал слишком много в

одном предложении, но я не могла произнести слова, потому-что он был прав. Я не знала, почему я чувствовала себя так, как будто что-то упустила, но это так. Если Майкл видел намек на это в моем лице...

Может мое тело знало что-то.

— Дело не в том, что Н. О. заново переживает убийство, — сказала я снова. Это была правдой. Я знала, что это так. Но теперь, когда Майкл указал на это, я чувствовала, что мое нутро говорит мне, громко и ясно, что это не вся правда.

— Я что-то упускаю, — ужас на месте преступления был знакомым. Чуть ли не слишком знакомым. Какой тип убийц так точно помнит детали места преступления? Брызги, кровь на зеркалах и выключателе, царапины от ножа на полу...

— Скажи мне, о чем ты думаешь, — слова Майкла проникли в мои мысли. Я сосредоточилась на его карих глазах. Краем глаза я заметила, что агент Старманс потихоньку возвращается к двери. Он подслушивал? Он *пытался* подслушать нас?

Майкл положил ладонь мне на шею. Он притянул меня к себе. Когда агент Старманс заглянул в комнату, все, что он увидел, это меня и Майкла.

Целующихся.

Поцелуй в бассейне был ничем, по сравнению с этим. Наши губы едва касаются. Теперь мои губы открыты. Наши рты соединились. Его рука путешествовала вниз по моей шее к нижней части спины. Мои губы дрожали, и я вся утонула в поцелуе, прижимая мое тело к нему, пока не почувствовала его тепло в моих руках, на груди, на животе.

На каком-то уровне я знала, что агент Старманс отступил назад к лестнице, оставив меня наедине с Майклом. На каком-то уровне, я знала, что сейчас не время для поцелуев и для эмоций, которые я испытывала, смотря на Майкла. Я услышала, как кто-то приближается по коридору.

Мои пальцы сжались. Я впилась в его футболку, запуталась в волосах. А затем, наконец, поняла, что я делаю. Что мы делаем.

Я отстранилась, но затем заколебалась. Майкл убрал руки с моей спины. На его лице была мягкая улыбка, в его глазах удивление. Это был Майкл без масок. Это были Майкл и я — и Дин, стоящий у входа.

— Дин, — я заставила себя не пятиться назад, и не отклоняться от Майкла. Я не поступлю так с ним. Этот поцелуй мог начаться как отвлечение, или он воспользовался моментом, но я ответила на поцелуй, и не собиралась отворачиваться, и заставлять его чувствовать, что это ничего не значило, просто потому что в дверях стоял Дин, и между нами тоже было что-то.

Майкл никогда не делал секрета из того, что ухлестывает за мной. А Дин боролся с симпатией, которую чувствовал ко мне.

— Нам нужно поговорить, — сказал Дин.

— Что бы ты ни хотел сказать, — протянул Майкл, — можешь сказать это при мне.

Я взглянула на Майкла.

— Что бы ты ни хотел сказать, ты можешь сказать это при мне, если только Кэсси не желает поговорить с тобой наедине, в этом случае я полностью уважаю ее право на это, — поправился Майкл.

— Нет, — сказал Дин. — Остайся. Я не против.

Он не звучал довольным, и если я понимала это, то не хочу знать, как легко было Майклу, увидеть то, что чувствовал Дин.

— Я принес тебе это, — сказал Дин, протягивая папку. Сначала я подумала, что это было дело нашего Н. О., но потом увидела надпись на папке. Лорелай Хоббс.

— Дело моей матери?

— Локк дала мне копию, — сказал Дин. — Она думает, там может быть что-то, и она была права. Нападение на твою маму было плохо спланировано. Оно было эмоциональным. Оно было беспорядочным. И то, что мы видели сегодня...

— Не было похоже на все это, — закончила я. Дин просто выразил словами чувство, которое я была готова разъяснить Майклу. Убийца мог расти и меняться, их МД может развиваться, но эмоции, гнев, нервозность — это просто не уходит. Тот, кто напал на мою маму, был слишком охвачен адреналином, чтобы восстановить сцену в мелочах по памяти.

Лицо, ответственное за кровь в гардеробной моей матери пять лет назад, не было бы в состоянии восстановить сегодня ее убийство так хладнокровно.

Дело не в том, что Н. О. заново переживает убийство.

— Даже если я эволюционирую, — сказал Дин, — даже если я стал хорош в том, что делаю — увидев тебя, Кэсси, увидев твою маму в тебе, я взбесился, — Дин вытащил фото места преступления моей матери из папки. Затем он положил второе фото с сегодняшнего места преступления рядом с этим. Глядя на два фото бок о бок, я приняла то, что мое нутро говорило мне, что Дин говорил мне.

«Если ты был тем, кто убил мою маму, — сказала я Н. О., — если каждая женщина которую ты убил, это способ пережить тот момент, не значит ли ее смерть что-то для тебя? Как ты можешь восстановить сцену, и не потерять контроль?»

Н. О., ответственный за труп, что я видела сегодня, был дотошным. Точным. Тип, который должен всегда все контролировать и иметь план.

У человека, который убил мою маму, не было ни одного из этих качеств.

«Как это вообще возможно?» — задавалась я вопросом.

— Посмотрите на выключатели.

Я обернулась. Слоан была непосредственно позади меня, смотрела на фотографии. Лиа вошла в комнату через мгновение.

— Я позаботилась об агенте Стармансе, — сказала она. — Каким-то чудом у него сложилось впечатление, что он срочно нужен на кухне. — Дин сердито взглянул на неё. — Что? — сказала она. — Я думала, что Кэсси, возможно, хочет побыть одна.

На самом деле я не думала, что пять человек вместе означает «побыть наедине», но я слишком заиклилась на словах Слоан, чтобы придирается к Лие.

— Почему я должна посмотреть на выключатель?

— Там один мазок крови на выключателе и отпечатки на обеих фотографиях, — сказала Слоан. — Но на этом, — она указала на фото сегодняшней сцены, — кровь на верхней части выключателя. А на этом внизу.

— И перевод для тех из нас, кто не тратил часы, работая над физическим моделированием в подвале? — спросила Лиа.

— На одной из фотографий выключатель был испачкан кровью, когда кто-то окровавленными руками выключил его, — сказала Слоан. — Но на другом это произошло, когда свет включили.

Мои пальцы касаются чего-то теплого и липкого на стене.

Отчаянно, я ищу выключатель. Мои пальцы находят его. Меня не волнует, что они покрылись теплой, влажной жидкостью. Я. Должна. Включить. Его.

— Я включила свет, — сказала я. — Когда я вернулась в мамину гардеробную, кровь была на моих руках, когда я включила свет.

Но если был только один мазок крови на выключателе, и этот отпечаток крови был от моей руки...

Убийца моей матери не знал этого.

Единственные люди, которые знали о крови на выключателе, были те, кто видел место преступления после того, как я вернулась в гардеробную. После того, как я включила свет. После того, как я случайно испачкала выключатель в крови.

И все же, наш Н. О., который тщательно воссоздал сцену убийства моей матери, включил эту деталь.

«Ты не переживаешь заново убийство, — подумала я, позволяя себе, наконец, дать жизнь словам, — потому что ты не был тем, кто убил мою маму».

Но кем еще мог быть этот преступник, который заиклен на моей маме, на мне? Моя память восстанавливала все события дня.

Подарок, который он послал мне, но на имя Слоан.

Женевьев Ридгертон.

Сообщение на стене уборной.

Театр в Арлингтоне.

Каждая деталь была запланирована. Этот убийца знал точно, что я буду делать на каждом шагу по пути, но не только я. Он знал, что все из нас будут делать. Он знал, что отправка посылки Слоан была его лучшим шансом доставить её мне. Он знал, что Бриггс и Локк сдадутся и отвезут меня на место преступления. Он знал, что я бы нашла послание, и что кто-то расшифрует его. Он знал, что мы найдем театр в Арлингтоне, что агенты позволят мне увидеть его.

— Код, — сказала я вслух. Все посмотрели на меня. — Н. О. оставил сообщение для меня, но я не смогла бы расшифровать его. Не в одиночку, — если убийца был так настроен, чтобы вынудить меня пережить убийство моей мамы, то зачем оставлять сообщение, которое я не смогла бы понять?

Убийца знал, что Слоан будет там? Он ожидал, что она его расшифрует? Знал ли он, что она могла сделать это?

А если он...

«Ты знаешь о деле моей мамы. Что если ты знаешь о программе тоже?»

— Лиа, помада, — я пыталась выровнять свой голос, пыталась не позволить панике в моей груди вырваться на поверхность. — Помада Красная Роза — где ты её взяла?

Несколько дней назад, это казалось правдоподобным: жестокая ирония, но не более того. Теперь...

— Лиа?

— Я сказала тебе, — ответила Лиа. — Я купила её.

Я не распознала ложь в первый раз.

— *Где ты её взяла, Лиа?*

Лиа открыла рот, чтобы выпустить воздух, затем закрыла его снова. Ее глаза изучали меня.

— Это был подарок, — тихо сказала она. — Я не знаю от кого. Кто-то оставил косметичку на моей кровати на прошлой неделе. Я просто предположила, что это фея визажист, — она сделала паузу. — Честно говоря, я думала, что это может быть от Слоан.

— Я не крада косметику месяцами, — глаза Слоан расширились.

Мой желудок сжался. Был шанс, что Н. О. знал о программе.

Единственные люди, которые были в состоянии восстановить место преступления моей мамы так точно, единственные люди, которые знали о крови на выключателе, были те, кто имел доступ к фотографиям с места преступления.

И кто-то оставил тюбик любимой помады моей матери на кровати Лии.

В нашем доме.

— Кэсси? — Лиа была первой, кто нарушил тишину. — Ты в порядке? А то выглядишь... не очень хорошо.

Я готова была поспорить, что это предел вежливости Лии.

— Мне нужно позвонить агенту Бриггсу, — сказала я и остановилась. — У меня нет его номера.

Дин достал телефон из кармана.

— В моих контактах лишь четыре номера, — сказал он. — Бриггс один из них.

Остальными были Локк, Джадд и Лиа. Мои руки тряслись, пока я набирала агента Бриггса.

Нет ответа.

Я позвонила Локк.

Пожалуйста, ответьте. Пожалуйста, пожалуйста.

— Дин? — как и агент Бриггс, Локк не говорила «алло».

— Нет, — ответила я. — Это я.

— Кэсси? Все в порядке?

— Нет, — сказала я. — Не в порядке.

— Ты одна?

— Нет.

Локк должно быть уловила что-то в моем голосе, потому что она переключилась в режим «агента» за мгновение.

— Ты можешь говорить прямо?

Я слышала шаги в коридоре. Агент Старманс открыл дверь не постучав, посмотрел прямо на Лию, затем встал прямо за дверью.

— Кэсси, — сказала Локк резко, — ты можешь говорить?

— Я не знаю.

Я не знаю ничего, за исключением того факта, что была возможность того, что убийца был в нашем доме — из всего что я знала, убийца мог быть в доме прямо сейчас. Если Н. О. имел доступ к файлам ФБР, если он имел доступ к нам...

— Кэсси, ты должна внимательно меня слушать. Повесь трубку. Скажи остальным, что я в процессе одного дела, и буду у дома так быстро, как смогу. Затем возьми телефон, отправься в ванную и перезвони мне.

Я сделала то, что она сказала. Я повесила трубку. Я повторила ее слова остальным — и агенту Стармансу, который стоял за дверью.

— Что она сказала? — спросила Лиа, ее глаза сосредоточились на моем лице, готовая сдать меня в тот момент, когда я солгу.

— Она сказала: «Я в процессе одного дела, и буду у дома так быстро, как смогу».

Технически, агент Локк сказала именно эти слова. Я не вралась — и надеялась, что Лиа не заметит ни капельки признаков того, что я скрываю часть правды.

— Ты в порядке? — спросил Дин.

— Мне нужно в ванную, — сказала я, надеясь, что они не поймут это как сигнал о том, что я не в порядке. Я вышла из комнаты, даже не посмотрев Майклу в глаза.

Когда я закрыла дверь ванной за собой, то тут же заперла ее. Я включила воду и

перезвонила Локк.

— Я одна, — сказала я мягко, позволяя звуку текущей воды скрыть мои слова от всех, кроме нее.

— Отлично, — сказала Локк. — Теперь вздохни глубоко. Успокойся. И скажи мне, что случилось.

Я рассказала ей. Она ругнулась себе под нос.

— Ты звонила Бриггсу? — спросила она.

— Я пыталась, — сказала я. — Он не поднимает трубку.

— Кэсси, я должна рассказать тебе кое-что, но ты должна пообещать мне, что это останется между нами. Бриггс на встрече с мистером Стерлингом. У нас есть причины верить, что может быть утечка данных. Пока мы не подтвердим свидетельство противоположного, мы решили, что план твоей защиты изменился. Мне нужно чтобы ты выбралась из дома: быстро, не привлекая внимания.

Я подумала об агенте Стармансе в коридоре и остальных агентах внизу. Я была так погружена в дело, что не обращала на них внимания.

Ни на кого из них.

— Я позвоню Стармансу и остальным, — сказала Локк. — У тебя будет несколько минут, пока за тобой никто не следит.

— Я должна выбраться отсюда, — сказала я. Мысль, что Н. О. мог быть одним из тех людей, которые должны охранять меня...

— Ты должна успокоиться, — сказала Локк, ее голос был твердым. — Ты живешь в доме, полном внимательных людей. Если ты запаникуешь, они заметят.

Майкл. Она говорила о Майкле.

— Он не сможет помешать мне, — сказала я.

— Я и не говорила этого, — ответила Локк, — но я знаю Майкла дольше тебя, Кэсси, и он делал много глупых поступков ради девушек. Последнее, что нам сейчас нужно, так это чтобы кто-то строил из себя героя.

Я подумала о том, как Майкл прижал Дина к стене, когда он назвал одержимость убийцы мной игрой. Я подумала о Майкле в бассейне, рассказывающем мне о том, как он срывался.

— Мне пора идти, — сказала я. Чем дальше я буду от Майкла, тем будет лучше для его блага. Если я уйду, Н. О. последует за мной. Мы должны выманить этого психопата. — Я перезвоню, когда выберусь.

— Кэсси, если ты повесишь трубку и сделаешь какую-нибудь глупость, — сказала Локк, одновременно напоминая Нонну, маму и Бриггса вместе взятых, — то я потрачу следующие пять лет твоей жизни, постоянно напоминая тебе об этом. Я хочу, чтобы ты нашла Дина. Если кто в этом доме и знает, как поймать убийцу, так это он, и я верю, что с ним ты в безопасности. Он знает пароль к сейфу в кабинете Бриггса. Передай ему, что я сказала использовать это.

Через мгновение я поняла, что в сейфе может быть пистолет.

— Иди к Дину, и выбирайтесь из дома, Кэсси. Не позволяйте кому-нибудь увидеть вас. Я пришлю координаты безопасного места. Бриггс и я встретим вас там.

Я кивнула, зная, что она не видит меня, но не в состоянии произнести и слова.

— Будь. Спокойна.

Я снова кивнула и выдавила:

— Ладно.

— Ты сможешь, — сказала агент Локк. — Ты и Дин отличная команда, и я не позволю ничему случиться с вами.

Три быстрых стука в дверь ванной заставили меня вздрогнуть, но я заставила себя следовать указаниям Локк и сохранять спокойствие. Я могу сделать это. Я должна сделать это. Повесив трубку, я положила телефон в задний карман, выключила воду и посмотрела на дверь.

— Кто это?

— Это я.

Майкл. Я ругнулась про себя, потому что надо быть спокойной. Только спокойствие. Но с его способностью он за секунду поймет, что я притворяюсь.

Спокойно. Спокойно. Спокойно.

Я не могу злиться. Я не могу быть испуганной. Я не могу паниковать или винить себя или выдать то, что я только говорила с агентом Локк — нет, если я хочу держать Майкла подальше от всего этого. В последнюю секунду, когда я уже открывала дверь, я поняла, что не в состоянии сделать это.

Он поймет, что что-то не так — так что я сделала единственную вещь, о которой думала. Я открыла дверь и солгала.

— Слушай, — сказала я, позволяя эмоциям, которые я сдерживала, отразиться на моем лице. — Если это о поцелуе, то я не в состоянии говорить об этом прямо сейчас, — я остановилась и позволила этим словам раствориться в воздухе. — Я не в состоянии говорить с тобой.

Выражение лица Майкла изменилось в то мгновение, когда слова достигли цели. Он не выглядел сердитым или огорченным, он выглядел так, как будто это его не сильно заботит. Он выглядел как парень, которого я встретила в закусочной — слой за слоем, маска на маске.

Я прошла мимо него, пока он не заметил, что я на самом деле не хотела ранить его. Решив проблему с Майклом, я пошла дальше по коридору, зная, что он смотрит на меня, и подошла вплотную к Дину.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала я, понизив голос.

Дин посмотрел мне за плечо. Я знала, что он смотрит на Майкла. Я также знала, что Майкл тоже смотрит на него, но не обернулась.

Я не могла позволить себе обернуться.

Дин кивнул, и секунду спустя я шла за ним на третий этаж, в его комнату. В подтверждении слов агента Локк, Стармансу позвонили, и это отвлекло его.

— Прости... — начала я говорить, но Дин перебил меня.

— Не извиняйся, — сказал он. — Просто скажи, что тебе нужно.

Я подумала о том, как он выглядел, когда застал меня и Майкла.

— Локк хочет, чтобы я выбралась из дома, — сказала я. — Либо в ФБР утечка и у Н. О есть доступ, либо он уже здесь, и мы не знаем об этом. Локк попросила передать тебе, чтобы ты воспользовался кодом к сейфу в кабинете.

Телефон Дина завибрировал. Новое сообщение.

— Это должен быть безопасный адрес, — сказала я. — Не знаю, как мы спуститься вниз и улизнуть из дома так, чтобы нас никто не заметил, но...

— Я смогу, — Дин делал все просто, без лишних слов и по делу. — Есть еще одна

лестница. Ее заблокировали пару лет назад, слишком неустойчивая. Никто кроме Джадда не знает о ней. Если мы сможем спуститься в подвал, то я знаю выход. Держи, — он протянул мне свитер, лежавший на его постели. — Ты замерзла.

Была середина лета. В Вирджинии. Я не должна была замерзнуть, но мое тело не справлялось с шоком. Я надела свитер и Дин провел меня по черной лестнице в кабинет. Я следила за дверью, пока он опустился на колени рядом с сейфом.

— Ты знаешь, как стрелять? — спросил он меня.

Я покачала головой. Этот навык не был частью подготовки моей мамы. Может быть, это вошло бы в подготовку, если бы она была жива.

Дин вытащил один пистолет и засунул его за пояс джинсов. Другой он оставил на месте и закрыл сейф. Две минуты спустя мы пробрались в подвал, а через минуту после этого мы были на пути в безопасный дом.

Ты

Тебе нельзя было ошибиться. План должен был быть идеальным. И пару часов он и был таким.

Но из-за тебя план испорчен. «Ты всегда все портишь»... И снова Его голос в голове, и тебе тринадцать, и ты ежишься в углу, думаешь, будет ли это кулак, или ремень, или кочерга для камина.

И самое ужасное, что для тебя тут нет никого. Вокруг могут быть люди, или ты прикрываешь руками лицо для защиты... это неважно. Для тебя здесь нет никого.

Вот, почему ты не можешь испортить это. Вот, почему все должно быть идеальным от начала до конца. Вот, почему тебе нужно быть идеалом.

Ты не можешь потерять Кэсси. Ни за что.

Ты полюбишь ее, или ты убьешь ее, но в любом случае она будет твоей.

Безопасный дом выглядел также как любой другой. Дин вошел первым. Он вытащил пистолет и держал его перед собой, пока проверял фойе, гостиную, кухню. Я стояла прямо позади него. Мы вернулись в фойе, когда ручка на входной двери начала поворачиваться.

Дин шагнул вперед, подталкивая меня за спину. Он держал пистолет наготове. Я ожидала, умоляя, чтобы это были Бриггс и Локк за дверью. Петли заскрипели. Дверь медленно открылась.

— Майкл?

Дин опустил оружие. На долю секунды я ощутила облегчение, тепло и надежность в моем теле. Я вздохнула. Мое сердце вновь забилося.

А затем я увидела оружие в руке Майкла.

— Что ты делаешь здесь? — спросила я. Смотря на него, на оружие, я чувствовала себя как глупая девчонка в ужастике, которая не видит того, что происходит у нее перед носом. Та, которая спустилась в подвал проверить радиатор, когда убийца в маске разгуливает на свободе.

Майкл здесь.

У Майкла есть пистолет.

У Н. О. был шпион в доме.

Нет.

— Почему у тебя пистолет? — спросила я глупо. Я не смогла удержаться от шага к Майклу, хотя не могла прочесть выражение его лица.

Передо мной, Дин поднял правую руку, в которой был пистолет.

— Опустит его, Таунсенд.

Майкл собирался опустить оружие. Это я твердила себе. Он собирался опустить пистолет, и все окажется какой-то ошибкой. Я видела Майкла на грани. Он сам мне сказал, что был близок к потере контроля. Но я знала его. Он не опасен. Он не убийца. Парень, которого я знаю, не просто маска, которую носит тот, кто знает, как управлять эмоциями также хорошо, как и читать их.

Это Майкл. Он называет меня Колорадо, читает Джейн Остин, и я все еще могу почувствовать его губы на моих. Он собирается опустить оружие.

Но он не сделал этого. Вместо этого, он поднял его выше, нацелившись на Дина.

Они оба уставились друг на друга. Пот стекал вниз по моей шее. Я сделала шаг вперед, затем еще один. Я не могу оставаться позади.

Майкл направил пистолет на Дина.

Дин направил пистолет на Майкла.

— Я предупреждаю тебя, Майкл. Опустит пистолет, — Дин говорил спокойно. Абсолютно, совершенно спокойно, что заставило мой желудок сжаться, потому что неожиданно я поняла, что он может спустить курок. Он не будет думать дважды. Он не будет колебаться.

Если он думает, что я в опасности, то пустит пулю Майклу в голову.

— Ты опустит его, — ответил Майкл. — Кэсси...

Я перебила Майкла. Я не могу выслушивать одного из них, когда мы на волоске от катастрофы.

— Опустим его, Майкл, — сказала я. — Пожалуйста.

Майкл заколебался. Впервые он перевел взгляд с Дина на меня, и я увидела, как он понял, что я не боюсь Дина. И я не боюсь его.

— Ты пропала. Дин тоже. Один из пистолетов Бриггса пропал, — Майкл вздохнул. Настороженность исчезала с его лица по крупицам, пока я смотрела на парня, которого поцеловала: смущенного и раненого, спешащего ко мне, испуганного за меня, ранимого. — Я бы никогда не навредил тебе, Кэсси.

Что-то во мне встрепенулось. Это был Майкл — тот же, что и всегда.

Рядом со мной, Дин повторил свою команду. Майкл закрыл глаза. Он опустил оружие, и в тот момент тишину разорвал звук выстрелов.

Один выстрел. Два выстрела.

В моих ушах звенело, мой желудок скрутило, желчь подступала к горлу, я пыталась понять, из какого пистолета стреляли. Рука Майкла была опущена. Он его рот сложился в крошечное «О», и я с ужасом наблюдала, как красное пятно растекалось на его бледно-голубой рубашке. Его ранили. Дважды. Одно в плечо. Второе в ногу. Его глаза закатились. Он выронил пистолет из пальцев.

Он упал.

Обернувшись, я увидела, что Дин все еще держит в руке пистолет. Он целился в меня.

Нет. Нет нет нет нет.

И когда я услышала голос позади меня, то поняла, что пистолет Дина не дымится. Он целился не в меня. Он целился в того, кто стоял позади меня. В того, кто стрелял в Майкла.

Он целился в специального агента Лэйси Локк.

Часть третья: прозрение

Ты

Ты ждала этого момента. Ждала, как она посмотрит на тебя и увидит. Даже сейчас неуверенность смешалась с неверием. Она не понимает, почему ты выстрелила в Майкла. Она не понимает, кто ты и что она значит для тебя.

Но Дин понимает. Ты видишь тот момент, когда мальчик, которого ты обучала, все расставил по местам. Уроки, которые ты давала им, маленькие подсказки, которые оставляла. То, как ты обращалась с Кэсси, обучая ее по своему образу и подобию. Сходство между вами двумя.

Твои волосы тоже рыжие.

Дин направил пистолет на тебя, но ты не испугана. Ты видела, что у него творится в голове. Ты знаешь, что именно нужно сказать, ты точно знаешь, как играть с ним. Ты та, кто сказал ему взять пистолет. Ты та, кто убедился, что никто не узнает, что он и Кэсси покинут дом. Ты та, кто привел их сюда.

Это все части плана — и Дин просто еще одно тело, еще одна вещь, которая стоит между тобой и желанием твоего сердца.

Кэсси. Дочь Лорелай.

Ты приказала ей не делать глупостей. Она и Дин должны были прийти одни.

Ты собираешься наказать ее за это.

Агент Локк держала пистолет. Она выстрелила в Майкла — она застрелила его — и теперь он лежал на земле, кровь растекалась вокруг его тела, вытекая из него. Это ошибка — это должно быть ошибкой. Она увидела, что он держал оружие и отреагировала. Она была агентом ФБР, и она хотела защитить меня. Это было ее работой.

— Кэсси, — голос Дина был низким и полным тревоги. Черты его лица делали ее похожим на солдата, хищника, машину. — Отойди.

— Нет, — сказала агент Локк, двигаясь вперед и улыбаясь так ярко, как никогда. — Не отходи. Не слушай его, Кэсси.

Дин следил за ее движениями пистолетом. Его палец лежал на спусковом крючке.

— Ты убийца, Дин? — спросила агент Локк, ее глаза большие и серьезные. — Мы всегда гадали. Мистер Стерлинг колебался, когда решал, финансировать программу или нет, потому что он знал кто ты. Что ты. Неужели справедливо учить тебя всему тому, что мы знаем об убийцах? Заставлять тебя жить в доме, где их фотографии висят на стенах, и все, что ты видишь и делаешь, приспособливает тебя к этому. Учитывая твое прошлое, то насколько бы тебя хватило?

Теперь агент Локк была ближе к нему.

— Это то, о чем ты думаешь. Это твой самый большой страх. Как долго, — протянула агент Локк, — пройдет времени, пока ты просто... не станешь как... папа?

Руки не трясутся, жесткий взгляд, Дин нажал на курок, но опоздал. Она уже была на нем. Она отпихнула пистолет в сторону, и когда он отлетел, пуля вылетела в воздух, так близко к моему лицу, что я почувствовала жар на моей коже. Дин повернул голову, чтобы посмотреть на меня и убедиться что я в порядке. Это заняло у него долю секунды, но даже этого было много.

Агент Локк ударила его прикладом пистолета, и он упал, его тело расслабилось, его тело лежало в футе от Майкла.

— Наконец, — сказала агент Локк, поворачиваясь лицом ко мне, — остались только мы, девочки.

Я сделала шаг вперед к Майклу, к Дину, но агент Локк помахала пистолетом перед собой.

— А-а-а, — сказала она, цыкая под нос. — Оставайся там. Мы немного поговорим о выполнении приказов. Я сказала тебе не делать глупостей. Позволить Майклу проследить за вами, было глупо. Это было небрежно.

В одну секунду она стояла там, глядя так же, как женщина, которую я знала, полная жизни, силы, которая был очень хороша в профилировании, и в следующую она была на мне. Я увидела вспышку серебра и услышала удар её пистолета по моей скуле.

Боль взорвалась на моем лице через секунду. Я была на полу. Я могла почувствовать вкус крови во рту.

— Встань, — её голос был обычным, но была нотка, которой я никогда не слышала. — Встань.

Я поднялась на ноги. Она подняла левую руку и положила пальцы мне на подбородок. Она приподняла мое лицо вверх. Кровь была на моих губах. Я чувствовала, как мой глаз отекает, и даже небольшое движение головы приводило к звездочкам в глазах.

— Я сказала тебе не делать глупостей. Я сказала тебе, что вы пожалеете, если сделаете это. — Ее ногти впились в кожу под подбородком, и я думала о фотографиях жертв, о том, как она снимала кожу с их лиц.

Ножом.

— Не делай ничего такого, о чем я заставлю тебя пожалеть, — сказала она холодно. — Ты лишь навредишь себе.

Я смотрела в ее глаза и удивлялась, как могла упустить это, как могла проводить с ней целый день, на протяжении недель не понимая, что с ней что-то не так.

— Почему? — я должна была держать рот на замке. Я должна была искать выход, но его не было и мне нужно было знать.

Локк проигнорировала мой вопрос и взглянула на Майкла.

— Жаль, — сказала она. — Я надеялась пощадить его. У него очень ценный дар, и он, конечно, заставил тебя расцвести. Все они, точнее.

Без предупреждения, она снова ударила меня. На этот раз она поймала меня, прежде чем я упала.

— Ты прямо как твоя мать, — сказала она. А затем она крепче сжала мою руку, заставляя меня стоять прямо. — Не будь слабой. Ты выше этого. Мы выше этого, и я не позволю тебе хныкать на полу как те жалкие шлюшки. Ты поняла меня?

Я поняла, что слова, которые она говорила, были теми, что ей, вероятно, кто-то говорил раньше. Я поняла, что если спрошу ее, откуда она знает мою маму, то она будет бить меня снова и снова.

Я поняла, что после этого не смогла бы подняться.

— Я жду ответа, когда разговариваю с тобой, Кэсси. Тебя воспитали не в сарае.

— Я понимаю, — сказала я, замечая ее выбор слов, с почти материнским тоном голоса. Я думала, что Н. О. мужчина. Я думала, что когда Н. О. убивает женщин, то его мотивирует сексуальное влечение. Но агент Локк была той, кто научил меня, что когда ты меняешь одну догадку, то меняется вся картина.

Ты всегда ошибаешься в чем-то. Ты всегда что-то упускаешь. Что если Н. О. старше, чем ты думаешь? Что если он — это она?

Она практически сказала мне, что она убийца, и это пролетело прямо мимо моих ушей, потому что я доверяла ей, потому что, если мотивация Н. О. не была сексуальной, если он не убивал свою жену или маму, или девушку, которая его отвергла, снова и снова, если *он* был *ей*...

— Окей, малышка, давай продолжим шоу по дороге, — Локк звучала так обыденно, что было трудно вспомнить о том, что у нее в руке пистолет. — У меня есть подарок для тебя. Я собираюсь пойти за ним. Если ты шевельнешься, пока я буду в отлучке или если ты моргнешь, я пушу пулю тебе в колено, и оставлю тебя на волоске от смерти, а потом загоню пулю в голову твоего любимого.

Она указала на Дина. Он был без сознания, но жив. А Майкл...

Я даже не могла смотреть на тело Майкла, лежащее на полу.

— Я не пошевелюсь.

Она отошла лишь на секунду. Я сделала маленький шаг к отброшенному пистолету Майкла и застыла, потому что знала — наша похитительница говорит правду. Она убьет Дина. Она навредит мне.

Даже колебание на секунду было слишком долгим, и через мгновение Локк вернулась

— и она была не одна.

— Пожалуйста, не трогайте меня. Пожалуйста. У моего отца есть деньги. Он даст вам все, что вы хотите, только, пожалуйста, не...

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что это Женеьев Ридгертон. На ее плечах и шее были уродливые порезы. Ее лицо опухло, что мешало узнаванию, а на ее лбу была застывшая кровь. Кожа вокруг ее губ покраснела, как будто ей только что отклеили скотч ото рта. Она захныкала, и звук вышел чем-то средним между бульканьем и стоном.

— Я говорила тебе однажды, — начала агент Локк с ножом в руке и широкой улыбкой на лице, — что я была Естественной лишь в одном.

Я попыталась вспомнить перемену, одну из первых вещей, которые она когда-либо говорила мне, озорной блеск в ее глазах. Я предположила, что она говорила о сексе — но беспомощный, безнадежный взгляд в глаза Женеьев оставял мало сомнений в так называемом «даре» Локк.

Пытки.

Увечья.

Смерть.

Она считает себя Естественным убийцей, и она ждала, что я скажу что-нибудь. Ожидала, что я похвалю ее работу.

Ты знала мою маму. Ты ударила меня, ты ранила меня, ты сказала, что это моя вина. Когда ты была ребенком, тебя унижали. Ты называешь меня малыш. Я не как твои предыдущие жертвы. Ты присылала мне подарки. Ты подготовила меня.

— Когда мы впервые встретились, — сказала я, надеясь, что выражение моего лица достаточно серьезное, достаточно невинное чтобы угодить ей, — когда ты сказала, что ты Естественная лишь в одном, но ты также сказала, что не расскажешь об этом, пока мне не исполнится двадцать один.

Локк выглядела искреннее довольной тем, что я запомнила.

— Это было до того, как я узнала тебя, — сказала она. — До того, как я поняла, насколько ты похожа на меня. Я знала, что ты дочь Лорелай. Конечно, я знала — я была той, кто ввел тебя в систему. Я рассказала о тебе Бриггсу. Я привела тебя сюда, потому что ты дочь Лорелай, но когда я начала работать с тобой...

В ее глаза появился одержимый блеск, как у невесты или у беременной женщины, с переполняющим счастьем.

— Ты была моей, Кэсси. Ты принадлежала мне. Я думала, что дождусь, пока ты повзрослеешь, пока ты будешь готова, но ты готова *сейчас*.

Она грубо поставила Женеьев на колени. Девушка рухнула на них, ее тело тряслось, ее ужас висел в воздухе. Локк заметила то, что я смотрю на Женеьев и улыбнулась.

— Я привела ее для тебя.

Пистолет все еще в ее правой руке, Локк держит нож в левой, зажав рукоятку в кулаке. Ее взгляд полон надежды, уязвимости, голода.

Ты чего-то хочешь от меня.

Локк не хочет убивать меня — или может, хочет, но ей нужно больше. Она хочет, чтобы я взяла нож. Она хочет, чтобы я перерезала глотку Женеьев. Она хочет, чтобы я была ее протеже во всех смыслах.

— Возьми нож.

Я взяла нож. Я взглянула на пистолет, который все еще был в ее руке, направленный на

мою голову.

— Неужели это так необходимо? — спросила я, пытаясь вести себя так, как будто мысль ударить эту беззащитную девочку на полу ножом не вызывает у меня тошноту. — Если я собираюсь седлать это, то сделаю по-своему.

Я говорила на ее языке, говоря ей то, что она хотела услышать: что я была как она, что мы были похожи, что я понимала, что это связано со злостью, контролем и властью решать, кто умрет, а кто выживет. Медленно, Локк опустила пистолет, но не убрала его. Я сократила расстояние между нами, гадая, смогу ли я ударить ее ножом, прежде чем она выстрелит.

Она была сильнее меня. Она была натренирована. Она была убийцей.

Оттягивая время, я села на колени рядом с Женевьев. Я наклонилась, поднеся губы к ее уху, позволяя моему лицу принять такое же безумное выражение, как и у Локк. Затем, сделав голос настолько низким, чтобы его могла слышать только Женевьев, я прошептала ей:

— Я не сделаю тебе больно. Я вытащу тебя отсюда.

Женевьев взглянула вверх, ее тело все еще было скрючено на полу. Она вскочила и схватила меня за воротник рубашки.

— Убей меня, — умоляла она, ее голос был хриплым, а губы потрескались. — Убей ты меня, прежде чем она сделает это.

Я сидела с ней, застыв, и Локк не медлила. Только что она смотрела на меня как учитель, наблюдающий за своим лучшим учеником, а теперь как злое, дикое животное. Она набросилась на Женевьев, переворачивая девочку на спину, толкая ее на пол, обхватив руками шею.

— Ты, не смей прикасаться к Кэсси, — сказала она, переходя на крик, ее лицо прямо напротив Женевьев, и девушке некуда отвернуться. — У тебя. Нет. Права. Решать.

Мой разум начал действовать. Я должна стащить ее с Женевьев. Я должна остановить ее. Я должна...

В одно мгновение Локк была на Женевьев, а в следующее она вырвала нож из моих рук.

— Ты не можешь сделать это, — выкрикнула она. — Ты ничего не можешь сделать правильно.

Женевьев открыла рот. Локк ударила ее ножом в бок. Я обещала защитить Женевьев, а теперь...

Теперь была только кровь.

Локк встала. Она пнула тело Женевьев, как будто девушка уже была мертва, даже, несмотря на скулящие и тихие звуки, которые говорили мне, что она еще жива.

Забывший пистолет Локк был на полу, но то, как она держала нож, пока шла на меня, сказало мне, что я не в большей безопасности, чем была минуту назад.

Она собиралась ударить меня.

Она собиралась порезать меня.

Она собиралась убить меня.

— Ты лгунья, — сказала она. — Ты не можешь сделать этого. Ты вообще хотела этого? А?

Теперь она кричала. Я сделала шаг назад. Я раскрыла рот, чтобы сказать ей то, что она хочет услышать, сказать, что я хотела этого, потянуть время, но она даже не дала мне шанса. Смотря на меня поверх лезвия, она сделала еще шаг ко мне.

— Предполагалось, что ты убьешь ее, — сказала она. — Я привела ее для тебя.

— Мне жаль...

— Сожаления тут не помогут! Лорелай тоже было жаль. Ей было жаль, но ей надо было уйти, и она оставила меня там одну, — голос Локк дрогнул, но ярость все еще была слышна в каждом слове. — Ты должна была убить девчонку. Это все для нас, Кэсси. Ты. И я. Но ты ушла!

Она говорила уже не со мной. Она видела не меня, когда ее большие глаза встретились с моими. Лезвие в ее руке сверкало. Кровь капала на пол. У меня есть две секунды, может три.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я ушла? — спросила я, надеясь, что мои слова прорвутся сквозь туман в ее голове, вернут ее сюда. — Откуда ушла?

Локк остановилась. Она колебалась. Она посмотрела на меня. Она увидела меня. Она взяла себя в руки, и ее голосом, все еще полным яда, она продолжила.

— Лорелай ушла. Ей было восемнадцать, а мне двенадцать. Она должна была защищать меня. Она должна была следить за мной. В ночь, когда папочка ушел, а монстр вышел чтобы поиграть, она разозлила его. Она намеренно разозлила его, поэтому он ударил ее вместо меня. Она сказала, что не позволит ничему случиться со мной. — Локк остановилась. — Она солгала.

Мы знали, что Н. О. зациклен на моей маме. Мы только не знали почему.

— Она была моей сестрой, и она оставила меня там. Она знала, каким он стал, когда мамочка ушла. Она знала, что он сделает со мной, если она уйдет, но все равно сделала это. Из-за тебя. Потому что папочка был прав, и Лорелай была маленькой шлюшкой. Она делала плохие вещи, и когда я выяснила, что она беременна от этого парня...

Локк вся погрузилась в воспоминания. Я взглянула на пистолет на полу, гадая, успею ли я схватить его вовремя.

— Я думала, что папочка убьет ее, когда узнает об этом. Я не должна была знать, но выяснила это, и он тоже, и он даже не злился! Он не перерезал ей глотку, он не срезал ее милое личико, чтобы парни больше не хотели ее. Она была беременна, и он был счастлив. А затем она ушла. Посреди ночи. Она разбудила меня, поцеловала, и сказала, что уходит. Она сказала, что никогда не вернется, что не вырастит ребенка в этом доме, что наш папочка никогда не притронется к тебе. — Пальцы Локк — пальцы моей тети — крепче сжали

рукоять лезвия. Ее рука тряслась. — Я умоляла ее взять меня с собой, но она сказала, что не может. Что он пойдет за нами. Что у нее нет права забрать меня. Что это будет слишком сложно. Она оставила меня посреди этой гнили, и когда она ушла, единственной, кого можно было наказать, стала я.

Не делай ничего такого, о чем я заставлю тебя пожалеть.

Ты только навредишь себе.

Я не позволю тебе хныкать на полу как те жалкие шлюшки.

Моя мама никогда не рассказывала о своей семье. Она никогда не упоминала жестокого отца или ушедшую мать. Она никогда не упоминала младшую сестру, но теперь я могла увидеть их семью целиком: синяки, страдания, террор, папочку-монстра, младшую сестру, которую она не могла спасти, и ребенка, которого могла.

— Когда люди спрашивают меня, почему я делаю то, что делаю, — сказала женщина, которая была той младшей сестрой, — я отвечаю им, что пошла в ФБР, потому что тот, кого я любила, был убит. В конце концов, я выбралась из этого дома. Я пошла в колледж, и годами искала мою старшую сестру. Сначала я просто хотела найти ее. Я просто хотела быть с ней — и с тобой. Если бы она взяла меня вместе с тобой, я могла бы помочь! Ты бы полюбила меня. Я бы полюбила тебя, — голос Локк смягчился, и я поняла, что это был сценарий, проигрывающийся в ее голове, разыгрывающийся в этой дыре. Она думала о моей маме, и она думала обо мне, даже когда еще не встретила, до того, как узнала мое имя.

— Она не должна была оставлять тебя там, — осмелилась я произнести слова, потому что они казались правдивыми. Локк была просто ребенком, когда моя мама ушла, и она даже никогда не оглядывалась. Она вырастила меня в разъездах, перебираясь из одного города в другой, не позволяя выяснить, что у нее была семья, также как она никогда не упоминала моего отца.

Всю мою жизнь она бежала от чего-то, и я даже не знала этого.

— Она не должна была оставлять меня там, — повторила Локк. — В конце концов, я перестала мечтать о том, чтобы найти ее и снова стать семьей, и начала мечтать о том, чтобы найти ее и сделать ей больно, также как папа делал больно мне. Заставить ее заплатить за то, что бросила меня. Срезать ее лицо, пока никто не будет думать, что она красивая, пока лишь не будет достаточно одного взгляда на нее, чтобы заставить тебя кричать.

Гардеробная. Кровь. Запах...

— К тому времени, когда я нашла ее — и нашла тебя — было слишком поздно. Она уже была мертва. Она умерла, и это было нечестно. Я должна была убить ее. Я должна была.

Моя тетя не убила маму — потому что кто-то опередил ее.

— Когда выяснилось, что она умерла, и ты исчезла, когда я выяснила, что тебя отправили жить с семьей твоего отца — я тоже была твоей семьей! Я подумывала о том, чтобы забрать тебя. Я даже поехала в Колорадо, но когда прибыла туда, возле моего мотеля была проститутка. Она была дешевой, глупой, грязной, и ее волосы были именно того рыжего оттенка. Я убила ее, и сказала: «Тебе нравится это, Лори?». Я резала ее, пока не смогла представить лицо Лорелай, и Боже, это было великолепно, — она остановилась. — Знаешь, это было приятно. В первый раз. И всегда. И после первого раза тебе всегда нужно больше.

— Вот почему ты устроилась в ФБР? — спросила я. — Много путешествий, легкий доступ, идеальное прикрытие?

Локк сделала шаг вперед. Каждый мускул в ее теле был напряжен. На мгновение я подумала, что она снова ударит меня — снова и снова.

— Нет, — сказала она. — Не поэтому.

Когда люди спрашивают меня, почему я делаю то, что делаю, я отвечаю им, что пошла в ФБР, потому что тот, кого я любила, был убит.

Слова Локк дошли до меня, и я поняла, что она говорила правду.

— Ты устроилась в ФБР, потому что хотела найти убийцу моей мамы.

Не потому что она была расстроена из-за смерти моей матери. А потому что хотела быть тем, кто убил ее.

— Я сменила имя. Училась. Планировала. Я проходила тесты. Даже когда я начала работать с Бриггсом, и он пригласил меня в программу Естественных, никто на самом деле не видел меня. Они видели лишь то, что я показывала им. Лиа никогда не ловила меня на лжи. Майкл никогда не видел настоящих эмоций. И Дин — я была ему как семья.

Услышав имя Дина, мои глаза метнулись к его телу. Он все еще не шевелился — но Майкл да. Его глаза были открыты. Он истекал кровью. Он не мог идти, он даже не мог ползти, но медленно подвигался по полу к своему пистолету.

Локк проследила за моим взглядом, но я остановила ее.

— Это не то же самое, — сказала я, мой голос ровный и спокойный.

— Что? — сказала Локк — нет, на самом деле это не ее имя, если она была сестрой моей мамы.

У меня было меньше секунды, чтобы придумать ответ, но выросшая дочь женщины, которая потратила всю жизнь, притворяясь психологом, не только научила меня наблюдению. К лучшему или худшему, я научилась играть, поэтому я сказала единственную вещь, которая я думала, задержит внимание Лэйси Хоббс на мне.

— Ты пыталась реконструировать убийство моей мамы, но ты сделала это неправильно. То, что ты делала с теми женщинами не то же самое, что я сделала с моей мамой.

Женщина напротив меня хотела убить мою маму, но она также отчаянно хотела, чтобы ее приняли. Она хотела быть частью семьи, и она привела меня сюда с извращенной надеждой, что я могу быть ей семьей. Она наслаждалась тем, что она мой наставник. Она хотела, чтобы я была как она.

Теперь моим делом было убедить ее в том, что я именно такая.

— Моя мама не защищала тебя, — сказала я, копируя ярость, отчаяние и боль, которые я видела в ее лице. — Она также не защищала меня. У нее были мужчины. Но она не любила их. Она не оставалась с ними. Она не говорила ни слова, когда они переводили внимание на меня. Она была слабой. Она была шлюхой. Она делала мне больно.

Лиа поняла бы, что я лгу, но женщина напротив меня не Лиа. Я улыбнулась, позволяя улыбке медленно расползтись на моем лице, не отводя глаз от тети, даже на секунду не глядя на Майкла.

— Поэтому я сделала ей больно.

Моя тетя уставилась на меня, ее лицо все еще было полно неверия, но ее глаза вспыхнули надеждой.

— Она подготавливалась. Красила губы помадой. Притворялась такой идеальной и особенной, как будто она не была монстром. Я произнесла ее имя. Она обернулась, и я подняла нож. Я ударила ее в живот. Она произнесла мое имя. Просто «Кэсси». Поэтому я ударила ее снова. И снова. Она боролась. Она пиналась и кричала, но на этот раз власть была

у меня. Я была той, кто делает больно, а ей причиняли боль. Она упала лицом вниз. Я перевернула ее, чтобы увидеть ее лицо. Я не обвела ножом контур ее лица. Я не срезала ее лицо. Я провела пальцами по ране. Я заставила ее кричать. А затем обмазала ее губы кровью.

Локк — точнее Хоббс — Лэйси попалась. На секунду я подумала, что она поверит мне. Она опустила руку, в которой держала нож. Другую засунула в карман. Она выгащала что-то, но я не могла увидеть что именно.

Она провела пальцами по этой вещи, осторожно, заботливо, а затем сжала пальцы в кулак.

— Отличное представление, — сказала она. — Но я тоже профайлер. Я занимаюсь этим дольше тебя, Кэсси, и твою маму убила не двенадцатилетняя девочка. Ты не убийца. У тебя нет к этому способностей. Она подняла нож и двинулась вперед, ее взгляд наполнился еще чем-то.

Жаждой крови.

— Ты не сможешь сбежать, — сказала я. — Они узнают, что это ты. Они поймут тебя...

— Нет, — поправила Локк. — Я поймаю Дина. Ты позвонила мне с его телефона. Я волновалась, но когда позвонила в дом, тебя там уже не было. Подняли тревогу. Они выяснили, что Дин тоже пропал, и что пистолет Бриггса украли. Я проследила за тобой. Здесь я нашла Дина с Женевьев. Он застрелил Майкла. Он зарезал тебя. Я смелый агент который остановил его, который выяснил, что убийства в Вашингтоне дело рук подражателя, я раскрою это дело с успехом, объединив с другими убийствами. Я опоздала и не спасла тебя, но смогла убить Дина до того как он меня. Каков отец, таков и сын. Ты действительно думала, что обыграешь меня? — спросила она. — Ты думала, что сможешь одурачить меня?

Позади нее Майкл взял в руку пистолет. Он перевернулся на бок. Прицелился.

— Я и не ожидала, что ты поверишь мне, — сказала я. — Или позволишь мне жить. Мне нужно было, чтобы ты слушала.

Она посмотрела мне в глаза. Ее зрачки расширились. Прозвенел выстрел. Затем второй, третий, четвертый, пятый. И моя тетья Лэйси упала на пол, ее тело приземлилось рядом с Женевьев.

Она мертва.

Майкл пролежал в больнице две недели. Дин восстановился за два дня. Но даже когда мы вернулись домой, когда дело было закрыто, никто из нас не пришел в норму.

Женевьев Ридгертон выжила — едва. Она отказывалась видеть кого-либо из нас — особенно меня.

Майклу прописали месяц физиотерапии. Врачи говорили, что возможно он никогда не сможет ходить не хромя. Дин не говорил со мной. Слоан не могла говорить ни о чем, кроме невероятности того, что серийный убийца смог пройти психологические тесты и проверку ФБР, даже с вымышленным именем. И я пыталась смириться с тем, что Лэйси Локк (Хоббс) была моей тетей.

Её историю проверили. Она и моя мама родились и выросли за пределами Батон Руж, но переехав, лишились акцента. Их отец, Клэйтон Хоббс, был дважды осужден за нападение и один раз за избиение жены, которая сбежала, когда моей маме было девять лет, а Лэйси три. Девочки ходили в школу до десяти и шестнадцати лет, но дальше система упустила их из виду.

Они росли в аду. Моя мама выбралась. Лэйси нет.

Бюро сравнило убийства Лэйси с делами, над которыми работал Бриггс и его команда, и обнаружили, что, по крайней мере, пять из них подходят по шаблону. Агенты выезжали на дело, Лэйси ускользала и на расстоянии сорока или пятидесяти миль кто-то пропадал. Они умирали. А если полицейские и отправляли отчеты, то ФБР никогда не обращали на них внимания, потому что преступления не были похожи на серийные убийства.

Женщина, которая называла себя Лэйси Локк, обращала внимание на границы штатов. Она никогда не убивала дважды в одном штате — пока я не присоединилась к программе Естественных. Она разошлась и совершила несколько убийств в Вашингтоне, пока все больше закидывалась на мне.

Умерло, как минимум четырнадцать женщин и дочь сенатора была похищена и тяжело ранена. Дело было ночным кошмаром для бюро и для нас. Запрет на участие Естественных в открытых делах вернулся и был сильнее, чем прежде. Мистеру Стерлингу удалось скрыть наши имена от прессы, на этот раз. Все, что его волновало, это то, чтобы все узнали, что убийца мертв.

Моя тетя была мертва.

Также как и моя мама.

Через две недели после того, как Майкл нажал на курок, я все еще вспоминала те моменты, снова и снова. Я сидела у края бассейна, опустив ноги в воду и гадая, что же будет дальше.

Куда я двинусь дальше?

— Если ты собираешься выйти из программы, то, пожалуйста. Но ради Бога, если хочешь остаться, то перестань хандрить, а то, как будто у тебя котенок заболел раком, а ты не знаешь что поделать с этим.

Я обернулась и увидела Лию. Она была единственной, кто не изменился после всего этого. В некотором роде было приятно думать, что можно рассчитывать на то, что она останется прежней.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила я. Я вытащила ноги из бассейна и

встала перед Лией, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Ты можешь начать с того, что избавишься от помады Красная Роза, которую я дала тебе, — сказала Лиа. Я позволила ей узнать, что все время ношу с собой помаду, которую она дала мне, с тех пор, как увидела тюбик такого же цвета в руках моей тети, в ночь, когда она умерла. Судя по всему, это был любимый цвет моей мамы с подросткового возраста. Лэйси хранила ее годами.

Это было то, что она достала из кармана.

Это то, что она держала в кулаке, пока я лгала об убийстве мамы.

ФБР нашли дюжину других помад в шкафу в ее доме. Сувениры на память, которые она брала у каждой жертвы. Младшая сестра, подражающая старшей, ворующая ее помаду до конца.

Она была той, кто подбросил косметичку Лие. Она купила новый тюбик Красной Розы для меня, и Лиа сыграла ей на руку. Теперь все закончилось, я должна выкинуть помаду, но не могу заставить себя сделать это. Это было напоминанием: о вещах, которые сделала моя тетя, о том, что я выжила, о моей маме и факте, что Лэйси и я присоединились к программе в надежде поймать убийцу.

Убийцу, которые все еще был на свободе. Убийца, которого даже сумасшедший, одержимый агент ФБР не смог поймать. С момента вступления в программу я обрела и потеряла наставника, и единственный живой родственник моей мамы был застрелен. Я помогла поймать убийцу, который воссоздавал сцену убийства моей мамы годами, но я ни на шаг не приблизилась к поимке монстра, который на самом деле убил ее. Я могла никогда не получить ответы на вопросы.

Они могли никогда не найти ее тело.

— Ну? — Лиа состроила гримасу спокойного человека, но очевидно, ее способность ждать моего ответа уже была на исходе. — Ты остаешься или уходишь?

— Я никуда не собираюсь, — сказала я. — Я останусь здесь, но оставлю помаду.

— Arrrrr, — Лиа изобразила кошку, царапнув пальцами воздух. — У кого-то наконец выросли коготки.

— Ага, — сказала я сухо. — Я тоже тебя люблю.

Я развернулась, чтобы пойти в дом, но голос Лии остановил меня на полпути.

— Я не сказала, что ты нравишься мне. Я не сказала, что перестану есть твоё мороженное или воровать твою одежду, и я точно не говорила, что не превращу твою жизнь в кошмар наяву, если ты кинешь Дина, но я не хочу чтобы ты уезжала, — Лиа прошла мимо меня, потом обернулась и сверкнула улыбкой. — Ты делаешь вещи интересными. Кроме того, боевые раны Майкла и проведенное время с ним, будут приятней, если я буду знать, что ты прямо напротив по коридору.

Лиа плавно пошла дальше. Я подумала о шрамах, которые останутся у Майкла, о его поцелуях, и о том факте, что он почти умер за меня, а затем подумала о Дине.

Дине, который не простил себя за то, что не смог нажать на курок.

Дине, отец которого был таким же монстром, как и моя тетя.

Несколько недель назад, Лиа сказала мне, что каждый человек в этом доме специально залез в самые темные уголки своей души. У нас всех есть кресты, которые мы несем. Мы видели то, чего другие люди нет — вещи, которые наши сверстники никогда не должны увидеть.

Дин никогда не был просто мальчиком. Он всегда был сыном серийного убийцы. Майкл

всегда будет тем, кто выпустил обойму в мою тетю. И часть меня, никогда не покинет заляпанную кровью гардеробную моей мамы, также как и другая часть всегда будет в укрытии, с Лэйси и ее ножом.

Мы никогда не будем как другие.

— Я не знаю, что тебе сделала задняя дверь, но я уверен, что ей правда искренне жаль.

Майкл должен был быть в инвалидном кресле, но он уже пытался маневрировать на костылях — невероятный подвиг, учитывая то, что его также ранили в плечо.

— Я не смотрела на заднюю дверь, — сказала я.

Майкл приподнял одну бровь, выше и выше, пока я не сдалась.

— Ладно, — сказала я. — Может я и смотрела на заднюю дверь. Я не хочу говорить об этом.

— Как ты не хотела говорить о том поцелуе? — голос Майкла был беззаботным, но это был первый раз, когда один из нас заговорил о том моменте в моей спальне. О том, что я сказала ему после. Причина, по которой я сказала ему это.

— Майкл...

— Не надо, — остановил он меня. — Если бы я так не ревновал к Дину, я бы не купился на твою историю ни на секунду. А даже если бы и купился, то ненадолго.

— Ты последовал за мной, — сказала я.

— Я всегда последую за тобой, — сказал он, шевеля бровями, заставляя слова звучать как шутку, а не обещание.

Что-то подсказало мне, что он имел в виду оба значения.

— Но между тобой и Рэддингом что-то есть. Я не знаю что это. И я не виню тебя в этом, — на костылях он не мог встать поближе ко мне. Он не мог протянуть руку и убрать волосы с моего лица. Но его кривая улыбка была более интимной, чем любое прикосновение. — Многое случилось. Ты о многом узнала. Я могу быть терпеливым, Колорадо. Убийственно красивым, украшенным шрамами, душераздирающе мужественным и терпеливым.

Я закатила глаза, но не смогла сдержать улыбки.

— Так что я дам тебе столько времени, сколько нужно. Разберись в чувствах. Пойми, заставляет ли Дин тебя чувствовать то же самое, что и я, если он подпустит тебя, и если ты тоже хочешь его, потому что в следующий раз, когда мои губы коснутся твоих, в следующий раз, когда твои руки окажутся в моих волосах — единственным человеком, о котором ты будешь думать, буду я.

Я застыла, смотря на Майкла, гадая, как так может быть, что я инстинктивно могу понять других людей — их личности, убеждения, желания, но когда дело доходит до того, чего я хочу, то я как остальные, путаюсь и разрываюсь.

Я не знала, как мне быть с тем, что моя тетя убийца или с тем, что она мертва.

Я не знала, кто убил мою маму, и не думала, что ее потеря сделала меня ближе к ней. Я не знала, способна ли я подпустить кого-нибудь поближе. Я не знала, смогу ли я полюбить.

Я не знаю, чего я хочу или с кем хочу быть.

Но стоя здесь, смотря на Майкла, единственное, что я знала, так же, как и всегда знала все о других людях, так это то, что рано или поздно, как часть этой программы — часть этой команды — я собираюсь выяснить это.

Конец первой книги

notes

Чириос — американская марка сухих завтраков

Как Засадить в Тюремю Плохих Парней 101** — видимо ссылка на американский подростковый сериал Зоуи 101 (2005–2008 г.)

Acura (Акура) — североамериканское отделение концерна Honda, специализирующееся на выпуске спортивных и престижных автомобилей

Дурная Кровь — фильм 1956 года о девочке из благополучной семьи, которая убила одноклассника. Фильм «*Дурная кровь*» — один из «Отцов Основателей» всех триллеров о малолетних милых убийцах с невинными глазенками, которым все вечно сходит с их маленьких ручек.

Пиродинамика — учение о силе огня

Эвфемизм (греч. εὐφήμη — «благоречие») — нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными.

Субконъюнктивальное кровоизлияние — это кровоизлияние под конъюнктиву (тонкую, прозрачную оболочку глаза, богатую мелкими и хрупкими кровеносными сосудами). Когда кровеносный сосуд лопается, кровь изливается в пространство между конъюнктивой глаза и склерой (белой, плотной оболочкой глазного яблока).

ГОМК (гамма-оксимасляная кислота) — применяется в медицине в качестве успокаивающего и ноотропного средства в виде оксипутирата натрия.

1 фунт = 0,454 кг (110 фунтов = 50 кг).